

ХРИСТИАНОС

XXIX

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407 – 0898

Обложка работы архимандрита Зинона (Теодора)

Редакционный совет

Наталья Большакова-Минченко –
главный редактор, Латвия

Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*Перепечатка материалов альманаха «Христианос»
возможна только с письменного разрешения гл. редактора*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2020

*Путями,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом,
и Сыном, и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

Протоиерей Александр Мень
в день именин 12 сентября 1983 г.
в храме Сретения Господня
(с. Новая Деревня).
Фото Софии Руковой

К 85-летию со дня рождения (1935)

*К 30-летию со дня
мученической кончины (†1990)*

АЛЕКСАНДРУ МЕНЮ

Тебе – в бессмертие идти,
мне – тлеть в дымящемся болоте,
чтоб эти розные пути
сомкнулись в смертном развороте.

Запутавшись в тяжёлых снах,
брedu к тебе с надеждой робкой
уздеть тебя за той церковкой,
где ты за совесть, не за страх,
служил Творцу и маловерам,
являя собственным примером,
какою силой надо жить.

Не забывай нас, грешных, отче.
Не устаём тебя молить
тем неотступней, чем короче
становится земная нить.

11.05.2020

В. Илюшенко

СЛУЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

*«...Что бы меня порадовало,
если бы я умер и оттуда следил
за происходящим?
Только одно: чтобы дело
продолжалось».*

Прот. Александр Мень –
из устного завещания
на случай ареста или смерти.
Март, 1980¹.

За 30 лет, прошедших со дня мученической кончины отца Александра Меня, о нем многое сказано и написано. И выдающийся богослов, ученый-энциклопедист, духовный писатель, библеист, и несравненный проповедник, миссионер – все это составляло цельный образ доброго пастыря. Отец Александр принес все свои дары, труды, все наработанное им с детства, отрочество – своей пастве. Он сам говорил: «Все мною написанное, все книги – часть пастырского служения». Не будь А. Мень священником, он написал бы другие книги, но он все положил на алтарь пастырского служения.

У Александра Меня было абсолютное призвание к священству, по призыву Христа, услышанному Аликом в раннем отрочестве среди грозной реальности сталинской империи. Священник принадлежит каждому человеку, – потому что принадлежит Христу. Таким священником был о. Александр, в этом ключ к тайне, – как ему удалось во времена тоталитарного режима привести к Богу тысячи людей. И он мог бы сказать о себе

---

¹ Цит. по книге *Масленикова З. А. Жизнь отца Александра Меня*. М.: Русслит, 1995. С. 464.

словами ап. Павла: «...я родил вас во Христе Иисусе благовествованием» (1 Кор 4:15).

Сегодня священники, богословы сравнивают о. Александра, по его трудам, по масштабу созданного им, с такими Отцами Церкви, как Иероним Стридонский, как Ориген. Он и сегодня остается для современников и учителем веры, и учителем молитвы, продолжает быть и апологетом, миссионером, и просветителем. О том, что служение о. Александра продолжается, говорят и нападки на него, сопротивление тому очевидному благу, которое несет все его наследие в целом, включая, и его «отношение к жизни как к насквозь пронизанной Божественной любовью и Божественной заботой о человеке» – как пишет Владимир Илюшенко².

В этом выпуске альманаха мы собрали свидетельства священников (как знавших лично о. Александра, так и тех, кто испытал на себе влияние его трудов, не будучи знакомым с ним), которые сегодня служат в Русской Православной Церкви, используя в своей пастырской практике тексты и опыт о. А. Меня. Продолжая, таким образом, – все вместе и каждый в отдельности – священническое служение о. Александра.

Как было уже сказано, за прошедшие три десятилетия, многое написано и издано об о. Александре: это и биографии, и воспоминания, и попытки анализа различных аспектов его пастырской деятельности, его церковного служения.

И мы поняли, что необходимо проанализировать, хотя бы бегло, неподробно книги об о. Александре. Речь

---

² Илюшенко Владимир. В чем заключается духовное наследие отца Александра Меня? // «Христианос-XXIX». Рига: ФиАМ, 2020. С. 95.

идет не обо всех книгах, что и невозможно охватить в одной статье. Но нам показалось важным увидеть тот портрет (пусть, неоконченный) нашего пастыря, который создается пишущими о нем. Хотя, порой, с искажениями, идущими от «своего»... И есть маленькая надежда, что возможно, этот анализ поможет тем, кто в будущем будет писать о личности, служении, духовном творчестве о. Александра, – быть более трезвенными, чтобы было меньше «своего», а больше стремления к прозрачности, к правде.

Также в альманахе читателя ждет встреча с фрагментами обширного эпистолярного наследия о. Александра и комментариями к нему.

В 2020 г. исполняется 40 лет со дня кончины Н. Я. Мандельштам, и мы посвящаем ей рубрику, куда вошли материалы не только о Надежде Яковлевне, но и об их отношениях с о. Александром Менем. Все эти уникальные свидетельства, собранные по крупицам, в том числе, и редкие фотографии, нам очень дороги. Надеемся, что эта публикация снимет некий полулегендарный фон, неизбежно налагающийся на биографии великих людей.

Есть рубрика памяти о. Рене Маришаля, скончавшегося 06.04.2020 г., – человека, близкого о. Александру; верного друга альманаха «Христианос». Отец Рене – один из тех представителей открытого христианства, кто, как и о. Александр, всю жизнь трудился ради преодоления разделения христиан.

Завершается альманах *Посвящением* о. Александру работы его многолетнего прихожанина, его духовного сына, историка, философа и поэта, Евгения Рашковского.

Редакционный совет

*Крестный ход во время «детской» Пасхи.
Среда Светлой седмицы, 18.04.1990.*

Храм Сретения Господня (с. Новая Деревня).

Фото Софии Руковой

**НАСЛЕДИЕ ПРОТОИЕРЕЯ
АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
В СЕГОДНЯШНЕМ ОПЫТЕ РПЦ**

Протоиерей Александр Борисов

**ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ –
УЧИТЕЛЬ ВЕРЫ**

Пастырская педагогика отца Александра Меня

Среди книг отца Александра Меня, изданных после его кончины, есть небольшая книга, озаглавленная «Почему нам трудно поверить в Бога?». Она включает в себя одноименную беседу, а также несколько статей, посвященных этой же теме. В ней кратко, просто и, вместе с тем, вполне основательно намечены основные вехи не только прихода человека к вере в Бога и к жизни в Церкви, но и, вообще, жизни человека в обществе в соответствии с христианской верой. Данная статья основана, главным образом, на цитатах из этой книги с небольшими комментариями.

Вступление к «Трем разговорам» замечательного русского христианского философа Владимира Соловьева начинается следующими словами: «Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собою исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия?». Мысль Владимира Соловьева о необходимости для каждого человека «иметь точку опоры в ином порядке бытия» стала центральной в жизни и трудах отца Александра Меня. И с самого детства этой точкой опоры стала для него вера в Иисуса Христа, как Сына Божия, пришедшего спасти мир.

Начало церковного служения отца Александра Меня пришлось на конец 50-х годов. Это было время правления Хрущева в СССР, когда приостановившаяся во время Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда вдруг вспыхнула с новой силой. Малейшее проявление религиозности сразу вызывало подозрение в сектантстве, изуверских обрядах и т.п.

Тем не менее, уже через месяц после диаконского рукоположения в июне 1958 г., отец Александр «издает» написанную им в студенческие годы свою первую книгу о Евангелии «Сын Человеческий». Эту первую серьезную книгу отец Александр редактировал все последующие годы. Знаменательно, что именно с нее в 2015 году, по благословению святейшего патриарха Кирилла, начинается издание Собрания сочинений протоиерея Александра Меня в 15-ти томах. Первый тираж тогда, в 1958 году, был всего шесть экземпляров. Столько брала пишущая машинка.

В то время некоторые знакомые отца Александра порой даже недоумевали, для чего он отдает столько времени и сил своим будущим книгам, когда совершенно очевидно, что это, во-первых, небезопасно, а, во-вторых, нигде и никогда не будет опубликовано. Отец Александр отвечал, что, если нам будет что сказать людям о нашей вере, Бог найдет пути для того, чтобы донести наше свидетельство до тех, кто готов Его услышать.

При этом церковное служение отца Александра всегда проходило в полном соответствии со сложившейся традицией и в послушании священноначалию. Он никогда не становился на путь политического противостояния, всегда напоминая о том, что нам поручено,

прежде всего, «проповедовать *Евангелие всей твари*». Когда речь заходила о тех или иных безобразиях советского режима, и о необходимости как-то этому противостоять, он всегда шутливо говорил: «Самая антисоветская книга – это Евангелие».

По этой первой книге, – «Сын Человеческий» – уже видно, что первостепенное значение в христианской жизни отец Александр придавал Священному Писанию, потому что именно оно говорит нам о Боге и о том великом Откровении, которое дано нам в Его Сыне, Господе Иисусе Христе. Так что Христос был для отца Александра Альфой и Омегой всей его жизни и всех его трудов.

Как же отец Александр, как пастырь, помогал людям прийти к вере во Христа? В этом смысле он также воспринял одну из важных идей Владимира Соловьева. Имеется в виду отношение Соловьева к дохристианским религиям не как к сплошным заблуждениям, а как к поиску людьми божественной истины, поиску, ответом на который и стало воплощение Сына Божьего. Сам Владимир Соловьев не успел осуществить в своих трудах замысел показать религиозный путь в истории человечества. Но именно эта мысль философа легла в основу создания отцом Александром шеститомника под общим заглавием *В поисках Пути, Истины и Жизни*. В нем прослеживался духовный путь ветхозаветного откровения, а также поиск истины в греческой философии и религиях Востока. Отсюда уважительное отношение отца Александра ко всем видам религиозных поисков и его современников, поскольку духовный поиск каждого отдельного человека нередко в чем-то повторяет поиск истины на протяжении истории.

«Богопознание, – писал отец Александр Мень, – это процесс. Человек смутно чувствует реальность Бога – это уже вера, какая-то начальная ее ступень. Если люди чувствуют величие духа до такой степени, что почитают иллюзией весь окружающий мир, – это только один из аспектов веры. Если мусульманин верит в единого Бога как властителя истории и человека, он тоже исповедует по-своему истинную веру».

Святитель Иннокентий Херсонский, русский проповедник XIX века, сравнивал Бога с солнцем, а людей различных вероисповеданий с жителями различных поясов Земли. Если где-то у полярных льдов не видят солнца по полгода, и оно доходит до них в слабом отблеске, то на экваторе оно палит с полной силой. Точно так же в историческом развитии религий все больше и больше наращивалось приближение к Богу.

Итак, мы можем сказать, что ни одна из религий не является абсолютно ложной. Все они несут в себе какой-то элемент, являются фазой или ступенью к истине. «Разумеется, – писал и говорил отец Александр, – в различных религиях есть понятия и представления, которые христианское сознание отмечает. Но и в недрах самого христианства могут возникать ложные аспекты, например, обрядоверие, стремление отстаивать свою веру насилием и жестокостью. Скажем, какой-нибудь инквизитор, который считает, что, сжигая еретиков, он совершает дело Божие, – он же тоже ослеплен роковым заблуждением, но не потому, что ложно христианство, а потому, что человек сбился с пути».

Что есть человек? Загадка человека

«Когда-то в древности в Дельфах был храм, на фронтоне которого было написано: «Познай самого себя». Великий мудрец Сократ сказал, что с этого начинается человеческая мудрость. И сегодня для нас с вами познание самих себя – это не роскошь, а острыя жизненная необходимость, потому что если человек сегодня не познает самого себя, то, может быть, этот век или век грядущий будут последними в многотысячелетней истории людей».

«Сам человек всем своим существованием указывает на реальность какого-то иного плана бытия. Однажды Гилберт Честертон сказал, что, если бы ласточки, вместо того чтобы строить себе гнезда и таскать мух для птенцов, стали создавать философские системы и размышлять над смыслом жизни, это показалось бы нам необычайным чудом. [...] Но почему мы не поражаемся тому, что какое-то позвоночное, скованное законами биологии, думает о том, чего оно не может пощупать руками, увидеть глазами, мучается проблемами, которых нет в природе? [...]

Каждый из нас несет в себе удивительную загадку духа, того, чего нет ни в одном организме, ни в одном камне, ни в одной звезде, ни в одном атоме, а только в человеке. В нашем теле преломляется весь комплекс мироздания, вся природа, а что отражено в нашем духе? Не высшая ли духовная Реальность? Именно поэтому, что мы обладаем духом, мы можем быть проводниками этой Божественной Реальности».

«В душе каждого Бог закодировал ощущение Вечности, ощущение Высшего Начала. И поэтому, чтобы

прийти к вере, надо прийти к самому себе. Мы живем как бы вдали от себя. Мы работаем, ходим, бегаем, трудимся, но мы совершенно не помним себя. А надо вернуться к себе, почувствовать внутри себя тишину, осознать важность своего духа».

«И когда человек познает самого себя в творческом процессе и в процессе познания, он приходит к мысли о своем родстве с тем безмерным, бесконечным, непостижимым, что воплощается в космосе, чья сила и бесконечность реализуются в материальной Вселенной, в ее законах».

«Один человек более чудесен, чем целая Галактика, если в ней нет ни жизни, ни разума.

Иными словами, мы приходим к мысли о том, что дух (как мы это называем), мысль, разум, сознание являются чем-то, стоящим на вершине пирамиды мироздания, его средоточием. Причем неважно, имеются ли аналогичные существа на других планетах или нет. От того, что такие существа есть, просто количественно увеличивается разумное население Вселенной. [...] Общая формула человека – это материя, наделенная духом, сознанием».

Поиск духовного

«Человек размышляет о смысле своего существования, и надо сказать, что все поиски человека всегда сориентированы на что-то реальное. Человек хочет есть, пить, отдохнуть [...] – все это соответствует каким-то объективным вещам. И наши поиски духовного, наши поиски добра и зла – это не просто каприз, они тоже отражают нечто объективное, реальное».

В Евангелии от Иоанна Христос говорит: «*Никто не может прийти ко Мне, если не будет ему дано от Отца Моего*».

«Христос говорит о том, что любое обращение к Высшему, любое открытие в себе веры происходит не автономно, а при участии Высшей силы, благодати Божией. Нам кажется, что мы сами открыли в себе веру, но благодать нам помогает – вот что означают эти слова».

В чем же особенность человека, в чем его тайна, его феномен, отличающий его от всех живых существ в мироздании? Это – присутствие духа в человеке, его духовность. Откуда она в нем?

«И нам сегодня очень важно понять происхождение этой тайны. Как люди, как homo sapiens, как члены огромной семьи приматов, мы есть образ и подобие природы. Но мы – образ и подобие и чего-то иного. Иного, начало которого находится в мире, над миром и что создает его».

«И как организм должен находиться в гармонии с природой, иначе он вянет, болеет и гибнет, точно так же и дух человека может быть гармоничным только, если находится в гармонии с Вечным Духом, отображение Которого он несет в себе, часто этого не сознавая! Это то, что является врожденным в человеке с самого начала.

Откуда всевозможные культуры, политическая мифология? Вы думаете, это только происки политических фальшивомонетчиков? Нисколько. Они играли на том извечном, что заключено в человеке. Ибо человек подсознательно всегда ощущает, что мир имеет смысл, история имеет смысл, мое личное бытие имеет смысл! Человек есть существо религиозное, стоящее перед

Божественной тайной. И когда эта тайна извлекается из его интеллекта различными способами, иногда искусственными и очень жесткими, оперативными, в подсознании это продолжает жить. Подобно тому как человек, лишенный пищи, вынужден жевать опилки, только чтобы утолить свой голод, – так человек, лишенный понятия о Божественном, будет поклоняться артистам, диктаторам, чему угодно!»

Что мы знаем о Боге

«Навсегда остаются для нас глубокой истиной слова евангелиста Иоанна, что «Бога не видел никто никогда» (Ин 1:18). И это принципиальный вопрос. Потому что человек еще не познал, как я уже говорил, и сотой доли творения, тем более, то Бесконечное, что стоит за этим творением, для нас поистине недоступно.

Как говорили большинство древних философов и ученых, и за ними повторяли богословы и мыслители всех веков, первое, что может сказать человек о Боге, – что Он есть, что Он является реальностью. Но сказать о том, чем является Бог, он не может. Почему? Потому что каждое наше слово и каждое наше определение – это всегда земное слово и земное определение, оно всегда соизмеримо с нами».

«То, что мы называем доказательствами бытия Божия, есть, во-первых, разрушение некоторых предрассудков, которые связывались с отрицанием бытия Божия; во-вторых, связано с неким логическим рядом, который нас приводит к идее Бога. Но идея – это не есть доказательство. [...] Но когда человек открывает в себе тот орган, который пробуждает в нем веру, он

открывает веру в себе – человек не берет ее ни от кого – для этого источник надо очистить. И в данном случае так называемые доказательства бытия Божия работают как очистительные механизмы».

Эти доказательства все равно оставляют свободу выбора.

«Надо помнить, что вера – это есть твое особенное внутреннее открытие, которое потом уже ты подтверждаешь и которым делишься с другими.

Подсознательно верят все. Подсознательно каждый из нас ощущает, что есть глубочайший смысл бытия. [...] Разумно верующий человек – это тот, кто это ощущение выводит на уровень сознания».

«И мы знаем из собственной жизни и из художественной литературы, что, когда у людей угасало в подсознании чувство связи со смыслом, они просто приходили к самоубийству. Потому что жизнь теряла для них всякое основание».

«Человек, переходя от бессознательной веры к вере сознательной, приходит сначала к первому этапу – к пониманию тайны бытия, тайны жизни. В нем рождается нечто вроде молитвы. Многие... могли пережить такой момент своей жизни, когда вдруг все, что тебя окружает, ты воспринимаешь как нечто целое, обращенное к тебе.

Это перестает быть множеством вещей, но вдруг становится знаком того, что над всем этим присутствует Некто – не нечто, а Некто.

И тогда все меняется. [...] И вдруг мы понимаем, что мы не просто какие-то случайные существа, возникшие на маленьком, крошечном шарике, которые сегодня есть, а завтра умрут, сгниют, и все это бесполезно;

вдруг оказывается, что Вселенная – это симфония, что жизнь человека имеет какое-то бесконечное продолжение, что во всем этом есть некий замысел и цель...»

«В Священном Писании Ветхого Завета наше слово “вера” передается словом “эмунá”. Но смысл этого слова несколько иной, чем в обычном лексиконе. Оно означает полное доверие голосу Божию. [...]»

Апостол Павел говорит, что Авраам стал отцом всех верующих (см. Рим 4:3-11). Он поверил Богу, и это вменилось ему в праведность». Обратим внимание, что отец Александр подчеркивает – он не «*поверил в Бога*», а «*поверил Богу*» (курсив мой – *А. Б.*), то есть речь идет о *доверии* Богу . «Он не только понимал, что есть Вышнее Бытие, но ощущал, что Ему можно довериться, довериться по-настоящему, как Благому. Есть ведь иные варианты: человек может считать бытие враждебным, что он заброшен в этот мир, мир черный и пустой. А вера переворачивает наше зрение, и вдруг мы видим, что бытию можно довериться».

«Но фраза евангелиста должна быть продолжена. Когда он говорит, что Бога не видел никто никогда, он прибавляет: “Единородный Сын, Который пребывал в лоне Отца, – Он явил” (Ин 1:18). Фактически до явления Христа мы имели о Боге только предчувствие, интуицию, догадки, выводы, доводы, аргументы, размышления. И фактически все религии и философии были похожи на некоторый поток, устремленный вверх, или, выражаясь образно, – на руки человека, обращенные к небу, небу духовному. Поэтому, если говорить строго, то христианство не является религией. В этом смысле слова оно не есть поиск Бога, устремленность к Нему. Оно есть ответ, принесенный нам. Он отвечает. Молча-

ние бездны, молчание бытия, молчание космоса вдруг нарушается Словом. Недаром символом Христа в Евангелии становится Слово».

Христос

«Христос – это откровение Бога, данное человеку самым интимным образом, потому что мы с вами люди и можем познать Вечное только тогда, когда Оно преломляется в конечном, и, прежде всего, в человеческой личности. Вот почему мы христиане, вот почему центром у нас является личность Христа, все остальное нарастает вокруг Него».

«Христос мог явиться людям в виде какого-то видения, явиться так, как Он явился апостолу Павлу по пути в Дамаск, в сиянии Божественной славы. Но произошло совсем не это. Произошло поразительное! Произошло то, что Он родился как каждый человек, и как каждый человек жил, трудился, нес на Себе бремя всех человеческих тягот – Он разделил с нами все! Фактически нет ничего в этом мире (кроме зла и греха), что бы Христос на Себя не принял. Тем самым Он освятил и преобразил нашу жизнь. В ней уже нет мелкого, ничтожного».

«Православные богословы даже употребляют специальный термин для определения характера явления Христа – они называют это греческим словом *кенозис*, по-русски это слово можно перевести как “умаление”, “уничижение”».

«А между тем Он никогда не говорил о Себе, что Он такой же, как другие учителя, что он такой же, как другие философы или пророки. ... Есть несколько великих

людей, имена которых дороги и священны для миллионов жителей земли. [...]

...Магомет, который повел за собой тысячи арабов из глубины пустыни, говорил, что “я и моя жизнь перед вечностью Божией подобны жужжанию комариного крыла”. Между тем Христос говорит: “Я и Отец – одно” (Ин 10:30). [...]

Ни Будда, имя которого священно для миллионов буддистов, ни Конфуций, ни последующие учителя никогда не говорили, что они есть истина. Социальные мыслители позднего времени, которые искали освобождения человека при помощи перемены внешней структуры общества, никогда не говорили, что они есть истина. Они всегда указывали на “светлое будущее” впереди как некий идеал, куда они тоже идут вместе с другими. [...]

Пророки Ветхого Завета, пророки Израиля призывают: “Слушайте Закон Божий – он открывает вам истину”. А Христос говорит: “*Вот Закон Божий говорит так, а Я говорю вам...*” (курсив мой – А. Б.), – и добавляет к нему что-то, поднимающее Закон на еще более высокий уровень (см. Мф 5:21). Иными словами, Он ставит Себя на уровень слова Божьего, на уровень Писания и даже выше его. Таким образом, в ряду всех учителей человечества, древних и новых, Он единственный с такими притязаниями. Он единственный говорит о Себе, что через Него открывается людям Божество.

Некоторые специалисты исследовавшие Евангелие, нашли, что там почти нет моральных или доктринальных изречений, которых нельзя было бы найти в каких-либо других великих, знаменитых в то время

книгах человечества – у мудреца Сенеки, у Будды или Сократа.

Значит, вовсе не доктрина является для нас в христианстве самым ценным. Что оставил нам Магомет? Он оставил веру в единого Бога и Коран. Что оставил Будда? Призыв к освобождению от мира, практику сосредоточенности и пути к просветлению, и еще орден свой. Что оставили Платон, Паскаль, Маркс? Оставили книги, доктрины, учения. Что оставил Христос? Он оставил не дело Свое, не книгу Свою, не доктрины, не учение – Он прежде всего оставил нам Самого Себя. Прощаясь с учениками, Он сказал: “*Я с вами во все дни до скончания века*” (курсив мой – А. Б.) (Мф 28:20). [...]

Суть и смысл христианства заключаются в том, что каждый из нас может внутренне выйти на путь общения с Ним, с самим Христом, реально существующим, живым. Он живой не в идеях, наследии и деле, а Он реально живой для каждого из нас. Это возможно в самых различных моментах жизни: в молитве, в чтении, просто в сосредоточенном размышлении. И любой христианин, который прошел хотя бы небольшой отрезок по этому пути, знает, что Христос для него не был когда-то, а есть сейчас. В этом весь секрет. В этом тайная сила христианства. Христианство – это во-первых, и во-вторых, и в-третьих, – Христос, без Которого ничего не существует в Церкви».

«Вот наш знак – крест. Крест – это знак самоотверженной любви Бога к человеку. Христос сказал: “*Заповедь новую даю вам*” (хотя о любви говорили и раньше, многие века): “*Любите друг друга, как Я возлюбил вас*” (Ин 13:34)» (курсив мой – А. Б.).

Вера и обряд

Вспомним, что отец Александр Мень в своих книгах обращался к читающей аудитории 60-х – 80-х годов XX века. В то время большинством населения Советского Союза была практически полностью утрачена христианская и церковная традиция.

Позволю себе привести такой комический пример. Большинство наших интеллигентных людей, даже сейчас, когда речь заходит об одежде священника, употребляют слово «сутана». Это слово в нашем церковном быту никогда не звучало. Откуда оно взялось? Понятно, что оно пришло из книг западных писателей. А вот слово «ряса», веками обозначавшее верхнюю одежду священника, начисто выпало из словаря советского человека. Так что годы преследования Православной Церкви в России не прошли даром даже в таком малозначительном проявлении.

Пробуждение религиозного чувства у наших соотечественников начиналось чаще всего с интереса к йоге, экстрасенсам, буддизму, а в том, что касалось христианства, православия – с древнерусской иконы и храмовой архитектуры. Поэтому внешние формы проявления христианской веры, обряды для многих нередко становились, чуть ли не главным препятствием для веры и церковной жизни. Об этом отец Александр нередко говорил и писал.

«Обряд есть внешнее выражение внутренней жизни человека. Мы иначе не можем ее выразить, мы ведь духовно-телесные существа. [...]»

Мы всегда выражаем все свои чувства, и глубокие, и поверхностные. И все это рождает установившиеся бы-

товые обряды: поцелуи, рукопожатия, рукоплескания, все что угодно. Более того, обряд служит для поэтизации, украшения наших эмоций. [...]

Кроме того, обряд объединяет людей. Люди пришли в церковь помолиться, они вместе встали на колени. Это состояние души охватывает всех. ...На самом деле, если вера пронизывает их жизнь целиком, по-настоящему, то для них это необходимо. [...]

Только не надо путать главное, существенное с второстепенным. Вот из-за этой путаницы и возникает церковный формализм. Он принес много бедствий Церкви вообще и в частности Русской Церкви. В XVII веке от нее откололась наиболее активная масса людей ... только на том основании, что люди крестились не так. Почему ушли? Они решили, что основа христианства заключается в этих вещах и за них нужно умереть».

Традиция и новаторство

Как бы продолжением темы обряда является тема новаторства, изменений во внешней стороне церковной жизни. Отец Александр писал об этом так: «Если дать простор бесконтрольному модернизму, который будет ломать все старые формы, он разрушит свою форму вообще и вытечет на пол. Если сделать формы абсолютными и заставить их служить непробиваемой броней, то остановятся движение и духовная жизнь. Между традицией и новаторством должна существовать обратная связь.

Возьмем пример из биологии: когда животное покрывает себя панцирем, то оно спасается от опасности, но в какой-то момент панцирь мешает ему двигаться.

Точно так же наша вера имеет панцирь каких-то обрядов, правил и так далее, но, когда мы чувствуем, что этот панцирь мешает, давит [...] – надо искать путей преобразования. И напротив, если снять совсем панцирь, мы становимся как бы моллюсками без всего, нас легко раздавить.

В эволюции организмов есть третий путь, по которому пошли хордовые. Они создали твердый стержень внутри, позвоночник. Вот позвоночник, как основа веры, видения, воли, нас ограждает гораздо лучше, чем всякий панцирь, и в то же время не мешает двигаться свободно».

Вера и повседневная жизнь

В советское время обращение к христианской вере, особенно людей образованных, было, как правило, настолько радикальным внутренним изменением, что нередко приводило к изменению и всего внешнего строя жизни. Молодые люди нередко бросали высшие учебные заведения, кандидаты наук шли в церковные сторожа и дворники и т.п. С другой стороны, люди пожилые, в основном женщины, находили для себя в церкви тихое пристанище на старость. Отец Александр был противником и того и другого решения.

Он часто говорил о том, что «Христос никогда не звал людей бросать все, бежать в пустыню, сидеть и размышлять о своем третьем глазе и о чем-то в этом роде». Он хотел, чтобы люди жили по-Божьи среди самых обычных вещей, в самых обычных обстоятельствах.

«Я всегда себе представляю, – говорил отец Александр, – Христа по картинам Василия Поленова. Вот

Он идет по двору, и Его зовут починить ограду, которую сломал бык. Он идет, месит глину и Своими руками кладет камни на эту ограду. Святой Юстин-мученик писал во II веке, что Христос делал плуги, делал ярмо для волов... Может ли мы представить, что Он их делал плохо? Может ли представить, что люди приходили и жаловались, что Иисус сделал им плохую вещь? А ведь Он прожил так большую часть Своей жизни! И вот это факт, о котором мы забываем, а он трансформирует, преображает нашу повседневную жизнь».

«Он внес духовное в самое простое. И христианин – это тот, кто всегда видит во всем священное, для которого нет отдельно сакрального и профанного, как любят выражаться снобы. Да все сакральное! [...] Горсть земли, глоток воды – все по-своему священно. [...]

Во всем проявляется святое: в пище, в физической работе, в работе ума, в наших поступках...

Значит, *нет ничего более практического, чем Евангелие* (курсив мой – А. Б.). И по Евангелию можно жить, имея любую профессию. Среди святых есть князья, низшие, цари, епископы – люди всех сословий. Быть христианином на своем профессиональном уровне, на своей кухне – везде! Вот вы подметаете пол – женщины или мужчины, теперь мы все уравнялись – всегда надо помнить, что Дева Мария мела пол так же, как и мы – у нее же не было слуг, которые бы этим занимались. Нет ничего унизительного для человека, кроме предательства и вражды.

Христианин живет среди людей. Это страшно трудно – многим христианам хочется, спрятаться в некий кокон. Иногда надо иметь такое психологическое засыпание, но, в общем, мы должны свидетельствовать, и не

словами, а делом. Должны быть такими, чтобы люди посмотрели и увидели в нас какую-то другую породу людей, что в нас есть что-то такое твердое и прекрасное, что достижимо для каждого. Это лучшая проповедь».

«Еще одна тайна Евангелия: люди не могут осуществлять его врозь. Замысел Христа – это многоединство. Много в единстве. Это возводит нас в тайну Божества, Которое тоже, по свидетельству Христа, есть некое многоединство. Тайна Троицы.

Христос не однажды когда-то, а постоянно создает многоединство, которое Он назвал “Церковью”. “Церковь” (по-гречески *эклесия*) значит “собрание”, “общество” людей, община, которая идет вместе с Ним. [...]

Христос ставит Свою Церковь на фундамент свободы – мы никогда не видим с Его стороны насилия. Да же то, что Он явился в уничиженном, умаленном виде, было условием Его свободного принятия. Он зовет каждого, оставляя за нами свободу. В Нем нет ничего от человеческой тоталитарности, диктаторства, навязчивости – всегда свобода. [...]

В силу этого обстоятельства нужно заключить следующее: Евангелие, Церковь – это не бегство от действительности, это не тихая заводь или гавань. Напротив, это есть восхождение по крутым ступеням. [...] Это – поле битвы, прежде всего битвы с собой».

Зло

Наконец, одна из самых трудных проблем человеческой жизни, – откуда в мире зло? Отец Александр отвечал на это так.

«Я не только уверен, что дьявол существует, но думаю, что в жизни это можно всегда увидеть. Есть зло от несовершенства, от страдания, … от невежества, от голода и от многих других причин. Но есть зло, которое не имеет природного происхождения, сатанизм, сидящий в человеке, который пытался описать Достоевский. [...]»

Одна из причин, почему нельзя объяснить происхождение зла: потому что оно совершенно вне категорий рационального объяснения, потому что оно есть иррациональное до последней глубины. [...] В иррациональном – хаос шевелится. В этом хаосе человек соприкасается с духовными измерениями столь же больными, как и он сам.

Достаточно войти в любую больницу, достаточно раскрыть любую газету, достаточно просто заглянуть в свою совесть, чтобы легко убедиться, что “мир лежит во зле”.

Когда мы говорим о том, как Проведение допускает зло, Он отвечает нам: Я вас послал, чтобы вы его искореняли; Я вас послал, чтобы вы этому противостояли! Я дал вам свободу и волю! Почему вы не слышите Моего голоса?! В Библии говорится ясно и четко: перед вами два пути, – говорит пророк Моисей народу, – выбирайте жизнь или смерть (см. Втор 30:15-20). И когда человек выбирает смерть, путь смерти, он не должен уже жаловаться. Но есть путь жизни, и никогда не поздно его избрать.

В отношении страдания можно сказать только одно: зло человеческое Бог поворачивает к добру, как это видно из книги Бытия. Рассказанная в ней история Иосифа заканчивается словами, что Бог даже зло поворачивает

к добру (Быт 50:20). Но это не значит, что зло есть добро. Зло есть зло. Болезнь есть зло, хотя она и может послужить человеку, привести к покаянию или вообще к серьезному размышлению над своей жизнью; очень многие люди начинали свой путь к Богу именно во время болезни. Но это не значит, что не нужно лечить людей».

«Человек познал добро и зло (вы все помните библейское сказание). А это означает, что человек решил сам мерить добро и зло, по своим меркам. Не так, как это следует из высшего, священного, Божественного закона, а как ему вздумается: добро то, что выгодно лично мне или моей семье (моему клану, классу, партии, группировке). Конец! Это начало конца».

«Чтобы бороться с сатаной нужно больше соответствовать образу и подобию Божию, надо вытеснить это темное начало в себе. Не изгонять – никогда не изгонишь, – а вытеснить позитивным. Чтобы ему не оставалось места, или как можно меньше места».

«Когда мы начинаем учиться отличать добро от зла, когда мы учимся находить в себе это “поле битвы”, о котором говорил Достоевский, – начинается работа по взращиванию нашей духовности».

«Тело человека нуждается в культивации. Вот у нас есть такое банальное слово “физкультура”. Есть культура тела. Существует культура выращивания растений. [...]»

Но дух, который дан нам свыше как редчайший дар, тоже требует культивации, он тоже требует взращивания!

Священный опыт мировых религий, духовные традиции, которые столетиями и тысячелетиями взращива-

ли лучшие представители человечества, служили культивации в человеке его духовного начала».

«Это дело каждого человека. Это величайшее творчество! Для того чтобы творить, не обязательно создавать картины, симфонии или скульптуры. Каждый человек творит свою душу! Каждый человек созидаёт свою личность. Но созидаёт ее не в пустом пространстве, а в соотношении с другими “я” и с вечным “Я” Божественным».

«Проблема духовности – это не праздная проблема культурного досуга, а это жизненно важная проблема. [...] Духовность не есть какой-то маленький огонек, который надо зажигать, как лампадку, где-то в темном углу. Ничего подобного! Именно духовность является корнем всей культуры. Люди создавали свою музыку, свою архитектуру, свою живопись, свои социальные институты именно в соответствии с тем, как они воспринимали Божественное: Творца, космос, человека. Взгляд на эти три измерения и определяет любую культуру».

«Христианство говорит нам о том, что у человека может быть идеал и эталон, у него может быть мост, который связывает его с Вечностью. Но путь через этот мост требует от нас мужества: на том берегу стоит Он. Великий Паскаль говорил о некоем внутреннем рывке, который должен совершить человек, чтобы пойти на встречу этому призыву».

Как бы вторя ему, о. Александр часто говорил, что «христианство – это не теплая печка, на которой можно укрыться от жизненных невзгод. Вера – это путь, на котором множество крутых подъемов и дуют холодные ветры».

«Евангелие есть благовестие будущего. В прошлые времена его с трудом смогли усвоить лишь на десять процентов. И сегодняшнее человечество еще во многом не доросло до него. Но если мы хотим культивировать, развивать, оберегать нашу духовность, давать ей рост, мы всегда должны обращаться к этому вечному источнику. Там, где из величайшего молчания бездны, с нами начинают говорить – мы слышим голос Того, Кто сказал: «*Видеvший Меня – видел Отца*»; «*Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем. И найдете покой душам вашим*» (Ин 14:7; Мф 11:28-29).

Москва, 2018

Протоиерей Евгений Горячев

CREDO ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОСЛАВНОЙ ГОМИЛЕТИКИ*

В конце 70-х гг. XX столетия отец Александр Мень, отвечая на одно из частных писем, сформулировал свое личное христианское кredo, которое впоследствии было опубликовано.

Он не противопоставил данное индивидуальное исповедание вере Церкви (всем известному Никео-Цареградскому символу), но в тоже время посчитал нашу древнюю двенадцатитезисную доктринальную схему для себя самого не вполне достаточной.

Почему же? Собственно говоря, credo отца Александра – это его личная, вполне законная попытка восполнить нарочитый «аскетизм» нашего официального исповедания. Ведь согласитесь, об очень многом из того, что нас, церковных людей волнует, Никео-Цареградский символ умалчивает.

А во-вторых, будучи доктринальным литературным памятником, Никео-Цареградский символ, естественно, укоренен в божественном Откровении, однако его запечатленная, зафиксированная на письме форма почти нигде на это Откровение не ссылается. И даже когда такие ссылки есть, они едва ли понятны многим

---

* Настоящий доклад впервые прозвучал на конференции «“Вышел сеятель сеять...”. Наследие отца Александра Меня сегодня» прошедшей 10–11 ноября 2018 г. в просветительском центре Феодоровского собора г. Санкт-Петербурга.

современным прихожанам. Например, выражение: «*Воскресшего в третий день по Писаниям*», явно нуждается в пространном комментарии.

К слову, это и сейчас довольно распространенная проблема: не учитывать или мало учитывать священные тексты при оформлении частных и общественных идей, а также различных документов в современной Русской Православной Церкви.

Можно, конечно, сказать, что этот недостаток с лихвой восполняет святоотеческое творчество, сплошь пронизанное библеистикой, но и оно, увы, не всегда удовлетворительно. Во-первых, потому что не затрагивает проблематику будущих эпох; но главное потому, что знаменитый «*consensus patrum*» присутствует в святоотеческих сочинениях, лишь тогда, когда обсуждаемые отцами темы напрямую связаны с христианской догматикой. В границах «Символа веры» мы действительно сталкиваемся с патристическим единомыслием, но как только эти границы исчезают или становятся нечеткими, экзегетические комментарии авторитетнейших исследователей Священного Писания могут быть очень несхожи. К концу данного доклада мы в этом вполне убедимся.

Естественно, что *credo* о. Александра не обладает святоотеческим статусом. Естественно, что в его интерпретации христианства присутствует известная доля субъективности. Но ведь она есть и у святых отцов. И главное здесь то, что деятельность о. Александра в этой области, на самом деле, вполне традиционна, поскольку и не святые авторы в православной традиции очень часто выражали свою богословскую мысль весьма убе-

дительно и, следовательно, необыкновенно значимо для всей Церкви.

Вспомните, например, хотя бы В. С. Соловьёва и его учение о бого- и зверочеловечестве; вспомните о. Георгия Флоровского и его рассуждения о природе соборности и границах Церкви; вспомните выдающиеся формулировки В. Н. Лосского об антропологической трихотомии до и после грехопадения. И таких официально не прославленных людей в нашей традиции достаточно много. Отец Павел Флоренский, прот. Александр Шмеман, митр. Антоний Сурожский, С. С. Аверинцев – эти и другие православные авторы являются для нас теми людьми, чье богословское творчество неизменно вдохновляет, несмотря на то, что они пока что не причислены к лику святых. В этом ряду, безусловно, стоит и отец Александр Мень!

Теперь перейдем собственно к теме. Поскольку произведение, созданное отцом Александром, с точки зрения изложения евангельской сути в применении к различным областям нашей земной жизни, вполне аутентично (более того, на мой взгляд, оно просто превосходно), я посчитал возможным включить его в свои пастырские литургические проповеди.

Хорошо известно, что в этом тексте порядка 50 концептуальных положений. И это значит, что для священника, у которого после 10–20 лет церковного служения может возникнуть определенный кризис в выборе тем для публичного обращения к своей пастве, есть как минимум 50 серьезнейших тезисов, раскрывая которые он сможет в течение нескольких лет успешно проповедовать.

Приведу здесь только один пример творческого извлечения материала для литургической проповеди из

следующего тезиса credo о. Александра: «Христианство знает, что богослужебные и канонические уставы менялись на протяжении веков и в будущем не смогут (и не должны) оставаться абсолютно неизменными (Ин 3:8; 2 Кор 3:6, 17)¹. Это же относится и к богословскому толкованию истин веры, которое имело долгую историю, фазы раскрытия и углубления (так Отцы Церкви и Соборы вводили в обиход новые понятия, которых нет в Писании)».

Все, что касается устава и канонов нам, в общем-то, понятно, но вот то, что касается истин веры... стоит обсудить подробно! И здесь, отталкиваясь от утверждения отца Александра, я, как проповедник, могу рассуждать уже вполне самостоятельно на любые темы, которые сегодня волнуют очень многих.

Ниже пример такого рассуждения, который начинается с цитаты из частного письма:

– Отец Евгений, хочу понять Ваше отношение к экуменизму? Мне кажется, что для Вас, как для священника РПЦ, понятие ереси размыто... Мне очень интересно как вы со своими нынешними взглядами посмотрите в глаза тем отцам, которые возведены церковью в лик святых?!

Вышеприведенный тезис о. Александра очень помог мне не только ответить своему корреспонденту частным образом, но и публичного поделиться с прихожанами следующими мыслями.

---

¹ «Дух дышит, где хочет» (Ин 3:8); «Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор 3:6); «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3:17).

Общение с еретиками вопрос бездонный. Хотя для меня ответ на него достаточно прост, ибо он всегда упирается в личность инакомыслящего. С Пилатом, например, Христос разговаривать отказался (Ин 19:9), а вот с самарянкой, наоборот, долго общался на самые глубокие религиозные темы, вплоть до удивительных откровений (Ин 4:7-24). Мне кажется, что библейская картина этой проблемы выглядит значительно многогранней того упрощенного понимания, которое предлагают нам иногда канонические церковные источники.

Рассмотрим в этой связи хотя бы несколько примеров из Ветхого и Нового Заветов.

Моисей и Иофор. Известно, что величайший духовный лидер еврейского народа был женат на дочери язычника. Тесть Моисея Иофор был священником, однако в Библии не сказано, что это был священник Яхве, но лишь то, что он был мадиамским священником.

При этом Моисей стал его зятем, затем его работником, а спустя много лет (уже после того как он вывел евреев из Египта) Моисей был его сослужителем и покорным слушателем его советов. «*И принес Иофор, тесть Моисеев, всесожжение и жертвы Богу; и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым пред Богом*» (Исх 18:12).

Далее в тексте повествуется о советах Иофора по улучшению израильского судопроизводства. Защищая чистоту веры, можно было бы предположить, что Моисей допустил литургическое и «юридическо-каноническое» единство со своим тестем лишь потому, что тот обратился, и стал таким же верующим, как и все остальные иудеи.

Даже если это и так, Библия ничего не говорит нам о желании Иофора остаться в среде, которая так насыщена благодатью. Зато она говорит нам другое. После всего случившегося Иофор прощается с Моисеем и возвращается в мадиамскую культурную среду.

Соломон. Как известно, во время освящения храма (т.е. когда юный царь еще не вызывал никаких справедливых нареканий) Соломон просит Яхве помочь здесь не только иудеям, но и молящимся на этом месте язычникам. Примечательно, что в этом прошении нет и намека на то, что язычники, откуда-то узнавшие о силе и величии израильского Яхве, и поэтому просиявшие у Него здесь помочи, должны после этого перестать быть язычниками:

«Если и иноплеменник, который не от Твоего народа Израиля, придет из земли далекой ради имени Твоего, – ибо и они услышат о Твоем имени великому и о Твоей руке сильной и о Твоей мышице простертой, – и придет он и помолится у храма сего, услышь с неба, с места обитания Твоего, и сделай все, о чем будет взвывать к Тебе иноплеменник, чтобы все народы земли знали имя Твое, чтобы боялись Тебя, как народ Твой Израиль, чтобы знали, что именем Твоим называется храм сей, который я построил» (3 Цар 8:41-43).

И Бог ведь, отвечая на молитву Соломона, никак не опротестовывает этот его «экуменический» пассаж (см. 3 Цар 9).

Иона. Общеизвестно, что миссия этого пророка была направлена на жителей Ниневии. В итоге, ассирийцы покаялись, вследствие чего и были помилованы Яхве (Иона 3:1-10), но эти язычники, прося Бога Ионы о пощаде, не перешли ведь в иудаизм. Каких-либо би-

блейских и общеисторических свидетельств о том, что некие ассирийцы массово отреклись от своей национальной религии и сделались еврейскими прозелитами, нет...

История пророка Ильи в Сарепте Сидонской упомянута даже в Евангелии (3 Цар 17:17-23; Лк 4:25-27). Отношения пророка Елисея с Нееманом сирийцем тоже весьма показательны. Иноверец хотя и обещает стать прозелитом, но едва ли настоящим (ср. 4 Цар 5:1-19). К слову, оба этих эпизода, воспроизведенные Спасителем в проповеди, ужасно раздражают фарисеев – этих древних предтеч современных любителей жестких канонических формул.

Подытожим. Все вышеперечисленные случаи являются примерами покаянного расширения сознания язычников, которое возникало от их общения с носителями полноты божественного Откровения, но при этом и от своих старых богов эти люди все же не отрекаются. Во всяком случае, в Библии об этом ничего не сказано.

Другими словами, нееврейский политеизм осуждается в Ветхом Завете далеко не всегда и не в одинаковой степени. Во многих местах Пятикнижия есть указания, предписывающие дифференцированное отношение богоизбранного народа к язычникам. (Цитирую по памяти.) С одними вы не общайтесь вовсе (например, с амаликитянами), а с этими вот – пожалуйста... они братья ваши, хотя и верят не совсем так, как надо...²

Смею предположить, что эта разница связана с «количеством» Высшей Истины, которая – явно, как у Мелхиседека и Иова или неявно, как у Иофора и жителей

---

² См. Исх 34:1-17; Числ 25:17-18; Втор 2:18-19; Втор 23:7-8; Втор 25:9.

Ниневии – присутствовала в убеждениях и в жизни библейских неевреев.

Новозаветные примеры на этот счет не менее красноречивы. Христос Спаситель мира не раз общался с еретиками-самарянами, которые «не знают кому кланяться...». И, несмотря на это, диалог с ними присутствует. Далее, Господь, как мы помним, исцелил дочь сиро-финикиянки, обличив ее в «собачьей» жизни, но при этом, не требуя от нее скорейшего отречения от своих национальных верований (см. Мф 15:21-28). Наконец, апостол Павел искренне хвалит афинян за их веру в «неведомого Бога» (ср. Деян 17:22) и т.д.

А что же святые отцы? Будучи людьми своего времени, многие из них делали конкретные заявления по конкретному поводу. В других обстоятельствах, спустя века, сказанное ими на «злобу дня» может оставаться актуальным, а может и устаревать (именно об этом и говорит нам отец Александр). Поскольку канонизация чьей-то личной праведности совсем не обязательно канонизирует (то есть делает святым, догматически бесспорным) все этой личностью сказанное.

Как нам сегодня следует относиться, например, вот к такому высказыванию средневекового русского святого?

«Всем людям – и святителям, и священникам, и инонкам, и всем христианам – следует не только осуждать еретиков и отступников, но и проклинать их, цари же, князья и судьи мирские должны отправлять их в заточение и предавать лютым казням [...] Если какой-либо воевода, или воин, или начальник собрания, которые должны заботиться о том, не поступает ли кто и не рассуждает ли по-еретически, – если они, узнав об этом,

не сообщают о еретике, то заслуживают смертной казни, хотя бы сами и были православными»³.

Тенденция так думать встречается в нашей истории и гораздо позднее. Например, архиепископ Серафим (Соболев), недавно причисленный Русской Церковью к лику святых, писал о том, что, по его мнению, в будущем российском законодательстве необходимо предусмотреть такой «закон, который бы сурово – вплоть до смертной казни – карал бы пропаганду атеистических воззрений»⁴.

Неужели я и сегодня должен считать эти призывы тождественными евангельскому «если хочешь»? Может быть, для каких-то христиан это и приемлемо, но есть ведь и другие святые отцы, убеждения которых, на мой взгляд, больше соответствуют духу и делам нашего Спасителя. Приведу лишь несколько характерных цитат.

В спорах с инакомыслящими, говорит свят. Григорий Богослов, «мы добиваемся не победы, мы ждемозвращения братьев, разлука с которыми терзает нас»⁵.

«Сердце милующее – это горение сердца о всем творении: о людях, птицах, животных, даже *о демонах* и всяком создании Божием. При воспоминании о них или при возврении на них, глаза человека проливают слезы. От сильной жалости умиляется его сердце, и не может он слышать или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемой тварью. А посему и о бессловесных, и *о врагах истины*, и о делающих ему вред он

³ См. Преп. Иосиф Волоцкий. «Просветитель», Слово 14.

⁴ Ср. Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. – СПб. 1993. С. 179.

⁵ Цит. по: Флоровский Г., прот. К вопросу о границах Церкви: Неопубликованное письмо прот. Георгия Флоровского // Кифа, 2007. № 2 (60).

постоянно молится, чтобы сохранились и были помилованы, а также и о естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления во всем Богу» (преп. Исаак Сирин).

«Изъявленное мною справедливое уважение к учению Восточной Церкви никак не простирается до суда и осуждения Западных христиан и Западной Церкви... Если же ты все-таки непременно хочешь заставить меня судить, знай же, что, держась слов Священного Писания, никакую Церковь, верующую, яко Иисус есть Христос не дерзну я назвать ложной. Христианская Церковь может быть только либо «чисто истинная», исповедующая истинное и спасительное Божественное учение без примеси ложных и вредных мнений человеческих, либо «не чисто истинная», примешивающая к истинному и спасительному учению веры Христовой ложные и вредные мнения человеческие» (свят. Филарет Московский).

В заключении могу лишь напомнить, что приведенный в начале моего текста тезис отца Александра Меня в самом его *credo* не единственный. По сути, он часть целой группы похожих высказываний.

Вот, например, как звучат другие положения этого богословского сочинения протоиерея Александра Меня, которые прекрасно подтверждают многое из того, о чем мы только что говорили.

«Христианство – не боится критически смотреть на прошлое Церкви, следуя примеру учителей Ветхого Завета и святых отцов; расценивает все бесчеловечные эксцессы христианского прошлого (и настоящего): казни еретиков и т.п. как измену евангельскому духу и фактическое отпадение от Церкви» (Лк 9:51-55).

Священник Владимир Лапшин

**«ПАМЯТКА НАЧИНАЮЩЕМУ СВЯЩЕННИКУ»
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
КАК ШКОЛА ПРАВОСЛАВНОГО
ПАСТЫРСТВА***

Добрый день, дорогие мои!

Я хотел бы поделиться с вами некоторыми мыслями, размышлениями об одной небольшой работе отца Александра Меня, которая в моей жизни сыграла огромную роль.

Эта работа называется «Памятка начинающему священнику», и она была написана в конце 1987 года, а меня в сентябре 1987 года рукоположили в священники и, насколько я знаю, из гнезда отца Александра, – именно в это время никого больше не рукополагали. А я, когда меня назначили настоятелем деревенского прихода, попросил отца Александра помочь мне, посоветовать, что нужно делать – особенно вначале, – чего не надо делать и так далее. Так что, думаю, с моей стороны не будет большой дерзостью заявлять, что эта работа написана именно для меня, что она впрямую связана с моей хиротонией. Во всяком случае, я ее принял как завет отца Александра, и сейчас вспоминаю все, как будто только что это было... Начинается «Памятка» так: «Эти строчки адресованы одному молодому священнику, который недавно приступил к церковному служению и просил

---

* Выступление на конференции «Значение трудов прот. Александра Меня в наши дни». 29–31 января 2016 г. Москва, храм Космы и Дамиана в Шубине.

помочь ему в его первых шагах. Быть может «Памятка» окажется не бесполезной и для других священников». На самом деле эта «Памятка» оказалась совсем не бесполезной не только для меня, но, думаю, и для других священников, которые были как-то связаны с отцом Александром, а позже я понял, что она оказалась совсем не бесполезной и в общечерковном масштабе.

Первый раздел «Памятки» называется «Не жрец, а пастырь».

На что я хотел обратить ваше внимание, – я не буду всю ее зачитывать, потому что вы ее можете сами прочитать в Интернете, если вам это интересно, – но что важно, как мне кажется, – чтобы все священнослужители знали и помнили... К сожалению, то, что говорит отец Александр, не для всех является истиной, не для всех священнослужителей это руководство к действию. Я старался на протяжении всех тридцати лет буквально выполнять то, что написано у отца Александра. Конечно, далеко не все получалось. Так вот что пишет отец Александр: «Нет почти ни одной дохристианской или нехристианской религии, где не было бы жречества. Жрец у них, как правило, маг, кудесник, совершивший ритуалов, с помощью которых народ желал заручиться благоволением высших сил. Необходимость в жреце, как в особом человеке, слишком к богам, диктовалось языческим сознанием дистанции между человеком и небом, которое требовало посредника, “посвященного”. Чувство этой дистанции было и в Ветхом Завете. [...]»

Тайна воплощения означает, что “Слово стало плотью и обитало с нами” (Ин 1:14), что дистанция между Богом и людьми преодолена. В знак этого разодралась Завеса в Храме (Мф 27:51). Единственным посредником

отныне становится Богочеловек. Тем самым “жречество” окончательно упразднено. Христианский священник не жрец, а пастырь».

Вот это мне кажется очень важным. Когда я только начинал свое церковное служение, не будучи еще священником, учась в семинарии, я сталкивался с огромным количеством священнослужителей, которые воспринимали себя именно как маги, кудесники, творящие чудеса.

Я постоянно, все годы пытаюсь оспаривать все это... Много лет я читаю лекции в Открытом православном университете имени отца Александра Меня, и там я тоже говорю, что священник не волшебник, не маг, не кудесник, что он не обладает никакими особыми способностями и так далее... «Ой, ну как же так? Этого не может быть! Была вода простая, а стала святая! Были хлеб и вино, а стали Тело и Кровь Христовы! Разве это не волшебство?!» Это чудо! Это чудо! Но это чудо творит не священник, его творит Бог! Дух Святой. По молитвам всей Церкви, всех присутствующих. Священик только озвучивает эти молитвы. Если хотите, он просто громкоговоритель в этой ситуации. Просто средство... И, к сожалению, многие священники с этим и сегодня не согласны, и тем самым происходит, может быть, самая страшная подмена в истории христианства. Я все время говорю об этом в храме и в университете, пытаюсь донести такое понимание до широкой аудитории... когда были передачи на радио, я говорил об этом и на радио – христианство, – это не религия! Нельзя христианство ставить в один ряд с другими религиями. Христианство, – это полнота жизни. А вот тот факт, что священники ощущают себя кудесниками, магами,

жрецами, – превращает христианство в одну из религий. Может быть, самую лучшую, самую правильную, самую возвышенную – как хотите – но религию. Поэтому что все они связаны со жречеством. В христианстве этого нет и быть не может! Я не был на последней лекции отца Александра, 8-го сентября 1990 года, – на кануне его убийства, – потому что это было в субботу, а я служил у себя в деревне Ваулово. Так вот, именно в этой лекции отец Александр говорил, что христианство – это ответ Бога на все религии человечества. Поэтому что все религии — это всегда дело человеческое. Это человеческие потуги дотянуться до Бога. То, что снизу пробивается к Богу. А христианство – это ответ сверху. Это ответ Бога на все чаяния человечества. Поэтому христианство просто не религия. И когда мы превращаем христианство в религию через жречество, через магию, кудесничество, когда священники начинают ощущать себя «посредниками» и ставят себя как посредники между человеком и Богом, это измена Христу. Это предательство...

Зачем тогда нужны священники и что такое Церковь? Господь создал Церковь как семью, как общину, которая собирается вокруг Евхаристии. Евхаристия — это то, что совершает вся Церковь, вся община. Это Тайная Вечеря. Это общение человека с Богом. Но богослужения должны совершаться по определенному чину. Как апостол Павел пишет в одном из своих посланий: «Все у вас должно быть благочинно, все должно быть в порядке...». Кто-то должен приглядывать за этим порядком. Вот, собственно, для этого и существует священство. Приглядывать за порядком чинопоследования во время Тайной Вечери. Греческое слово «епископос»,

которое у нас «епископ», оно так и переводится на русской языке как «надзиратель», то есть тот, кто приглядывает за порядком. С этого, собственно, священство и начиналось. То есть священник озвучивает молитвы, священник от имени общины обращается к Богу. Говорит слова Богу, но он ничего не может без общины. Вот это очень важно. Кудесник, маг, волшебник и так далее – он всегда маг, он всегда волшебник, всегда кудесник – ему никто не нужен. Он может творить чудеса сам по себе. Священник ничего без церкви не может. Великое освящение воды или Малое освящение воды, хоть таинство Евхаристии, если вы помните чинопоследование, если вы присутствовали на молебнах и на литургиях – там во всем «мы» – помолимся и так далее, все во множественном числе. Один священник ничего сделать не может. Просто не имеет права. Вот это очень важно. Эта традиция нашей Восточной Церкви. Я знаю, что на Западе есть ордена, где монахи могут совершать мессу в одиночестве. У нас такое невозможно, священник один может только прочитать утреннее или вечернее правило. То же самое, что и каждый мирянин. Вот и все. Все остальное он делает только вместе с церковью.

В этом Первом разделе отец Александр еще пишет: «Христос вменяет апостолам (и, следовательно, пастырям) в обязанность руководить духовной жизнью людей. Слова: “Что вы связываете на земле, то будет связано на небе” (Мф 18:18) – означают не только власть отпускать грехи, но власть пастырского водительства».

Это он говорит о том, каким должен быть пастырь. У меня это не всегда получалось – честно признаюсь, – но если у меня это не получалось, то я всегда осознавал это как свой грех, как свою немощь и так далее.

Многие священники, к сожалению, сегодня считают, что только так и надо. Если священник приглядывает за порядком, значит, у него есть какая-то власть. Так вот, – пишет далее отец Александр: «Однако эта власть должна по завету Христову исключать насилие, владычество, духовный деспотизм. Власть пастыря есть служение (см. Мф 20:25-28). “Делателями неправды являются все священнослужители, которые Христово благодатное пастырство подменяют безблагодатным жречеством, служение народу – господством над народом”. (Архиепископ Иоанн Шаховской)».

Вот это тоже очень важно. Священнослужитель – это один из общинны. У отца Александра где-то сказано, что это друг, что это брат. У нас принято говорить «отец». Мы сегодня говорим «батюшка», но это – долг уважения, скажем так. На самом деле я считаю, что священник должен быть братом. Когда у меня спрашивают: «Батюшка, можно я буду вашим духовным чадом?» – Я говорю: «Знаете, у меня есть три девочки – три дочки, – мне хватит». Хотите, будем друзьями, хотите – я буду вам в чем-то помогать, а вот это «духовный отец, духовные дети» и так далее – для меня это всегда было как-то не по силам. Отец Александр, – не знаю, как другим, – но мне, по крайней мере, он это никогда не приивал. Я всегда его воспринимал как старшего брата. Хотя, конечно, я называл его «отец Александр»...

Второй раздел в «Памятке» – это литургическая практика.

Родные мои, для меня всегда были очень важны советы по литургической практике. И сразу, у отца Александра, в первом пункте: «В противовес ошибочным (но распространенным) взглядам, следует разъяснить

верующим центральное значение литургии, которая возвышается над всеми видами церковных молитв (акафистов, водосвятий и прочее), памятуя о том, что Евхаристия заповедована нам Самим Господом». Этим я занимался все 30 лет своего священства и, по-моему, настолько успешно, что народ у меня ходит только на литургии. На всенощном бдении – пустой храм. Пере-старался...

Но, на самом деле, это действительно важно... Еще когда мы с отцом Александром Борисовым служили дьяконами в храме Знамения на «Речном вокзале» – на литургии причащалось 10–15 человек. Это еще хорошо... Ну, в воскресный день, может быть 20–30 человек... На всенощном бдении – яблоку негде упасть, дышать нечем, храм забит и так далее. Все всенощные бдения, молебны, «молебны закатистые» (как говорят в народе) – имеются в виду молебны с акафистами – все это всегда собирало полный храм, всегда было много народа. Как Евхаристия – никому не интересно, не очень понятно – зачем она... Сегодня, слава Богу, конечно не так. Сегодня уже многие священники говорят о значении литургии и, самое главное, что священноначалие призывает к осознанному отношению к литургии, Евхаристии. И я об этом уже говорил, что пастырское наследие отца Александра оказалось важным не только для его последователей, и, конечно, не только для начинающих священников, но оно значимо и в общекерковном масштабе, то есть сегодня мы действительно видим плоды наследия отца Александра Меня.

Далее он пишет: «Людям нередко кажется, что главный момент службы “Херувимская песнь”, и поэтому во время Евхаристического канона многие ходят,

переговариваются, ставят свечи. Вина за это падает на пастырей, которые недостаточно ясно и настойчиво разъясняют сущность литургии».

Дело в том, что во время «Херувимской» Царские Врата открыты, батюшки стоят с воздетыми руками – все это видят и считают, что это и есть самый главный момент, а во время Евхаристического канона Врата закрывают, и люди начинают ходить и так далее... В моем храме – чтобы такого не было, – Царские Врата открыты всю литургию от начала до конца. Конечно, мы говорим о том, что происходит во время Евхаристии. И когда служится Евхаристический канон – все понимают, как это важно... Тишина, молчание. Я считаю, что все это благодаря пастырскому наследию отца Александра.

Далее в «Памятке» мы читаем: «Следя за порядком чинопоследования, священники проявляют неумеренную ревность: выходят из алтаря, обрывают чтецов и певцов, делают резкие замечания клирошанам».

Признаюсь честно – сам грешил. Когда меня перевели в Москву, здесь ходили легенды о том, что я пять аналоев в деревне разбил – кулаком по аналою стучал, когда что-нибудь не то было в храме и аналои разлетались вдребезги. На самом деле это неправда – все аналои целы, но, конечно, очень переживал, хотя каждый раз вспоминал одного священника, можно даже назвать его имя, хотя многим из вас это уже ничего не скажет, – отец Стефан такой был у нас настоятель храма, который на всенощном бдении (хор спел не ту стихириу), – вышел на амвон и сказал: «Спели не то! Всенощная не действительна! Начинаем сначала!». Бывало и такое!

Но отец Александр, пытаясь бороться с этим, воспитывал нас, объясняя, что нельзя нарушать благоговейную молитвенную атмосферу в храме. Что нужно «подготовить чтецов и певцов, проверить их заранее. Сохранить мир и молитву важнее, чем любой ценой выполнить до тонкости все указания устава». Так что это все было очень важно.

По поводу церковного пения – я никогда не разбирался в этом, как и в изобразительном искусстве и так далее, – отец Александр дал хороший совет: привлекать людей, понимающих в пении, в живописи, поэзии я всегда старался найти профессионалов, чтобы все было в храме на хорошем уровне.

Третий раздел «Памятки» посвящен проповеди.

«Ни одна воскресная или праздничная литургия не должна проходить без проповеди, ибо проповедь – одна из важнейших сторон пастырства». Есть и правила Вселенских Соборов, в которых говорится, что священник, который не проповедует на литургии, должен быть извержен из сана. Хотя я знаю огромное количество и храмов, и священнослужителей, где проповедь – большая редкость. Только по великим праздникам.

Отец Александр подробно пишет о том, какой должна быть проповедь...

Для меня лично очень важный момент в этом разделе следующий: «Священник должен знать своих прихожан: их жизнь, уровень и представления. Проповедь, игнорирующая конкретную аудиторию, не дойдет до слушателей». И для меня всегда это было очень важно, потому что если мы не знаем свою общину, свой приход, то о каком пастырстве может идти речь?! Пастырь – он знает каждую овечку, каждую коровку по имени –

какая бодливая, какая крикливая и так далее. Если этого нет, ни о каком пастырстве речи быть не может!

«Священник есть, прежде всего, человек веры. Она должна быть средоточием его жизни, мыслей, интересов. Только тогда он сможет пробудить “теплохладных” людей, которых всегда так много». Вот это тоже мне кажется очень важным. Священник, в первую очередь, должен быть верующим христианином: не только по образованию, по знаниям, по мировоззрению, а исповедовать внутренне, жить верой, жить по Евангелию.

На этом заканчиваю, ибо время мое истекло. Очень рекомендую всем найти эту «Памятку» и прочитать – всего 6 листов, но все так важно, так интересно!

Всего вам доброго!

Да хранит вас всех Господь!

Священник Владимир Лапшин

ПРОПОВЕДЬ

22.01.2020, среда. Литургия

Иак 1:1-18. Мк 10:11-16

О чтении Священного Писания

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Многим из нас кажется, что мы очень хорошо знаем Священное Писание. Вот, например, сегодняшний отрывок из Евангелия. Евангельские тексты на эту тему мы читаем несколько раз в течение года, потому что в синоптических Евангелиях от Матфея, Марка и Луки повторяется этот сюжет. Да, могут быть отдельные нюансы, но темы – те же. И каждый раз, читая эти отрывки, мы их и обсуждаем. Про развод говорили совсем недавно, а про то, что если не станем как дети, то не войдем в Царство Божие – говорим весь год. И вот у некоторых создается впечатление, что мы всё это уже знаем. А на самом деле надо и самим читать Священное Писание, особенно Послания апостолов. И особенно то, что в церкви читается редко. Сегодня мы с вами читали отрывок из послания апостола Иакова – брата Господня. Нам кажется, что мы неплохо знаем послания апостола Павла. Почему? Да потому что они почти весь год читаются. Их больше всего в Священном Писании, и многие темы повторяются у Павла. Про то, что есть в послании к Галатам, в какой-то степени говорится и в послании к Римлянам. То, что есть в послании к

Ефесянам так или иначе присутствует и в посланиях Галатам и Фессалоникийцам. То, что есть в послании к Тимофею, обязательно есть в послании к Титу, то есть эти темы повторяются, и мы их по несколько раз читаем и вроде бы знаем. А вот *Соборные послания*, которых немного: одно послание Иакова, два послания Петра, три послания Иоанна, одно послание Иуды, брата Господня, мы знаем плохо. Большинство из них достаточно коротки. Ну, послание Иакова чуть-чуть подлиннее, 1-е послание Иоанна – более-менее. Но прочитываются они всего за несколько дней. Читаются эти послания в седничные, будние дни. В субботу опять будем читать послания к Ефесянам, в воскресенье тоже из посланий Павла, а *Соборные послания* читаются в седничные дни, в которые мало кто ходит в церковь. Посмотрите, – как нас сегодня мало!

Поэтому прошу вас: «Читайте хотя бы дома!». Я постоянно призываю – читайте, читайте, читайте! И люди говорят: «Батюшка, ну, я читал когда-то, ну вроде помню что-то». Родные мои – не «читал когда-то...». Надо читать каждый день! Надо вчитываться, надо пропитываться Словом Божиим.

Сегодня день рождения отца Александра Меня. Я помню, как он учил нас читать Писание. Он говорил: «Не надо читать много! Ведь вы же читаете Евангелия как какую-то книжку или некий урок, который надо выполнить. Читаете по несколько страниц, и ничего не поняв, ничего не запоминаете. Но ты прочти два-три стиха! Всего два-три стиха, но ты вбери их в себя!». Как он учил нас? Допустим, прочитал отрывок, – ну, можно не два-три стиха, а то зачало, которое читается в церкви. Но для этого надо было иметь календарь, а

в те времена церковных календарей не было. Нельзя было прийти в храм и купить. Календари были на вес золота, почти как Новый Завет стоили. Поэтому отец Александр советовал читать подряд, по порядку. Прочитаешь 4–5 стихов, какой-то смысловой отрывок – придумай название для него. Да еще в тетрадку записать это надо было. Потом пересказать этот отрывок своими словами. Не подглядывать в книжку, а пересказать самому. Потом – определить главную тему или ключевое слово. А еще надо было написать, что лично мне сегодня говорит этот отрывок. Что-то вроде проповеди самому себе. И всё это письменно. Так было интересно свои записи перечитывать через год... Читаешь опять тот же отрывок и думаешь: а что было в прошлом году?! Смотришь, оказывается главным для тебя было совсем другое. В прошлом году ты обратил внимание на одно, а сегодня ты выделил совсем другое. Так складывалось наше понимание Священного Писания, проникновение в него. Так оно пропитывало нас, нашу жизнь.

Потому что отец Александр учил, что надо прописаться Словом Божиим! И чтобы наше общение тоже было им наполнено. Вот, например, сегодня мы читаем послание Иакова. В этом послании удивительные слова апостола о том, что вера без дел мертвa есть. Мы так легко называем себя верующими. А что значит быть верующими? Это значит жить по Евангелию. Это значит жить по Слову Божиему, а, чтобы жить по нему, его надо знать, надо чтобы Слово Божие было внутри нас. Тогда мы смогли бы жить по Слову Божьему. Поэтому, родные мои, читайте! Читайте Священное Писание, читайте Послания, читайте *Соборные послания* – мы их хуже всего знаем, а ведь столько мудрости там!

Ну, если уж вернуться к тому отрывку из письма апостола Иакова, который мы сегодня читали, – так о том, что написано в этом отрывке, мы с вами перед каждой воскресной литургией говорим.

Братья, радуйтесь! С великой радостью принимайте, когда впадаете в какое-нибудь искушение! Потому что, будучи испытаны в вере, пройдя через эти испытания и искушения, вы получите венец вечной жизни. А это и есть смысл человеческой жизни – достичь Царства Божия, получить этот венец.

А это возможно только будучи испытанным, только проходя через искушения, испытания, страдания, скорби. Без этого Царства Божия мы не достигнем.

Давайте задумаемся об этом!

Да хранит вас Господь!

Протоиерей Лев Большаков

Родился 3 января 1945 года в Ленинграде. С 1963 по 1968 гг. учился в Ленинградском политехническом институте на физико-механическом факультете. 1968–1974 – инженер-физик в НИИ. 1974–1979 – факультет теории и истории искусств Академии художеств и работа в Институте археологии до 1990 года.

Крещен отцом Александром Менем в 1981 году. С того же года – духовное окормление у отца Василия Лесняка в Спасо-Парголовском приходе Санкт-Петербурга. Рукоположен в священники епископом Петрозаводским и Карельским Мануилом 21.11.1990 г., с этого времени и по сей день — настоятель православного прихода г. Кондопоги.

ОПЫТ ОБЩЕНИЯ С ОТЦОМ АЛЕКСАНДРОМ МЕНЕМ В ПРАКТИКЕ МОЕГО СВЯЩЕННИЧЕСКОГО СЛУЖЕНИЯ*

Слушать о. Александра и общаться с ним пришлось прежде всего, и даже исключительно, в связи с Евангелием. Речь идет не о каком-то особенном толковании трудных мест, но о том, что любой его разговор мне запомнился как убедительное свидетельство о Христе, в чем, собственно, и состоит все содержание Вести: она – только о Нём.

---

* Текст выступления был зачитан на конференции «“Вышел сеятель сеять...”. Наследие отца Александра Меня сегодня» прошедшей 10–11 ноября 2018 г. в просветительском центре Феодоровского собора г. Санкт-Петербурга.

Это очень сильно повлияло на формирование веры человека, совершенно не искушенного ни в каких религиозных понятиях и интересах. Незадолго до первой встречи с отцом Александром я удостоверился в реальности того, что Бог есть, меня видит, и что мне от этого необыкновенно хорошо. Евангелия я прежде не читал никогда; о том, что откровение Бога о Себе сообщает особенную радость, ни от кого не слыхал. Пришел с этим открытием к о. Александру, и – тем, кто знает его, не надо объяснять, что должно было произойти дальше, – он начал говорить о Христе (я время от времени скривлялся: почему, почему слышу это я один, а другим-то, всем, как надо это слышать!). В общем, рыбка попалась мгновенно, и дела было, скорее всего в том духе, каким отец Александр был вдохновлен. Запомнились от этой встречи его улыбка и веселье, которое меня охватило. На Великую субботу 1981 г. он меня крестил.

Прошло восемь лет, о которых здесь сегодня уже рассказали или расскажут живые свидетели, и в сентябре 1990-го года началась моя практика в Петрозаводске перед рукоположением во священника. Хотелось приехать к отцу Александру за благословением, а приехал на похороны. Впрочем, было ясно, что благословение получено еще при первой встрече, оно – в силе Евангелия. Убедиться в этом пришлось, как только начал служить. Подобно тому, как обращение к вере пришло безо всякой предварительной религиозной подготовки (чему, конечно и рад), так и служение в маленьком карельском городе началось на совершенно пустом месте, т.е.: я ничего не умел, службу совершать было негде, негде была жить, община состояла из нескольких пожилых людей, которые ничего не знали. Идеальная си-

туация немощи, открытой для совершения силы Божией. И она совершилась.

Важно было продолжить то, чем мы жили предыдущие годы, – соединяться вместе вокруг Евангелия. Собирались дома у одной из прихожанок, к чтению Нового Завета и к чаю с пирожками приходили новые люди, часто дети из соседних домов. Тут важно было постоянство этих встреч и убеждение, что именно Евангелием нам объясняется смысл веры и церковности нашей. Когда появилось помещение для богослужения, т.е. – храм (маленькое здание дворовой бойлерной), тогда еще убедительнее звучало Евангелие как особенный момент литургии.

С тех пор и по сей день, как на богослужениях, так и на еженедельных встречах общины в приходском доме, через Евангелие понимается реальность таинства Церкви, суть догматов, смысл и важность аскетических усилий.

Один момент очень убедительно мне лично подтверждает чудодейственность Евангелия, а вернее - действенность через него Духа Святого: каждый раз (именно каждый, уже двадцать восемь лет), когда приходится собираться на урок воскресной школы или на беседу с прихожанами, или кого-то готовить ко крещению, а заботы уже утомили и никакого воодушевления не чувствуешь, чуть только начинается чтение из Евангелия, всякое утомление проходит, не хочется кончать беседу и, как неожиданный подарок воспринимаешь прошедший час. Думаешь: как было бы жаль, если бы иначе он прошел, какой бы радости лишился!

Это постоянно повторяющееся переживание не просто напоминает мне первую встречу с отцом Александром, но подтверждает ее реальное продолжение.

Иеромонах Иоанн (Гуайта)

ПРИМЕР СЛУЖЕНИЯ И ЛИЧНОСТИ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ*

Я познакомился с отцом Александром Менем в последние годы его жизни, – во время крещения на квартире у друзей. Помню, что Соня Рукова записала мое имя в еженедельник отца Александра. Но написала не «Джованни», а уменьшительный русский вариант моего итальянского имени – «Ваня», потому что все-таки шел еще 1987 год, и в середине 80-х у отца Александра были неприятности из-за общения с иностранцами. И вот когда я оказался впервые в Новой Деревне, после службы отец Александр вышел из храма и громко спросил: «А где здесь Ваня?».

Помню, конечно, встречи с ним, разговоры, исповедь. И первое, что мне дали эти немногие встречи и беседы с отцом Александром – это его видение православия. То есть то, что для него православие – это не музейное явление, не новая национальная идеология России; для него православие – это не банальное превозношение или идеализация мифического прошлого. И не важно – какого: XIX ли века, IV ли века... Когда отец Александр говорил и писал о православии, а также о Христе, он использовал грамматическое настоящее время гораздо чаще, чем прошедшее. Настоящее время и будущее тоже. Для отца Александра христианство, православие – это Христос воскресший.

---

* Выступление на межприходской конференция «Духовное наследие прот. Александра Меня» 14–15 февраля 2015 г. Москва, храм Космы и Дамиана в Шубине.

А Он здесь и сейчас, как мы знаем. Он современник людей всех эпох и потому – вечно современный! Вот такое видение православия – это самое первое, что у меня остается лично от встреч с отцом Александром. Православие для отца Александра – это Церковь миссионерская, которая не боится общения и диалога с кем бы то ни было, которая ведет диалог со всеми: тут не важно с другими ли христианскими Церквами, или с другими религиями, с людьми всех убеждений, со светской культурой. Церковь, которая готова, по слову апостола Павла, для всех сделаться всем, чтобы спасти некоторых. Церковь, которая проповедует современному миру и потому способна говорить с ним на его языке. Способна оценить его культуру.

Поэтому в мышлении отца Александра, все прекрасное, что творит человек, любое человеческое устремление к справедливости, к прогрессу, имеет непосредственное отношение ко Христу и к Церкви. Здесь позвольте мне процитировать отца Александра из его замечательной книги «Сын Человеческий», где он пишет: «Величие человека как образа и подобия Творца в том, что он может стать участником созидания Царства. Когда победа над злом будет полной, тогда осуществится то, о чем грезили, чего жаждали и что приближали миллионы разумных существ. Все самое прекрасное, созданное ими, войдет в вечное Царство. Наступит эра сынов Божиих, которых лишь в отдаленных подобиях описывала Библия. Однако уже и теперь, в этом несовершенном, полном ужаса и страдания веке сила и слава грядущего могут быть обретены. Призывный свет Царства горит вдали, но в то же время отблески его рядом с нами в простых вещах и событиях жизни, в радости и скорби. В самоот-

верженности и одолении соблазнов. Предчувствие его в звездах и цветах, в весенней природе, в золоте осени, кипении прибоя и в ливнях, в радуге, красках и музике, в смелой мечте и в творчестве, в борьбе и познании, в любви и молитве». Вот это, мне кажется, может быть главной темой отца Александра.

Но такая Церковь, обращенная к современному миру, готовая к диалогу, абсолютно не подходила системе в 1990 году, как, впрочем, и сейчас. Намного более управляема Церковь, которая говорит о себе и Христе и христианстве исключительно используя прошедшее время – Церковь музеиного типа. Церковь, которая довольствуется только тем, чтобы стать национальной идеологией. Но это трагедия.

Еще я хотел сказать, что после кончины отца Александра мне пришла в голову мысль перевести «Сына Человеческого» на итальянский язык. Я хотел это сделать исключительно в знак признательности отцу Александру и потому, что книга мне очень нравилась. Но все-таки должен признаться, что не был вполне уверен, насколько целесообразна эта моя идея. И самое сложное было убедить итальянского издателя публиковать такую книгу. Тут надо объяснить, что в Риме находятся все папские институты, по всем направлениям богословия, и Библейский институт, и Литургический, и потому почти вся богословская литература, которая существует в мире – она переводится на итальянский язык. Соответственно, жизнеописаний Христа на итальянском огромное количество, почти все, что вышло во всем мире, существует в итальянском переводе. Поэтому, какой смысл переводить книгу, которую написал какой-то русский священник в советское время?..

Издателю это казалось немножко странным. Но в сентябре 1996 года вышло первое издание, а в конце ноября, когда готовились к продаже книг к Рождеству, издатель уже сделал второй тираж. Фактически за полтора-два месяца был распродан первый тираж.

Потом, в 1998 году ко мне обратился французский издатель с предложением перевести «Сына Человеческого» на французский язык. Надо сказать, что у меня французский – второй, после итальянского, язык. И так получилось, что я дважды переводил эту книгу, – сначала на итальянский, потом на французский. Франция более светская, более секулярная страна, чем Италия, а книга имела больший успех, чем в Италии. Тираж превысил 10000 с самого начала. Была замечательная презентация, это был 1999 год, поэтому накануне юбилейного 2000 года мы вместе с отцом Георгием Чистяковым поехали во Францию и выступали в разных местах. Самая замечательная была презентация в Париже, в которой участвовал кардинал Люстиже, который один раз лично встречался с отцом Александром. Потом этот мой французский перевод попал во Франкфурт, на самую большую книжную ярмарку Европы, и после него пошли все другие переводы: испанский, португальский, румынский, и прочие.

Хочу только сказать об издании «Сына Человеческого» на бразильском языке. Самый большой тираж после русского оригинала был в Бразилии! Представляете, какая огромная разница в культурах этих двух стран?! А в Бразилии есть одна христианская община, которая занимается лечением зависимых людей, наркоманов. Она взяла эту книгу как методику для их излечения. Вот ведь какая удивительная вещь! Сегодня еще

бразильский наркоман может что-то узнать о Христе, благодаря тому, что отец Александр написал эту книгу.

Хочу еще сказать о «Сыне Человеческом»: отцу Александру удивительно удалось сохранить равновесие между научным характером повествования и доступностью текста. Я писал об этом в *Предисловии* к переводу. Книга очень хорошо написана. Отец Александр с настоящим мастерством талантливого писателя передает события, инсценирует диалоги, чередует в разумных дозах действия и повествование; показывает, что драма Христа становится, в то же время, и внутренней драмой учеников, Понтия Пилата, Иуды и других. Я считаю, что литературное достоинство тексту придает тот стиль, которым описан главный герой – Иисус Христос. Здесь, я думаю, основной секрет отца Александра. Он как будто знал лично своего главного героя. Не всем писателям удается быть столь убедительными. Потому что отец Александр действительно знал Его лично.

Еще мне хочется сказать, о том, что оставил нам отец Александр на сегодняшний день. Он оставил нам эту книгу, безусловно, для него самую главную, потому что работа над ней сопровождала его буквально в течение всей его жизни. Как вы знаете, наверно, он начал писать ее в возрасте 14-ти лет и совершенствовал текст книги фактически до конца дней. Он также оставил нам важнейший для него труд – шеститомник *В поисках Пути, Истины и Жизни*, и другие книги, изданные в Бельгии, в издательстве «Жизнь с Богом», еще при его жизни. Еще он оставил *Библиологический словарь*, *Как читать Библию* (в 3-х томах), *Исагогику*, *Первые апостолы* и много других книг, составленных и изданных

после смерти отца Александра, благодаря усилиям Павла Меня, Натальи Фёдоровны, Розы Адамянц и других. Это огромное богословское наследие.

Вот отец Владимир Лапшин, только что выступавший, – замечательно сказал, что отец Александр был библеистом и богословом, писателем и историком, религиоведом и культурологом, выдающимся пастырем и педагогом, просветителем и катехизатором. И первым начал социальное служение. Все это вместе, – безусловно! Это огромное духовное наследие! И как сказал отец Владимир, – все самое лучшее в нашей Церкви во второй половине XX века началось с отца Александра Меня. Конечно, удивительна проповедническая, миссионерская деятельность отца Александра! Помню, как в последнее лето 1990 года он выступал по несколько раз в неделю в разных местах: в кинотеатрах, Домах культуры, институтах, школах…

Также удивительно его священническое служение в советское время, как он собрал приход в Новой Деревне из совершенно разных людей – и городских и деревенских, и, что еще труднее, из многих талантливых людей, объединил их в одну общину, семью. Это крайне трудно для любого священника.

На последнем епархиальном собрании патриарх говорил о том, что желательно, чтобы миряне больше участвовали в богослужении, чтобы все пели, знали службу, участвовали в жизни прихода. А для отца Александра все это было реальностью уже в 70-е годы.

Что же еще он нам оставил? Отец Александр нам оставил свою веру в присутствие Христа посреди нас. Веру в то, что Церковь – это присутствие воскресшего Христа среди верующих, о чем Церковь должна свиде-

тельствовать миру и вести с ним диалог – здесь и сейчас. И еще: отец Александр, как богослов, как мыслитель, как пастырь, как христианин оставил нам пример своей жизни. Пример святости жизни.

В *Эпилоге* книги *Сын Человеческий* отец Александр пишет о том, что «евангельская проповедь принесла надежду опустошенным и отчаявшимся, вдохнула в них энергию и жизнь». О том, что «христианство ... осудило угнетателей, возвысило женщину, способствовало искоренению рабства»; о том, что «в каждую эпоху Новый Завет обнаруживал скрытые в нем неистощимые импульсы к творчеству» и что «перед Его крестом склонились величайшие умы всех народов». О том, что «идеалы справедливости, братства, свободы, самоотверженного служения, вера в конечную победу добра и в ценность человеческой личности, – словом, все, что противостоит тирании, лжи и насилию, черпает, пусть и бессознательно, живую воду из евангельского родника».

Все это – кредо отца Александра, его видение нашей веры.

И предпоследний абзац *Эпилога* говорит нам об очень важном, на что мне хотелось бы обратить ваше внимание. «Столетия, минувшие с Пасхального утра в Иудее, не более, чем пролог к богочеловеческой полноте Церкви. Начало того, что было обещано ей Иисусом. Новая жизнь дала только первые, подчас еще слабые ростки. Религия Благой Вести есть религия будущего». Все это мы знаем, так как именно эти слова отца Александра очень известны и часто цитируются. А вот на то, что он пишет дальше, немногие обращают внимание. А меня больше всего поражает то, что он пишет дальше. Именно: «...но Царство Божие уже существует: в красоте

мира и там, где среди людей побеждает добро, в истинных учениках Господа, в святых и подвижниках, в тех, кто хочет идти за Ним, кто не покинул Христа среди тяжких испытаний Его Церкви...»

Вот эти слова, будучи актуальны в советское время, чрезвычайно актуальны и сейчас. И во все времена святые и подвижники – это те, кто хочет идти за Христом и не покинул Его среди тяжких испытаний Его Церкви.

В этом – тоже пример его жизни. И это самое важное, что лично мне оставил отец Александр!

Священник Павел Бочков

**К ВОПРОСУ О ПОЧИТАНИИ
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
В НЕКАНОНИЧЕСКИХ
ПРАВОСЛАВНЫХ ЮРИСДИКЦИЯХ И
ИКОНОГРАФИИ ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЙ**

Прошло уже 30 лет со дня трагической смерти, а точнее – подлого убийства протоиерея Александра Меня, но его неординарная личность и религиозно-философские и богословские сочинения до сих пор продолжают быть предметом жарких споров как в среде православных мыслителей и священнослужителей, так и в среде простых верующих, в той или иной степени знакомых с его богословским и публицистическим наследием.

К сожалению, убийство выдающегося клирика Русской Православной Церкви так и не было раскрыто, несмотря на колоссальные усилия со стороны правоохранительных органов¹. Возможно, в будущем имена заказчиков и исполнителей этого чудовищного преступления еще станут достоянием общественности.

Личность о. Александра Меня, сила его проповеди и убеждения часто собирали огромные аудитории, не всегда вмещавшие желающих услышать слово вдохновенного пастыря и богослова. После трагической гибели о. Александра появилось немало лиц, объявивших себя его последователями и учениками. Очень часто при этом свои ощущения, эмоции и мнения по тем или иным вопросам церковной жизни эти люди приписывали о. Александру, подчеркивая свою с ним

---

¹ Подробнее см.: *Бычков С. С. Хроника нераскрытоого убийства. – М., 1996.*

«ментальную связь и единомыслие». Неудивительно, что впоследствии, некоторые из этих людей, уклонившись в раскол и создав собственные неканонические религиозные организации околовправославного толка, взяли само имя и образ о. Александра в качестве некоего знамени, символа своих либеральных идей и реформаторских лозунгов.

Пожалуй, самым известным из подобных деятелей стал бывший клирик Русской Православной Церкви «протопресвитер» Глеб Якунин. Жизненный путь священника-диссidentа был тернист и устлан различными скорбями и гонениями, что сформировало его либеральное мировоззрение и критическое восприятие канонической Церкви, окончившееся для него вовлечением в правозащитную и политическую деятельность², отпадением в раскол, и даже анафематствованием³. Не признав своего извержения из сана и отлучения от Церкви, в 1994 г. он уклонился в раскол и вскоре был принят в юрисдикцию неканонической «Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата» также извергнутого и анафематствованного «патриарха Киевского и всея Руси-Украины» Филарета (Денисенко), который направил Г. П. Якунина на служение в Ногинский храм УПЦ КП в Московской области⁴.

² Якунин Глеб, священник. Исторический путь православного талибанства. – М., 2002. С. 56–57.

³ Акт об отлучении от Церкви Глеба Якунина // Паламарчук П. Анафема. История и XX век. – М.: Сретенский монастырь, 1998. С. 398–399.

⁴ Об авторе [Обложка] // Якунин Глеб, священник. Хвалебный примитив юродивый в честь Бога, мирозданья, родины: поэма. – М.: Библиотека ПравЛит, 2008. С. [129].

Практически не принимая участия в деятельности УПЦ КП, Якунин продолжал заниматься политической деятельностью, все более сближаясь с деятелями псевдокатакомбного движения, которых немало появилось после распада СССР и демократических преобразований на постсоветском пространстве⁵.

В 2000 году в прессе стало широко известно о создании очередного неканонического образования – независимой церковной юрисдикции либеральной направленности, получившей наименование «Православная Церковь Возрождения» (ПЦВ)⁶, позднее переименованной в «Апостольскую Православную Церковь» (АПЦ). Группа образовалась из представителей «духовенства» распавшейся на несколько частей неканонической «Российской Истинно-Православной Церкви» (РосИПЦ), имевшей преемственность рукоположений от «Украинской Автокефальной Православной Церкви» (УАПЦ), инициировавшей распространение раскола на территории России, якобы с целью дать иерархическое преемство для «катакомбных» общин РосИПЦ⁷. Главным вдохновителем образования новой схизматической группы, вскоре проявившей себя как неообновленческой, стал

---

⁵ Бочков Павел, священник. Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв. Т. 1: Политические расколы: монография. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: Свое издательство, 2018. С. 96–103.

⁶ Апостольская Православная Церковь. Документы 2000–2008 гг. – М., 2009. С. 12.

⁷ Бочков Павел, иерей. Обновленчество в наши дни. История возникновения и современное состояние неканонической юрисдикции «Апостольская Православная Церковь» // Рязанский богословский вестник. – Рязань: Рязанская Православная Духовная семинария, 2016. № 1 (13). С. 55–56.

Глеб Якунин, в новой организации получивший звание «протопресвитера и секретаря Священного Синода». Одним из первых громких деяний новой юрисдикции стала канонизация протоиерея Александра Меня в качестве священномученика и просветителя⁸. Канонизация проведена была 8 сентября 2000 года, накануне 10-летия со дня гибели прот. Александра Меня, установив день почитания нового святого 9 сентября по новому стилю. В это же время была написана первая икона о. А. Меня, снабженная текстами – выдержками из агентурно-оперативных донесений КГБ СССР и из Архива ЦК КПСС о деятельности о. Александра Меня.

Впоследствии, «Апостольская Православная Церковь» неоднократно обращалась к памяти о. Александра Меня, посвящая ему различные документы⁹. В память о друге и наставнике Глеб Якунин писал стихи, в одном из которых, подчеркнув его почитание как мученика, отметил и символическое значение его изображений, оформленных в иконопочитание о. А. Меня в «Апостольской Православной Церкви»:

«Отче Александре!
Твое изображение –
Ниспосланный штандарт,

⁸ Решение о прославлении в лице святых священномученика и просветителя Александра Меня [Москва, 25.07.2000] // Апостольская Православная Церковь. Документы 2000–2008 гг. – М., 2009. С. 16–19.

⁹ Воззвание Апостольской Православной Церкви о жизни церковной в свете жизни и кончины отца Александра Меня [Москва, 26.11.2004] // Апостольская Православная Церковь. Документы 2000–2008 гг. – М., 2009. С. 16–19.

Нам дар,
Чтоб победить в сражении»¹⁰.

Подобным же образом в АПЦ были прославлены архиепископ Гермоген (Голубев) в сентябре 2008 года¹¹, протоиерей Павел Адельгейм в октябре 2013 года¹² и сам «протопресвитер» Глеб Якунин в декабре 2015 года¹³. Примечательно, что помимо самого Якунина, ни один из канонизированных – никогда не уклонялись в раскол и не выходили из юрисдикции канонической Русской Православной Церкви.

Помимо этого, «протопресвитер» Глеб Якунин прямо утверждал, что его поэтические опыты – способ не только увековечить память об о. А. Мене, но и воплотить «великие богословские идеи Александра Меня»¹⁴. Он

¹⁰ Якунин Глеб, священник. Божественная конспирология. Памяти отца Александра Меня [28.09.2010] // Якунин Глеб, священник. Богу служение – стихосложение. – Б.м., [2015]. С. 81.

¹¹ Решение о прославлении в лице святых архиепископа Ермогена (Голубева), святителя и исповедника [Москва, 07.09.2008] //Апостольская Православная Церковь. Документы 2000–2008 гг. – М., 2009. С. 81–84.

¹² Канонизация о. Павла Адельгейма, избрание нового митрополита Киевского на 4 года, уход на покой Виктора (Веряскина). Протокол Собора Апостольской Православной Церкви. Киев, 18 октября 2013 г. // Портал-Credo.Ru [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=104012> – Дата доступа: 29.02.2020.

¹³ Бочков Павел, иерей. Обновленчество в наши дни. История возникновения и современное состояние неканонической юрисдикции «Апостольская Православная Церковь» // Рязанский богословский вестник. – Рязань: Рязанская Православная Духовная семинария, 2016. № 1 (13). С. 62.

¹⁴ Якунин Г. П., отец. Стихи. Из ранних, ратных и отрадных. – М., 2010. С. 2.

неоднократно связывал эти богословские идеи с убеждениями о. Александра Меня в необходимости церковных реформ и обновления церковной жизни¹⁵, которые за декларировала в своих программных документах АПЦ. Более того, по его убеждению, если бы о. Александр Мень дожил до времени возникновения АПЦ, то несомненно вошел бы в ее структуру¹⁶. Сам «протопресвитер» Глеб Якунин скончался в декабре 2014 года.

Другим почитателем о. Александра Меня, также выходцем из АПЦ, но пошедшем еще далее, – в прямой контакт с представителями инославия, преимущественно неопятидесятниками и харизматами, стал извергнутый из сана бывший священник Русской Православной Церкви, а затем и бывший «иерарх» АПЦ, женатый «архиепископ» Сергий (Журавлев). Своими учителями и духовными авторитетами он также называл о. Александра Меня и «протопресвитера» Глеба Якунина¹⁷. Основав свою полусектантскую группировку – «Реформаторскую православную церковь Христа Спасителя»¹⁸ – с женатым «епископатом» и женским

¹⁵ Якунин Глеб, свящ., Рыжсов Юрий, свящ. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. – М. – Таганрог, 2006. С. 8–9, 14–16.

¹⁶ Якунин Глеб, свящ., Рыжсов Юрий, свящ. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. – М. – Таганрог, 2006. С. 9.

¹⁷ Журавлев Сергей, архиепископ. Живая Церковь. Сборник статей. – Киев: Украинская Реформаторская Православная Церковь Христа Спасителя, Архиепископия Киевская и всея Руси, 2003. С. 11.

¹⁸ Бочков Павел, священник. Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв. Т. 2: Реформаторские

«священством», Журавлев объявил свою группу «наследницей обновленцев 20-х годов», канонизировав лидеров обновленческого раскола Александра (Введенского) и Антонина (Грановского)¹⁹. На ряду с этим Журавлев объявил о канонизации Константинопольского патриарха Кирилла (Лукариса), иprotoиерея Александра Меня²⁰. Однако в результате резкого неприятия священных изображений и святых икон, иконографические изображения прот. Александра Меня в маргинальной раскольнической группировке Сергея Журавleva не получили распространения. Тем не менее, исследователь Журавлевского религиозного мировоззрения и истории его группы прот. Александр Усатов отмечает: «Очевидно, что сильное воздействие на его мировоззрение оказали выступления прот. А. Меня»²¹.

Еще одним известным почитателем о. Александра Меня также осуществляющего функции неканонического «священника» является «священник» Яков Кротов, известный публицист и блогер, многолетний сотрудник радио «Свобода». По его собственному утверж-

---

расколы: монография. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: Свое издательство, 2018. С. 50–61.

¹⁹ Журавлев Сергей, архиепископ. Тезисы Православного Обновленческого Собора. – Киев, 2008. С. 3–4.

²⁰ Бочков Павел, священник. Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв. Т. 2: Реформаторские расколы: монография. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: Свое издательство, 2018. С. 52; Усатов Александр, священник. Путь лжеархиерея Сергея Журавлева: неопятидесятничество восточного обряда. – Ростов-на-Дону, 2006. С. 24.

²¹ Усатов Александр, священник. Путь лжеархиерея Сергея Журавлева: неопятидесятничество восточного обряда. – Ростов-на-Дону, 2006. С. 40.

дению, в 17 лет он принял крещение в Православной Церкви. Само таинство совершил protoиерей Александр Мень²². Затем Яков уклонился в униатство, и с 1996 по 2002 год являлся членом Католической Церкви. В 2002 году присоединился к уже упоминавшейся «Аpostольской Православной Церкви», где вскоре был «рукоположен» в сан «священника» и организовал небольшую религиозную общину, совершившую богослужения в съемных помещениях. Одной из его прихожанок была известная политик и общественный деятель Валерия Новодворская. После введения в АПЦ «женатого епископата», Кротов вновь сменил юрисдикцию, войдя в состав неканонической «Украинской Автокефальной Православной Церкви (обновленной)» «архиепископа» Игоря (Исиченко). В 2015 году Исиченко объявил о готовности перейти на католическую догматику, фактически отказавшись от идей украинского автокефализма и приняв решение войти в состав Украинской Греко-Католической Церкви на правах некой автономии²³. Следом за Исиченко в унию последовал и «священник» Яков Кротов. В своей интернет-библиотеке Кротов разместил собрание иконографических изображений protoиеря Александра Меня.

²² Двали Наталья. В начале было слово // Бульвар Городна. № 4 (508) январь 2015 // Архив газеты «Бульвар Городна» [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: https://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s56_67095/8971.html – Дата доступа: 19.02.2020.

²³ Бочков Павел, священник. Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв. Т. 3: Идейно-национальные расколы. Непризнанные национальные юрисдикции: монография. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: Свое издательство, 2018. С. 185–188.

Несмотря на то, что в канонической Православной Церкви вопрос о канонизацииprotoиерея Александра не ставился перед священноначалием, его иконографические образы стали символом выражения почитания верующих, получивших пастырскую помощь, ответы на свои вопрошания и отклик на свои духовные запросы через труды о. Александра и считающих его трагическую кончину ничем иным как мученичеством за Христа. Обстоятельства написания большинства изображений прот. Александра автору не известны, однако сам факт их существования говорит как о незаурядной личности о. Александра, так и о его фундаментальном наследии, до сих пор заставляющем чтить его память, которая со временем трансформируется и в традиционное христианское почитание. Каким оно станет в будущем, наберет ли массовость и необходимую силу для изучения жизни, служения и богословского наследия о. Александра в перспективе канонизации покажет время и вектор развития церковной жизни в России.

Источники и литература:

1. Акт об отлучении от Церкви Глеба Якунина // *Паламарчук П. Анафема. История и XX век.* – М.: Сретенский монастырь, 1998. С. 398–399.
2. Александр Мень. Образы // *Яков Кротов. Богочеловеческая история* [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: http://yakov.works/library/13_m/myen_icons.htm – Дата доступа: 19.02.2020.
3. Апостольская Православная Церковь. Документы 2000–2008 гг. – М., 2009.

4. *Бочков Павел, священник.* Обзор неканонических православных юрисдикций ХХ–XXI вв. Т. 2: Реформаторские расколы: монография. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: Свое издательство, 2018.
5. *Бочков Павел, иерей.* Обновленчество в наши дни. История возникновения и современное состояние неканонической юрисдикции «Аpostольская Православная Церковь» // Рязанский богословский вестник. – Рязань: Рязанская Православная Духовная семинария, 2016. № 1 (13). С. 54–73.
6. *Бочков Павел, священник.* Обзор неканонических православных юрисдикций ХХ–XXI вв. Т. 1: Политические расколы: монография. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: Свое издательство, 2018.
7. *Бочков Павел, священник.* Обзор неканонических православных юрисдикций ХХ–XXI вв. Т. 3: Идейно-национальные расколы. Непризнанные национальные юрисдикции: монография. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: Свое издательство, 2018. С. 185–188.
8. *Бычков С. С.* Хроника нераскрытоого убийства. – М., 1996.
9. Воззвание Апостольской Православной Церкви о жизни церковной в свете жизни и кончины отца Александра Меня [Москва, 26.11.2004] // Апостольская Православная Церковь. Документы 2000 – 2008 гг. – М., 2009. С. 16–19.
10. *Двали Наталья.* В начале было слово // Бульвар Городна. № 4 (508) январь 2015 // Архив газеты «Бульвар Городна» [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: https://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s56_67095/8971.html – Дата доступа: 19.02.2020.

11. Журавлев Сергей, архиепископ. Живая Церковь. Сборник статей. – Киев: Украинская Реформаторская Православная Церковь Христа Спасителя, Архиепископия Киевская и всея Руси, 2003.
12. Журавлев Сергей, архиепископ. Тезисы Православного Обновленческого Собора. – Киев, 2008.
13. Канонизация о. Павла Адельгейма, избрание нового митрополита Киевского на 4 года, уход на покой Виктора (Веряскина). Протокол Собора Apostольской Православной Церкви. – Киев, 18 октября 2013 г. // Портал Credo.Ru [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=104012> – Дата доступа: 29.02.2020.
14. О почитании Александра Меня во святых // Тапир: Здоровье и Земледелие [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://tapirr.livejournal.com/5071518.html> – Дата доступа: 19.02.2020.
15. О Сысоеве и о Мене. Александр Мень. Иконы // Тапир: Здоровье и Земледелие [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://tapirr.livejournal.com/2480465.html?nc=11> – Дата доступа: 19.02.2020.
16. Об авторе [Обложка] // Якунин Глеб, священник. Хвалебный примитив юродивый в честь Бога, мирозданья, родины: поэма. – М.: Библиотека ПравЛит, 2008. С. [129].
17. Решение о прославлении в лице святых архиепископа Ермогена (Голубева), святителя и исповедника [Москва, 07.09.2008] // Apostольская Православная Церковь. Документы 2000–2008 гг. – М., 2009. С. 81–84.
18. Решение о прославлении в лице святых священномученика и просветителя Александра Меня [Москва, 25.07.2000] // Apostольская Православная Церковь. Документы 2000–2008 гг. – М., 2009. С. 16–19.

-
19. Усатов Александр, священник. Путь лжеархиеря Сергея Журавлева: неопятидесятничество восточного обряда. – Ростов-на-Дону, 2006.
  20. Якунин Г. П., отец. Стихи. Из ранних, ратных и отрадных. – М., 2010.
  21. Якунин Глеб, свящ., Рыжов Юрий, свящ. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. – М. – Таганрог, 2006.
  22. Якунин Глеб, священник. Божественная конспирология. Памяти отца Александра Меня [28.09.2010] // Якунин Глеб, священник. Богу служение – стихосложение. Б.м., [2015]. С. 80–81.
  23. Якунин Глеб, священник. Исторический путь православного талибанства. – М., 2002.

Россия, Норильск
Март 2020

**ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНОГО ОПЫТА
ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ**

Владимир Илюшенко

**В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ
ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ?***

В последнее время всё чаще говорят о наследии отца Александра. А есть вообще такое наследие?

Находятся люди, которые говорят: «Какое наследие? Нет у него никакого наследия. Он всего лишь популяризатор».

Так есть наследие отца или нет?

Безусловно есть – обширное, богатое, не вполне понятое и усвоенное лишь отчасти.

Но если есть наследие, должны быть и наследники.
Кто это?

А это его духовные дети, его ученики. Но ограничиться только ими было бы неправильно. В потенции (а я думаю, что когда-нибудь так и будет) наследники Александра Меня – это христиане par excellence, прежде всего верующая православная (и не только православная) интеллигенция, люди культуры.

Отец Александр сам осознавал себя наследником, в первую очередь, наследником русских религиозных философов – Владимира Соловьёва, Петра Чаадаева, о. Сергея Булгакова, о. Павла Флоренского, Сергея Трубецкого, Семёна Франка, Владимира Лосского, Георгия

---

* Текст выступления на межприходской конференции «Духовное наследие прот. Александра Меня» (14–15 февраля 2015 г. Москва, храм Космы и Дамиана в Шубине) публикуется с небольшими сокращениями.

Федотова. Он написал о каждом из них, и обнаружилась поразительная вещь: то, что он считал наиболее ценным, наиболее важным в трудах своих предшественников, присутствует в творчестве самого о. Александра не только в полной мере, но и в высочайшей степени.

Так что же оставил нам отец Александр? Это необозримое богатство: богословие, библеистика, философия, история, религиоведение, культурология, историософия, педагогика. И оно, это наследие, нашло выражение в таких формах, как книги, словари, комментарии, статьи, рецензии, интервью, проповеди, исповеди, лекции, выступления, беседы, проза, стихи, иконы, рисунки, письма, слайд-фильмы, видеозаписи, магнитофонные записи, киноленты.

Я перечислил только научные дисциплины, жанры, виды документов – а ведь у него всё это существует в живом единстве. Нечто скрепляет всё это в единое целое.

Что скрепляет?

Конечно, дух. Дух дышит, где хочет, и он всегда дышал в этом человеке, в его слове. Это евангельский дух, который сам отец Александр определил, как «дух свободы, любви, терпимости, уважения к личности человека – образу и подобию Творца». А ещё он говорил: «Если дух свят, он захватывает всё существо человека, и тело его становится храмом».

Так и было с отцом Александром. Он был гением, религиозным гением – это смутно ощущали все, кто с ним сталкивался. А гений – это чудо, и потому его наследие отмечено удивительной гармонией, присущей этому человеку.

Прежде всего надо сказать, что это **духовное наследие**, выраженное в его словах, в его личности, в его

жизни и смерти. Оно связано с прошлым и настоящим и устремлено в будущее.

Мы – наследники. Что же мы наследуем? И что мы в силах унаследовать?

1. Я думаю, прежде всего мы наследуем **традицию открытого христианства, которую о. Александр развел и обновил**. Христианства, понятого не как теория, не как свод правил, запретов и повелений, а как новая жизнь, преображающая человека. Христианства, открытого всем ветрам истории, распахнутого навстречу человеку, говорящего с человеком на понятном ему языке, открытого миру и его проблемам. Оно, это христианство, основано на вере, любви и свободе – тех дарах, которые Бог дал человеку, тех принципах, которые заповедал нам Христос. Для этого христианства характерны терпимость, восприимчивость, чуткость к иным традициям, уважение к личности, диалог с миром и людьми, поиски общехристианского и общечеловеческого единства.

Открытое христианство мало похоже на «бытовое, обрядовое православие с его стилизацией, елейностью и «вещанием»» (слова отца Александра). И оно неизбежно сталкивается с иной, закрытой моделью христианства – «христианством» косным, мертвящим, унижающим человека, умеющим только возводить стены, строить баррикады, ставить границы. Его приверженцы – это духовные пограничники или конвойные караульщики, закон которых: шаг вправо, шаг влево – открываем огонь. Везде им мерещатся уклоны, ереси, русофobia, оскорбление религиозных чувств.

Для закрытой модели христианства характерны узость, шовинизм, агрессивная религиозность, культур-

ный эгоцентризм, духовный сепаратизм. Это конфронтационная модель, которая не может существовать без врага. Поиски и уничтожение врага становятся смыслом жизни.

Любовь, терпимость, открытость – это всё связано, это всё едино. Ненависть, нетерпимость, закрытость – это тоже связано, это тоже единый комплекс.

Отец Александр говорил, что «нетерпимость, фанатизм... есть проявление не столько веры, сколько неуверенности... нетерпимость есть род душевного недуга, способного извратить любую, даже самую светлую идею».

Закрытая модель – это фарисейское, имитаторское христианство и, если называть вещи своими именами, – религия человеконенавистничества, лжехристианство, христианство без Христа, язычество в христианской упаковке. Отец Александр считал его крайне опасным для общества, гораздо более опасным, чем атеизм и даже антихристианство. Но он не столько обличал это лжехристианство впрямую, сколько противостоял ему по существу, практически, своей жизнью и своим творчеством, отстаивая и развивая те принципы открытого христианства, о которых я говорил.

2. Отец Александр **дал новый религиозный синтез**, соответствующий духу и стилю нашего времени, эпохи цивилизационной ломки, эпохи социальных, политических и духовных мутаций.

Этот синтез представляет собой сплав церковной традиции с высшими достижениями российской и мировой культуры, духовной и светской. Но это именно **христианский синтез**, а не духовный синкретизм, не смешение религий. Христианство отец Александр

рассматривает не просто как силу, влияющую на сознание людей, а как «силу, объемлющую все стороны жизни, открытую ко всему, что создал Бог в природе и в человеке» и даже «не столько как религию, а как путь в грядущее».

Возьмём одну только сторону богословия отца Александра – его экзегезу. Новизна созданного им синтеза связана не с отходом от христианских догматов, в чём его неоднократно и незаслуженно обвиняли, а с очень глубокой, абсолютно оригинальной и самостоятельной интерпретацией основ и принципов христианства и его ветхозаветных истоков. Это относится, в частности, к интерпретации Пролога книги Бытия.

Пример – истолкование отцом Александром такого символа, как Древо познания добра и зла. Почему Бог запретил первым людям вкушать от плодов этого дерева? Довольно распространённая интерпретация сбивает с толку: дерево трактуется как символ познания мира, чуть ли не науки. Получается, что Бог, наделив человека разумом, Сам же закрыл для него путь к использованию этого дара.

Отец Александр поясняет: дерево – принятый в древности символ Вселенной, мироздания в целом. Называя это дерево Древом познания добра и зла, Библия имеет в виду не столько нравственные категории, сколько полярные свойства природы, потому что «тov верá» (добро и зло) есть идиома, обозначающая «всё на свете», «всё сотворённое», а «познать» на библейском языке означает «владеть», «обладать».

Таким образом, «это дерево символизирует власть над миром, которую Змей предлагает похитить вопреки воле Творца...» Поэтому «посагательство человека

на плоды Древа познания добра и зла можно истолковать как его стремление обладать, владеть миром», причём владеть независимо от Творца, распоряжаться миром по своему усмотрению. «В том числе – по-своему строить этические принципы. Это и означает желание “быть как боги”». Следовательно, человек попытался овладеть не просто властью над миром, но властью, автономной от Бога, вопреки Его воле, в своекорыстных целях. «Именно в этом грех прародителей, так называемый “первозданный грех”, и мы все причастны ему от рождения». Змей (сатана), говоря Адаму и Еве «будете как боги», действует очень тонко: признавая богоподобие людей, он призывает превратить его в орудие мятежа, подрывает доверие к Богу.

Можно сказать, что религиозный синтез отца Александра – это углубление христоцентричного миросозерцания, развитие христианской метафизики не как абстрактного учения, а как вполне практического инструмента для достижения единства мира.

Нет сомнения, что мы накануне серьёзных цивилизационных трансформаций. Они давно назрели и подспудно происходят. Я имею в виду порыв к единству, точнее **императив общечеловеческого единства** перед лицом ожесточённого сопротивления деструктивных архаических, в своей основе языческих, сил. Это сопротивление – яростное, доходящее до бешенства, – происходит на наших глазах, сегодня. Универсализм же отца Александра соответствует универсализму христианства.

3. В христоцентризме и необычайно динамичной христианской метафизике отца Александра коренится и его общий подход к человеку как образу и подобию

Божию. Мир принципиально не завершён, и человеку отведена поистине уникальная роль в его становлении и преображении. Именно человек, в сотворчестве с Богом, призван связать земное и небесное, временное и вечное. Однако это призвание невозможно реализовать без опоры на внутреннюю свободу человека, данную ему свыше. И эта свобода неотделима от ответственности человека. Ответственности за всё, что происходит не только с ним, но и с миром, который он призван преобразить.

Для отца Александра это был не просто теоретический принцип. Он так жил. Он знал, что духовный рост человека возможен лишь во внутренней свободе. Он дал нам урок свободы.

4. Наследие отца Александра – это **углубление понятия духовности**, евангельского его понимания. Духовность – это «не бездумная вера в новую теорию, в отвлечённую концепцию; она основана на живом внутреннем опыте, на достоверности встречи с Запредельным. Она не унижает разум, а лишь показывает, что пределы рационального познания не безграничны. Она допускает осмысление опыта. Именно она и даёт нам критерии для различия добра и зла, высшее обоснование этики». Он говорил об осмысленной вере, отнюдь не иррациональной: «Борьба между разумом и интуицией, разумом и верой – явление ненормальное. Это конфликт, разрушающий целостность человека, ибо человек создан двуединым».

Очень важная особенность богословия отца Александра – понимание того, что **духовность амбивалентна**, потому что **сфера духа поляризована**. Он писал: «Я не могу разделить взгляда, по которому любая

религиозность служит этическому возрождению». Да, дух дышит, где хочет. А если он не хочет дышать там, где ненависть?.. Тогда там дышит **другой дух**.

Отец Александр развил традицию различения духов, заложенную ещё апостолом Иоанном, который призывал «испытывать духов, от Бога ли они», и говорил о «духе истины и духе заблуждения» (1 Ин 4:1-2). Дух истины – дух Христов. Дух заблуждения – дух злобы, ненависти, разделения. Всё, что соединяет людей, – от Бога, всё, что разделяет, – от дьявола, который отнюдь не является символической фигурой. «Мне неоднократно была явлена реальность светлых и тёмных сил», – писал отец Александр. Поэтому правильнее говорить не о бездуховности, а об отрицательной духовности (пример – лжехристианство).

5. Отец Александр утверждал, что «служение истине и Богу невозможно без **верности нравственным заветам**, данным человеку» (выделено мной. – В. И.). Нарушение этих заветов ведёт к катастрофе: «Релятивируя нравственность, мы открываем простор для звериной борьбы за существование, для “войны всех против всех”, для безграничного властолюбия, которое не остановится перед пирамидами из черепов и превращением целых народов в лагерную пыль».

Он понимал, что разрыв в духовной традиции опасен: «Неудивительно, что вырвались такие тёмные силы на поверхность. Они могут обуздываться только духовным началом. Если этого начала нет, если человек о нём не имеет представления – в нём вылезает зверь. Хуже зверя – демон».

Я не слишком согласен с тем, что отец Александр был лишь пастырем интеллигенции, тем не менее её

роли, её духовному состоянию он придавал большое значение. Говоря о нашей стране, он подчёркивал: «В каком-то смысле катастрофа была предопределена нравственным и духовным разбродом в интеллигентской среде начала века». Отсюда призыв к интеллигенции – обрести твёрдую духовную почву под ногами.

Вот такой же разброд мы наблюдаем и сегодня. Поэтому катастрофу в близком будущем вряд ли удастся отвратить. Да она, собственно, уже пришла. Мы живём в состоянии войны. Это не важно, что она не объявлена: война идёт, а война – всегда катастрофа.

Отец Александр не уставал повторять: «Кризис культуры возникает, когда люди теряют духовные ориентиры, когда нравственная почва уходит у них из-под ног, когда они порывают с вечными ценностями и начинают погоню только за сиюминутным». И ещё: «Современная цивилизация может совсем лишиться будущего, если она не взглянет правде в глаза, если не найдёт твёрдого обоснования нравственным принципам».

6. Отец Александр показал, что **религия и культура совместимы, культура и вера совместимы**. Более того, путь святости и путь культуры – это не обязательно разные пути. Они могут сближаться и даже совмещаться, потому что культура нерасторжимо связана с духовным измерением человека. В самом отце Александре глубокая, непоколебимая, живая вера сочеталась с высочайшей культурой. Он говорил о Владимире Соловьёве и Павле Флоренском, что они сами были культурой, «и она-то, – добавлял он, – свидетельствует о Церкви, о Христе, о христианстве».

7. **Любовь ко Христу и любовь к человеку** – это для отца Александра две стороны неразрывного единства,

потому что любовь, по его определению, – величайшая динамическая сила на пути конечного преображения человечества и мироздания. Христос – центр истории, Божественная рука, протянутая человеку, путь спасения. Человек – высшая ценность, и его высокое достоинство не только в том, что он образ и подобие Божие, но и в том, что Бог явлен людям в лице Богочеловека Христа. Отсюда у отца Александра очень личное отношение к Евангелию, понимание жизни как мистерии и благовещение перед жизнью как пред даром Создателя, сотворившего и природу, и нас – Его образ и подобие. Отсюда его взгляд на историю как на историю спасения. Отсюда и его уважение к демократии как условию реализации свободы человека.

8. Ещё одна составляющая наследия отца Александра – это **призыв к социальной активности людей**, особенно христиан, которая подразумевает и их личную ответственность за всё, что происходит в обществе. Если христианство – это сила, которая объемлет все стороны жизни, то оно «включает и социальную сферу. Отстаивая достоинство человека, оно не может быть равнодушным к социальной несправедливости».

В своём «Кредо» отец Александр подчёркивал, что «борьба за утверждение Царства Божия должна вестись в средоточии жизни». Он призывал к активному участию человека в истории как богочеловеческом процессе. Он высоко ценил Андрея Дмитриевича Сахарова не только как праведника, но и как общественного деятеля. Он и сам был общественным деятелем, но таким, для которого главным было духовно-нравственное измерение жизни. Он обращался к сердцу человека.

9. Отец Александр **любил Церковь** не просто как родной дом, но как инструмент спасения, созданный самим Господом, и понимал, что когда речь идёт о Церкви, речь идёт о будущем мира. Эта любовь включала в себя заботу об авторитете Церкви. Именно поэтому он отвергал шовинизм, фанатизм, антисемитизм в православной среде, отталкивающие людей от Церкви. Именно поэтому он отстаивал экуменизм, содействующий сближению церквей, призывающий уважать чужую модель христианства.

10. Отец Александр не делил мир на верующих и неверующих, а жизнь – на религиозную и светскую. Он говорил: «Нет жизни “самой по себе”, которая была бы независима от веры». Поэтому его наследие – это **отношение к жизни как к насквозь пронизанной Божественной любовью и Божественной заботой о человеке**. В Боге – вся реальность, вне Бога – только не бытие. Он завещал нам непрерывный диалог с Богом, как и стремление сочетать свою волю с волей Творца, чтобы в конечном счёте торжествовала богочеловеческая воля.

11. Отец Александр оставил нам и другое наследие – **образец поведения, безупречную нравственную позицию**, единственно оправданную для служителя христианской Церкви, Русской Православной Церкви. Если бы Церковь в нашей стране занимала именно такую позицию – нравственный, политический, психологический, а в итоге и духовный климат в России был бы совершенно иным. Но дело обстоит не так, и потому многие люди не идут в Церковь, а другие разочаровались в ней. Это лишь делает более актуальным призыв отца Александра к ответственности мирян за Церковь,

за единство Церкви, ответственности, которая подразумевает ясно выраженную христианскую нравственную позицию.

Отец Александр сделал осознанный выбор, сознательно и активно участвовал в борьбе сил добра с силами зла. В его выборе тоже гармония – гармония воли, разума и чувства.

12. Дороже всего в наследии отца Александра – он сам, необычайная, неповторимая, интегральная личность. И не следует удивляться тому, что он вызывает споры, вражду и даже ненависть: как говорил о. Сергий Булгаков, «глаза ненависти зорки и внимательны». Но-ватор, выдающийся мыслитель, а тем более религиозный гений, всегда вызывают сопротивление. Люди не готовы к восприятию их идей. Их примут потом, как нечто само собой разумеющееся и вполне очевидное. А кроме того, религиозный гений – явление духовное, божественное по своему происхождению, и оно вызывает ожесточённое сопротивление, **сопротивление сил зла**. Кстати, я помню, что, говоря о Серафиме Саровском, отец Александр всегда повторял: он был гоним. Для него это было очень значимым. Это как знак качества, как свидетельство верности заветам Христа. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».

Наследие отца Александра и он сам – наглядное пособие для нас: как жить верой, как следует жить, чтобы «всё вращалось вокруг единого стержня». Он жил, действовал и творил в условиях несвободы, а когда свобода пришла – был готов к ней. Он говорил: «Сейчас я чувствую себя подобным стреле, которую долго держали на натянутой тетиве». А ещё он писал: «Я слишком

хорошо понимаю, что служу только орудием, что всё успешное – от Бога. Но, пожалуй, нет для человека большей радости, чем быть инструментом в Его руках, соучастником Его замыслов». Здесь – целомудренная скромность при ясном понимании своей миссии: быть инструментом в руках Господа.

Он сказал однажды: «Что бы меня порадовало, если бы я умер и оттуда следил за происходящим? Только одно: чтобы дело продолжалось».

Мы должны, мы, если хотите, обязаны не только сохранить наследие отца Александра, но и по мере сил осмыслить его, развить, передать нашим потомкам. Чтобы дело продолжалось.

Сумеем ли мы это сделать? По силам ли это нам?

Это уже зависит от нас и от благодати Божией. Если мы заслужим её.

Наталия Большакова-Минченко

ОТКРЫТИЕ РЕАЛЬНОСТИ ДУХА

*Взгляд на эпистолярное наследие
protoиерея Александра Меня*

Эпистолярное наследие отца Александра Меня – большая и значительная часть его творчества. Жизненный контекст бытия отца Александра был таков (обыски, допросы), что у него не было возможности вести дневник (о чем я с горечью думала, читая «Дневники» о. Александра Шмемана), даже его записная книжка содержала «зашифрованные» записи, понятные только ему одному (чтобы никого не подвести). Причем, нам отец Александр советовал вести дневник, в том числе, и духовный, считая, что это важно для возрастания.

Таким образом, многое из его личностного опыта, из того, что ему открывалось в постижении Божьих законов бытия отражено именно в письмах, где свободнее приоткрывается его внутренний мир, – почему очень важно проанализировать эпистолярное наследие, которое является также продолжением пастырского служения отца Александра, его богословия. А порой его письма, – это как бы «дневники души».

В данной работе коснемся лишь фрагментарно этой огромной темы.

Надо сказать, что в целом эпистолярное наследие отца Александра можно разделить на несколько основных направлений: пастырско-попечительское (педагогика; врачевание); вопросы современного христианства и проблемы Церкви; богословие; вера; свобода; разделение

ние христиан и пути его преодоления; вопросы творчества; биографический аспект; проповеднический; просветительский, а также обоснование собственной позиции, как священника, проповедника, автора многих трудов, – объяснение своего пути.

Весьма разнообразны и адресаты писем, их тоже можно условно разделить на группы: прихожане; люди «случайные», становящиеся от его писем верующими (тут и его миссионерство, и катехизация); оппоненты; вопрошающие; страждущие; духовенство (письма о. Всеволоду Рощо; о. Сергию Желудкову); биографы (З. А. Масленикова).

Не могу не вспомнить еще об одном корреспонденте о. Александра. В 1989 г. была опубликована наша с ним беседа «О духовности» (первая беседа с о. А., опубликованная в СССР) в журнале «Кино», выходившем в Риге на двух языках – русском и латышском – и один из латышских читателей журнала, после публикации Беседы написал о. Александру письмо. И получил ответ и книгу от о. Александра «Сын Человеческий», был так счастлив, а вскоре пришло сообщение об убийстве священника Александра Меня. Этот человек позвонил нам в Фонд и все рассказал. То есть, совершенно незнакомому человеку отец Александр не только написал письмо, но и прислал книгу, которых было у него немногого, которые с трудом приходили к нему из Брюсселя, из издательства «Жизнь с Богом», где издавались его труды.

Отдельной главой, можно сказать, стоят письма к Юлии Николаевне Рейтлингер – инокине Иоанне. Переписка, продолжавшаяся 14 лет (с 1973 по 1987 гг.), полностью сохранилась, что удивительно, по тем временам

и обстоятельствам жизни, и составляет, пожалуй, особую страницу обширного эпистолярного наследия, весьма важную по охвату тем и по степени искренности отца Александра.

Публикация всей переписки дает ощущение подлинного диалога, длиною в 14 лет, который обрывается в связи с полной слепотой, глухотой и потерей осязания с. Иоанны. В 1988 году она умирает, а ее сестра Екатерина Николаевна сохранила все письма отца Александра и передала их в Москву из Ташкента, уже после кончины о. Александра. Когда Юлия Николаевна умерла, о. Александр, сохранивший все ее письма, отдал их Ольге Ерохиной и попросил ее написать некролог о Юлии Николаевне для «Журнала Московской Патриархии».

Книга «Умное небо. Переписка протоиерея Александра Меня с монахиней Иоанной (Ю. Н. Рейтлингер)» содержит несколько аспектов: это и глубокие богословские размышления, и разговор о творчестве (известно, что Ю. Н. была живописцем и иконописцем, а о. А. очень любил изобразительное искусство, тоже учился живописи, рисовал, есть несколько икон его письма), о новых формах и поисках, и о творчестве духовном (созидание главной иконы – собственной души), и о почитании святых, о традиции православной и католической; о Евхаристии, о молитве, о церковном устройении; о спасении; о Божием присутствии; о Воскресении Христа; о любви; о личном избрании; об избрании народа; о страдании; о Духе Божием; о воле Божией, о духовном подвиге. И, конечно, много писем о. Александра, в которых отеческое попечение, взятие «на себя» страданий, болей, тревог с. Иоанны, всего трагического, что

было в ее жизни, что было «тайной» и для него, которые потрясают всякий раз, как прикасаешься к ним, – это отцовское и материнское служение, здесь отражено то, что было определяющим в жизни отца Александра.

Далее предлагаем вниманию читателя фрагменты из некоторых писем о. Александра к с. Иоанне.

Пастырство о. Александра укоренено в Слове Божием, в опыте святых, в верности Церкви и своим духовным наставниками. Он пишет с. Иоанне:

«...Ваше участие для меня есть осуществление духовной связи с тем поколением, которому мы много обязаны. Мы все выросли на той почве, которая, хотя географически оказалась удаленной, но внутренне – очень близкой. Невозможно переоценить ту роль, которую играло и играет для нынешних поколений наследие о. С. Булгакова и всей этой плеяды. Они дали обильную и необходимую пищу для тех, кто вернулся в дом Отчий теперь. Итак, разрыв преодолен, и как знак его – Ваши труды...»

* * *

«...Пусть наши огоньки, горящие в разных местах, не гаснут, чтобы мы могли передать эстафету».

* * *

«Я верю в живую связь с прошлым и в преемственность. Что касается воли Божьей, то она в том и заключается, чтобы мы искали, действовали, боролись до конца. И только в этом “конце”, когда все средства исчерпаны, предавали Ему все. Ничего, кроме надежды и терпения в молитве, нам

не остается. Это, как предельная нищета, когда теряешь все и остаешься только с Ним, в наготе, как новорожденный. Ничего у нас нет, ни сил, ни жизни, все от Него».

* * *

«Какие бы ни были трудности на Вашем пути, Он Вас никогда не оставит. Как вел, так и будет вести. По дороге, уходящей в бесконечность и свет. Сейчас, как всегда во время болезней, есть возможность продолжать писать самую лучшую свою икону: внутренний образ души, которая продала все свои сокровища, чтобы приобрести один большой драгоценный камень.

Храни Вас Господь. Ваш пр. А. Мень».

Часто в письмах о. Александра звучит проповеднический голос. Неизменно возникает тема духовного подвига в письмах о Евхаристии, о вере.

«...“Великое – в малом”. Дух дышит, где хочет. Это-то и есть источник нашей радости. Мир – как Его Присутствие и Сострадание и помощь. В этом суть Евангелия: Царство близко, оно здесь, его нужно только открыть. Оно посеяно и тихо вырастает. Почему наша вера есть “победа, победившая мир”? Она побеждает серость, “грубую кору вещества”, она дает нам узнать, что такая высшая способность духовного зрения. Мы очень на земле, целиком в ней, и в то же время вырастают крылья, которые поднимаются в небо...»

* * *

«...Хорошо понимаю Вашу печаль о таинстве, сила которого как бы затмевается темным облаком окружающей атмосферы. Но каждый раз хорошо возвращаться мыслью к Тайной Вечере. И тогда все очищается от туч. То, что “видимая реальность довлеет, как Вы пишите, над невидимой” – есть призыв к нам. Мы не на готовое пришли. И нас зовут к борьбе, открытию реальности Духа, к движению, к подвигу. На этом стоит вера, “обличающая невидимое”».

* * *

«...Относительно Евхаристии хочется сказать Вам несколько слов. Что нужно было людям, когда среди них ходил странный человек, говоривший очень странные вещи, окруженный сомнительными типами, проститутками и мужиками? Что нужно было? Подвиг веры. Легко ли было Петру сказать деревенскому Плотнику: “Ты Мессия, Сын Бога Живого”? Да и сказал он это по непонятному людям вдохновению. Так и явление Его во плоти через Церковь требует этого подвига веры. Вера – наша сила, динамика, активность, творчество, прорыв. Если бы все было наглядно и ясно как день, мы были бы в пассивном положении “воспринимающих”. А мы участники, сотрудники, активные единицы Церкви. Вот это-то и нужно помнить перед лицом Евхаристии, совершаемом в земном уничижении. И Ваш недуг это унижение углубляет (для Вас)...

Вы пишете о действии благодати. Конечно, она действует разнообразно. Она помогает нам делать то, что мы призваны делать, а не фантазировать. Она вселяет силы, когда их по естеству нет...»

* * *

«Прежде всего – Евхаристия установлена Спасителем и была настолько дорога и важна для Него, что Он заповедал всегда совершать ее Своим последователям. Это – первое, после крещения, таинство.

Уже одно это заставляет нас относиться к нему с особым благоговением, даже если мы и не все понимаем в его сущности. Это Его воля, Его желание.

Форма, которую Он избрал, была далеко не случайной. Как Вы знаете (хотя бы из книги Л. Буйе), основой ее служили молитвенные братские трапезы в ветхозаветной Церкви. Трапеза вообще издревле была самым интимным и светлым символом единения людей. Когда иудеи собирались на такие трапезы, они знали, что Господь невидимо присутствует среди них. Это первый аспект – трапеза.

Второй аспект – Жертва. В чем заключался смысл жертвенной символики с древнейших времен? Жертва была знаком единения с Высшим. Она тоже понималась как трапеза, на которой присутствует Божество (или его представитель в виде символа). Часть жертвы сжигали, часть шла на трапезу, шла людям, собравшимся у стола или очага. Жертвенное животное было эмблемой

Бога, который входил в самые тесные отношения с людьми.

То, что это было связано с принятием пищи, – тоже не случайно. Ведь принимая пищу, человек причащается силам природы, силам мира. Через пищу мировая энергия входит в человека и поддерживает его бытие. Поэтому и сам акт принятия пищи всегда понимался как священный и поэтому в жертве был элемент трапезы. Подобно тому, как в пище мы приобщаемся стихиям, так и священная трапеза есть символ (вполне реальный!) причастия Божественному. Отсюда – пасхальный Агнец и иудейский седер, на котором он присутствовал как часть трапезы.

Третий аспект связан с кровью. С глубочайшей древности у многих народов кровь была символом жизни. Ритуалы с участием крови делали его участников членами одной семьи, “кровными родственниками”. Этот символ был принят и в иудействе. Когда Моисей кропил народ кровью жертвенного агнца, он тем самым соединял народ в духовную и кровную общину. А поскольку Агнец был посвящен Богу, она становилась общиной Божией (кагал Ягве), или Церковью (эклесия, что есть греческий перевод еврейского слова “кагал”).

Жертва Божия, вхождение Творца в мир падший, исполненный страдания, есть четвертый аспект таинства. Христос отдает Себя миру. Он становится Сам Агнцем, который соединяет Небо и землю. “Тако возлюбил Бог мир...”

Плоть и кровь – на языке Ветхого Завета означает бытие живого существа в целом. Плод чело-

веческого труда, вино и хлеб, есть залог жизни, ее условие. Но, освященные присутствием Христа на трапезе, они становятся Его бытием, Его кровью и плотью. Это чисто духовное значение таинства нельзя толковать натуралистически. Присутствие Плоти и Крови есть Присутствие как таковое, реальное Присутствие. Поэтому Христос говорил о Себе, что Он есть “Хлеб, сошедший с неба”, поэтому Его жизнь (т.е. Кровь) есть сила, пронизывающая собранных во имя Его.

То, что в первобытных религиях было предчувствием и жаждой соединения с Высшим, то, что в Ветхом Завете было прообразом Богоявления, то на Тайной Вечери стало реальностью. И продолжаться она будет, пока стоит Церковь, пока стоит мир. Последняя же Трапеза, вечная, будет уже в Его Царстве, которого мы все ждем и ради которого живем и трудимся.

Вот, в кратких чертах, что могу сказать Вам я об этом великом и драгоценнейшем из таинств, которое является для нас залогом Его пребывания с нами».

Известно, что отец Александр сугубо почитал Евхаристический канон, Великий Четверг, Тайную Вечерю. Он словно бы всегда присутствовал на Тайной Вечере сам. Потому с такой болью он пишет о закрытых вратах...

«...мне ничто так много не дает, как Литургия. Но и все же я ощущаю ее неполноту, из-за нашей порочной практики служить за вратами, отдельно от народа. Параллельно читал покойного

о. Шмемана о Евхаристии. Он тоже сознает эту ненормальность. Но все его прекрасные слова разбиваются о грубую бессмысленную реальность порочного обычая. И все же... Напомню Вам, что Чаша была тогда, когда еще не было Евангелия. Что она Его Воля и Его Присутствие. Именно так Он захотел быть с нами. И в закрытых вратах я вижу Его унижение. Продолжение страстей».

В пастырских наставлениях о. Александра о молитве – в ответ на разнообразные вопросы с. Иоанны – содержится целое богословие молитвы, источником которого является Евангелие и опыт молитвенного предстояния Богу.

«Наша молитва как род общения приближает нас к Богу, мы исповедуем, открываем в ней сердце перед Ним. Добавляя “Да будет воля Твоя”, мы все же просим, и пример тому Сам Христос. Это поток нашей воли, который несется навстречу Богу и соединяется с Ним. Когда этот внутренний “диалог” начинает звучать в нашем сердце, мы говорим: “Господь услышал”, хотя это лишь фигулярное выражение. Есть и еще один аспект. Молясь, мы вырываемся из-под неотвратимых материальных законов и соприкасаемся с миром иных закономерностей, включаем в них и тех, за кого молимся».

* * *

«...велика сила молитвы. Пусть ее порой истогает из нас беда и забота, но это именно то, чего ждет Господь: живого голоса, обращенного к Нему.

Вот и Ваши испытания и искушения – все они даются как бы для того, чтобы де профундис (из глубины) звучал голос».

* * *

«Вы очень верно указали на то, что в благодарственной молитве и в молитве вообще мы стремимся слиться с волей Его. Человеческое остается, но свободно подчиняется Ему, “сливается” с Ним. Это наша вожделенная цель. Это цель всего мира. Это то, что богословы называют теозисом. Но теозис, как Вы так же верно заметили, нечто совсем иное, чем в Веданте. Там нет человека и Бога, а есть один Бог. Здесь же Завет, Любовь двух, которые, как это и должно быть в любви, становятся едины (но не тождественны). Молитва за других? В ней есть много аспектов: и включение близких в наш духовный поток, устремленный к Богу, и соединение с ними в молитве, и исповедание перед Ним, что мы все принадлежим Ему, и свидетельство любви. Христос молился за Своих. Тем самым принимал их в Свое сердце...»

А вот как о. Александр раскрывает смысл настойчивости в молитве:

«Относительно усилий, которые, казалось бы, противоречат “преданию себя на волю Божию”, – то это “противоречие” – в самом Евангелии. Христос говорит: “знает Отец”, “волосы сочтены”... и в то же время: приводят случай с женщиной и судьей, говорит об “употребляющих усилия”. Вся суть в том, что Сам Он соединял молитву

до кровавого пота с исповеданием: да будет воля Твоя. Что значит настойчивость в молитве? Не попытка навязать Богу свою волю, а утверждение веры в то, что мы обязательно будем услышаны, что Он с нами и не оставляет нас. Собственно, эта настойчивость нужна нам самим, чтобы укрепить в сердце полноту доверия. И еще: если не будет борьбы за землю обетованную, которую мы получили, то мы легко можем почить на лаврах, думая, что все уже сделано и получено».

Через человеческий подвиг Христа Спасителя о. Александр дает увидеть наш путь за Христом.

«...если бы мы оставались бесчувственными к беде, то не было бы подвига, не было бы жертвы и борьбы. Превзойти то, что не затрагивает, – легко. Но вот – не желать, страшиться, просить об избавлении и в конце все же сказать – да будет воля Твоя – это то, что указано нам на пути за Ним. Он Сам показал пример. Если бы Спаситель хотел мук, хотел человеческой низости и пыток, если бы Он был неуязвим (как думали некоторые еретики), то Он не был бы Человеком-победителем. Подвиг-то Его был человеческий...»

Тема воли Божией, Божьего присутствия, благости Промысла не раз была затронута в письмах о. Александра.

«Не знаю, сумею ли внятно сказать Вам о Вашем вопросе. Кажется, я уже писал Вам, что мир похож на стереокино. Сидишь прямо – все рельефно, немного повернешься – все плоско. Так и в

жизни. Определенная позиция внутренняя ставит нас в прямую зависимость от воли Божией, другая – позволяет как бы отдаляться от нее, “выпадать”. Здесь все провалы и чернота. Он промышлительно присутствует, конечно, и там, где мы “проваливаемся”. Он объемлет нас и в моменты отдаления. Ибо если бы Он не был там – все превратилось бы в ничто. Но если в черных дырах Он только поддерживает бытие наше, обращая часто зло в добро, то в “поле веры” Он явно открывает благость Промысла. Промысл не отвергает свободы, он попечение присутствующего Отца, который смотрит, как мы идем и куда. Он ждет от нас свободных усилий идти к Нему навстречу. Конечно, все зло мира – не Его воля (в смысле не Его “желание”), но Он попускает это, делает все для того, чтобы повернуть его на благо. Страдание делает источником сострадательности, ошибки и падения – источником смирения, болезнь – терпения и т.д.».

* * *

«Часто думаю: каков смысл Ваших продолжающихся тягот? Какой-то смысл есть, и что-то можно угадать. Но не все. Многое нам откроется “потом”. Остается только, как Авраам, целиком вручить себя Промыслу и идти в неведомое дальше».

* * *

«...Еще раз, следя за путями Вашиими, ощущал присутствие в них направляющей и вразумляющей Руки. Это всегда так отрадно: ощутить

близость Промысла! Думал и о путях Вашего ремесла. Все это очень сложно и актуально. Ведь сейчас у нас – прямая деградация ц. искусства. Светлое пятно на этом фоне – научное, добросовестное и вдохновенное копирование. Но на этом остановиться нельзя. Ренессанс тоже начинал с подражания “антикам”... Но все же нужно думать и работать, чтобы готовить почву будущему.

Обнимаю Вас. Молюсь и надеюсь, что Вы скоро будете чувствовать себя лучше.

Ваш п. А. Мень».

* * *

«О трудном Вы говорите: почему не молиться о смерти?¹ Скажу откровенно: наверно, нет во мне этой решимости. Никогда не мог (например, в случае с теткой моей, которая два года прожила в плохом состоянии). Наверно, здесь говорит во мне что-то библейское – жизнь табу, она принадлежит Богу всецело, Он один здесь властен распорядиться. Понимать-то я Вас очень понимаю. И на Вашем месте думал и чувствовал бы так же. Но есть нечто непреодолимое (молиться о смерти). Может быть, когда-нибудь во мне это сломится...»

* * *

«Дорогая Юлия Николаевна!

Еще до получения Вашего письма узнал о случившемся. Как Вы сейчас? Каждое утро в 9 часов буду молиться за Вас, вспоминайте об этом в тот

---

¹ Ю. Н. просила о. Александра молиться, чтобы ей умереть до наступления слепоты. (*Прим. ред.*)

час. Будем надеяться, что все восстановится и Вы сможете летом приехать. Напишите мне подробно (если можете) о Вашем состоянии и о том, что говорят врачи.

Пусть Страстная неделя будет для Вас времением Креста. Будем вместе нести его, и вместе с Ним. На краю беды и крушений иной раз внезапно открывается то последнее, что превышает все наши надежды. Наше все испепеляется – остается только Он. А это и есть сущность нашей жизни, судьбы и смысла. Есть глубокая тайна в словах “Кто хочет душу спасти...” Уничтожение Его открывается нам в собственном уничижении...»

* * *

«Дорогая Юлия Николаевна! Не перестаю удивляться этому “скорбному чуду” – нашей возможности общаться, несмотря на Вашу болезнь, Ваше “чистилище”. Каждый день поминая в молитве Вас и сестру Вашу, думаю о том, какова мысль Божия об этой болезни. Я ощущаю ее как знак “печати”, как знак “призыва”, когда Господь хочет провести через темную пещеру испытаний, чтобы очистить совсем. Вспоминаю тяжелую болезнь св. Терезы из Лизье. Она видела свою болезнь и душевный мрак, как парадоксальный дар милости Божией. “Большому кораблю – большое плавание”. Значит надо все пройти, чтобы лететь в вечность на белых крыльях, отряхнув всю пыль земли. В 10 утра я всегда вспоминаю Вас. Через воскресенье (начиная с минувшего, 24 ноября) это совпадает с Евхаристическим каноном. И еще я

верю, что будут Вам открываться “внутренние пространства”, которые закрыты для людей, у которых зрение нормально. Недаром некоторые подвижники подолгу жили в темных пещерах, чтобы это пространство открылось им. Я могу сказать Вам только одно – на Вашу мысль о непоправимых грехах прошлого. Есть только одна сила, которая может исправить непоправимое. И эта сила Христова. Собственно, Он только потому и вошел в мрак нашей жизни, чтобы сделать это, чтобы превратить нас в “пшеницу Божию”, как говорил св. Игнатий Богоносец. “Хочу разрешиться и со Христом быть”, – говорил ап. Павел, но нес свой крест. Так вся жизнь наша с Ним становится временным крестоношением, умиранием с Ним, чтобы с Ним воскресать в свете.

Обнимаю издалека Вас обеих и шлю Божие благословение

Ваш пр. А. Мень».

Тема призыва, важнейшая для понимания мироощущения самого о. Александра, неотделима для него от избрания – личного, каждого человека и темы избрания народа, общины и в Св. Писании, и в истории.

«“Избрание” во всех смыслах (в том числе и в личном) есть призвание, предназначность, соучастие в замыслах Божиих, реализация замыслов Творца о тебе лично. Это надо почувствовать, угадать, принять и осуществить. В этом смысле все избраны, хотя и каждый по-разному. У каждого своя роль в жизни. Надо уметь выполнить именно ее. Нет людей без духа, для всех звучит,

хоть раз, призыв Божий. Наши судьбы тесно связаны с тем, как мы выполняем призвание.

До встречи.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. Мень».

* * *

«Дорогая Юлия Николаевна!

Только сейчас смог сесть, чтобы поговорить с Вами о волнующем Вас вопросе: как понимать проблему “избрания” в Библии. Слово это, действительно, проходит через все Св. Писание – от рассказа об Аврааме до ап. Павла. По-видимому, это не случайно. В диалоге (Бог – человек) избранность лица, народа, общины играет какую-то существенную роль. Однако в свете слов Спасителя о солнце; которое светит на праведных и неправедных, понятие это нельзя связывать с несправедливостью или кальвинистическим жестким предопределением. Из контекста Библии явствует, что избрание – это прежде всего призванность на служение. Даряя человеку свободу, Бог продолжает диалог, даже тогда, когда значительная часть людей отходит от Его путей и не выполняет предопределенного. Однако в этом случае границы, сфера призыва Божия временно сужается. Он говорит с тем, кто готов Еgo слушать, как Авраам.

Призванные (и, следовательно, избранные) должны стать закваской человечества, продолжая дело Божие в окружении отступничества. Избрание человека, народа, общины отнюдь не означает, что сами по себе они выше прочих людей. Их

значимость функциональная, поскольку им отведено особое, инициативное место в историческом “домостроительстве”. Авраам был, вероятно, не единственный, кого призвал Господь. Но он с готовностью отозвался на призыв и стал поэтому “отцом верующих”. На его вере созидается основание будущей Церкви.

Но Церковь ветхозаветная как община служителей Бога, предназначенная для утверждения, сохранения и распространения веры на земле, не могла иметь иного русла в древности, кроме этнического. В эпоху, когда личность всецело определялась традициями национальной культуры, когда в силу исторических условий человек не имел выбора, находясь в рамках этноса, нация, народ создавали единственную в своем роде устойчивую духовную среду, где что-либо могло возвращаться, сохраняться и развиваться. Духовное наследие человек получал только от родителей, от непосредственного окружения, от национальной культуры. Только начиная с эпохи эллинизма начинается живой обмен ценностями между народами (грек может стать буддистом, иудей воспринять эллинство, римлянин – иудейство). Отсюда “избранность” Израиля как этнической общности, которая стала лоном богооткровенной религии (во всей ее динамике).

Призыв Божий “стать народом святым и царством священников” означает, что данная этническая единица должна сделать служение Богу основой своей культуры и всего своего существования. Но и тут нет “жесткой, программы”. Бог не

насилует волю и сознание избранных. Дух Его постепенно просветляет душу народа, чья история становится трудным восхождением – с соблазнами, провалами и грехами. Св. история библейского народа есть история воспитания. От Авраама до Моисея, от Моисея до Амоса и других пророков и т.д. Перед нами не просто эволюция религии, а драматическая история, история борьбы, противления, преданности, конфликтов, возрастания в вере. То, что в Израиле нашлись люди, которые отвергли Христа, и люди, на которых, как на камне, была построена Церковь Нового Завета, показывает, что в библейской истории укреплялся положительный полюс и не подавлялся отрицательный, то есть сохранялась свобода. Выбор и ответственность неотделимы от избранничества.

Наднациональная Церковь, Церковь Христова могла быть основана лишь тогда, когда изменились условия (“исполнение времен”), когда стал возможен религиозный выход за границы этноса. Как я уже сказал, эту миссию выполнил эллинизм (о котором – мой 6-й том). Новозаветная Церковь, обещанная еще пророчеством Иеремии, становится новым объектом избранничества. Она выходит за рамки племенных и культурных изолятов, хотя не нарушает целостность и оригинальность частных культур. Именно поэтому нет единой христианской культуры, наподобие буддийской или мусульманской.

Избрание Церкви так же, как и в Ветхом Завете, сохраняет свободу. Поэтому история Церкви, подобно библейской, имеет двойственный характер.

Поэтому в ней есть подлинное и фальшивое, достойное Евангелия и греховное.

Но здесь нужно отметить еще одну особенность “избрания”. “Обетования Божии непреложны” – говорит св. Павел. Это не его личное убеждение, но суть всей исторической традиции Библии. Сказание о Потопе показывает, какая может быть альтернатива этому. Мир оказывается недостойным, Бог истребляет его и создает новое человечество. Но потом радуга становится символом того, что Бог отныне будет строить на том основании, которое Он заложил Сам, невзирая на грехи людей. Он не истребляет Свой народ за его грехи, а ведет его к покаянию, проводя через горнило бед. Он “верен Своему слову” и вместо того, чтобы образовать новый Израиль, избирает из его же среды Остаток (то есть ядро верных).

То же происходит и в Церкви. Она много раз заслуживала уничтожения. Множество сектантов и еретиков пытались упразднить ее и начать все заново на другом основании. Но Господь совершаet “домостроительство” именно на почве все той же Церкви, которую Он воздвиг на скале Петровой. И как в Ветхом Завете, Он действует в лице Остатка. Таким образом, обетование Божие не зависит от нравственного состояния избранных, пока есть хотя бы “три праведника”, то есть пока остается хоть какой-то отклик на Его призыв. Но Остаток никогда не исчезает: ни в Израиле, ни в Церкви. Думать обратное – значит быть либо слепым, либо крайним мизантропом (получается

трихотомия: верность Божия, неверность одних и верность других).

Итак, избрание в общеисторическом смысле есть предназначенность. Это распространяется и на отдельных людей. В этом смысле все избраны, но каждый по-разному (в плане домостроительства), и по-разному отвечают на Божий призыв. Если человек внял призыву, он посильно исполняет то, чего ждет от него Господь.

Простите за академичность изложения. Так удобнее.

Храни Вас Бог.
Ваш пр. А. Мень».

Нельзя не коснуться отрывка из письма, в котором о. Александр определенно высказывается о том, что понимать под богословским термином «спасение».

Традиционные, укоренившиеся в сознании многих православных верующих искажения, заблуждения относительно «спасения», часто встречавшиеся в священнической практике о. Александра, очень его беспокоили. И он не уставал говорить об этом в проповедях, беседах, письмах, ибо спасение – главное в Благой Вести, ради этого Господь пришел к нам, отдал Себя, чтобы нас спасти, соединить нас с Собой, ввести в Царство Свое вечное.

«Дорогая Юлия Николаевна!

Хочу надеяться и молюсь, чтобы у Вас утихла эта ужасная боль. И верю, что распятие, которое стоит у Вас в газах, – призыв страдать с Ним и через это преодолеть страдание. Относительно «спасения», то я вполне согласен с о. С.² Термином

---

² Имеется в виду отец Сергий Булгаков. (Прим. ред.)

этим слишком злоупотребляли, огрубляли его, так что он уже затемнился в своем первоначальном смысле, а смысл этот не просто “избавление” от чего-то, от зла, от гибели, а ПРИОБЩЕНИЕ К БОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. Именно в этом значении он и находится в Писании».

Для отца Александра была очень важна тема соучастия в страданиях Христа. Он говорил, что мы можем делить с Ним страдания, которые выпадают каждому из нас – если свои внутренние мучения, внешние скорби, жизненные испытания мы будем превращать в жертву Ему. Мы можем и болезнь, и любое тяжкое состояние освятить, приняв его добровольно, сделав его крестом. И в письмах к с. Иоанне о. Александр тоже говорит о том, что страдание, принятое добровольно, становится жертвой, искупающей зло.

«Когда Вам трудно, хорошо думать, что это за кого-то, это реальность. От Бога может быть только добро. Если мыносим жертву за других, то зло (болезнь) становится от Бога, то есть добром».

* * *

«Чувствую кожей, как Вам трудно. Что делать в осаде множества болезней? Пока только надеяться и верить, что эти страдания, принятые добровольно, – где-то в мире уравновесят зло. Есть тайная связь между такими страданиями и другими людьми, которых любишь. Это как бы нести часть тяжести креста за них. Да пребудет с Вами чудо Его Страдающего Присутствия. С любовью Ваш пр. А. Мень».

Но отношение о. Александра к страданию, к болезни, к смерти как к злу, а не как к «идеалу» христианства подробно сформулировано в письме к отцу Всеволоду Рошко, – опубликованном в небольшой книжке «Из современных проблем церкви. Фрагменты частной переписки о. Александра Меня» – (в основном, с о. Всеволодом Рошко, 1917–1984). Здесь мы видим диалог двух священников: православного и католика, живущих в абсолютно разных условиях, можно сказать, – мирах. Отец Всеволод жил в Иерусалиме, служил в «Доме Авраама» – гостинице монастырского типа для бедных католических паломников. Для о. Александра была очень важна связь с русским священником, живущем в свободном мире, обмен взглядами на волновавшие о. Александра проблемы: и место церкви в истории; корни разделения христиан; церковные проблемы того времени (актуальные и сегодня); различие западного и восточного типа сознания; перспективы развития церкви.

Они переписывались 10 лет, до самой смерти о. Всеволода 13 декабря 1984 г. Последнее письмо о. Всеволод написал о. Александру за два дня до смерти, прощаясь. Отец Александр писал, что 10 лет их переписки дали ему очень много, что это было неповторимое общение.

Итак, вот цитата из письма о. Александра к о. Всеволоду Рошко:

[21 февраля 1975]

«О смерти и страдании. Думается, что опасно их идеализировать. Мы не переживали бы так пасхальное таинство, если бы смерть не представлялась нам торжеством темных сил, “последним врагом”, как называет ее апостол. Некая условная ее поэтизация и наша вера в бессмертие смягчают

мысль о бесконечном уродстве смерти. Я хоронил многие сотни людей всех возрастов и почти всегда ощущал смерть как величайшее поругание, унижение человека. В трупе, как правило, обнаружается жалкая беспомощность и слабость духа. Поэтому-то прохождение Христа через ад есть крайний предел божественного кенозиса. Верим же мы не столько в бессмертие (по Платону и др.), сколько в Воскресение (о нем говорит “Символ веры”). Это чаяние – одно из самых грандиозных и захватывающих и в то же время – самых трудных в христианстве. Трудность его в том, что бессмертие в какой-то мере раскрывается в умозрении и опыте, а воскресение – чудо. Об этом писал еще во II веке Афинагор. Проблема заключается в том, как научиться по-новому говорить об этой тайне. Я за то и люблю Тейара³, что он делает попытку что-то осмыслить и даже представить в этом направлении. Ведь в сравнении с Грядущим наш мир – лишь эмбрион. Но с другой стороны Вы правы: раз смерть стала путем Христовым, она в каком-то смысле теряет свое “жало”. Это относится и к страданию. Само по себе оно есть зло (иначе Христос не исцелял бы людей). Но Его крестный путь возвысил и преобразил страдание. Я не берусь судить о чистилище, о котором Вы приводите цитаты. Наверно, очищение души от приросших к ней грехов – процесс нелегкий. Но я буду говорить лишь об этой жизни. Думаю, прав был Монтень, говоря, что считать страдание са-

---

³ Имеется в виду католический богослов, мыслитель и ученый Тейяр де Шарден (1881–1955). (Прим. ред.)

моцелью – абсурд. Все созданное Творцом – создано для блага. Но таков наш падший мир, что в нем добро непрестанно сталкивается со злом, порождая тем самым страдание. Для христианина страдание часто (хотя и не всегда) может стать “крестом” и обрести преображающую силу. Оно “выжигает” (или, если хотите, искупляет) грех, учит сочувствию, закаляет веру, дает верную оценку миру и нам самим. Однако “навязывать” христианству “идеал страдания” мог разве что Геббельс. Конечно, были и у нас такие уклоны, но разве не “блаженство” обещает Христос Своим верным? Не с этого ли слова начинается Нагорная проповедь? Однако в мире, полном зла и греха, “блаженство” невозможно достичь вне “креста”. Ведь и сам Бог страдал и страдает в этом мире. Можем ли мы изменить Ему и оставить Его? Иными словами – цель наша лежит, разумеется, не в страдании, а в победе над ним, в просветлении духа. И в этом есть, пусть слабое, подобие и отражение победы Господа над смертью. Уход из жизни многих праведных людей я так и переживаю: как одоление смерти. И мало того, Страсти Христовы приобретают совершенно особый смысл, если вспомнить, что они совершились за людей. Точно так же крест каждого неотделим от со-страдания и само-отвержения».

Много внимания уделено в переписке о. Александра с о. Всеволодом проблеме разделения христиан и различного рода причинам, обуславливающим разделение и стоящим на пути его преодоления.

[20 мая 1974 г.]

«Дорогой Отче!

Очень рад, что Вы высказались ясно и откровенно по вопросу, который сейчас волнует многих христиан. Ведь наше единство и различие – одна из первоочередных проблем, вставших перед нами в эпоху межконфессиональных контактов.

Ваше письмо объясняет многое из того, что в более смутной и неопределенной форме говорили другие. Впрочем, и Ватиканский собор, подчеркивая необходимость сделать литургию в полном смысле “общим делом”, исходил из сознания тех проблем в западном богоопочтании, о которых Вы говорите.

Мне кажется, что все написанное Вами подтверждает мысль, в свое время высказанную еще Вл. Соловьевым, о том, что разделение христиан коренилось не столько в вере и вероучении, сколько в культурном различии, в различии западного и восточного типа сознания. Индивидуализм в Европе – явление старое, восходящее еще к античным временам. Бессспорно, в нем много ценного. Именно он помогает противостоять стадному сознанию, которое тоже издревле было известно человеческому роду. Но в этом возвышении личности кроются, видимо, и опасности. Чудо и тайна Церкви заключаются в том, что она (по образу Триединства Божия) соединяет, не уничтожая индивидуального. Но этот идеал слишком труден. Наверно, мы только начинаем осознавать его сущность, а до реализации еще бесконечно далеко. (Я вообще думаю, что история Церкви только началась.)

Итак, как явствует из Ваших слов, религиозный индивидуализм разрушает то духовное единство христиан, которое наши православные богословы называют “соборностью” (термин несколько условный, но другого нет). Следовательно, западная психология оказывает сильное (и не всегда благоприятное) воздействие на духовную жизнь христиан. Но важно и то, что здесь налицо причина по существу внецерковная, а этнопсихологическая. Иными словами, значение ее и роль ограничены чисто человеческим аспектом. В то же время идеи, лежащие в основе католической экклезиологии, далеко не чужды соборности. Помню слова одного богослова, писавшего по поводу “Двух типов веры” Бубера⁴ о том, что ветхозаветная идея “народа”, “общины”, которую Бубер считает чисто библейской и чуждой христианству, на самом деле пронизывает Новый Завет и учение о Церкви. Изоляция христиан с различной психологией была не только грехом братоненавистничества, но и самообеднением. Выращенные вне контактов типы благочестия неизбежно оказались под властью этнопсихологии, и это привело к тем печальным последствиям, о которых Вы пишете. Однако и Восток понес ущерб. А из этого следует, что в будущем оздоровление духовной жизни трудно представить без экуменического диалога, без взаимопроникновения и взаимообогащения.

---

⁴ Бубер Мартин (1878–1965) – иудаистский религиозный философ. Речь идет о его книге “Two Types of Faith”, London 1951. (Прим. ред.)

Вот вы пишете, как трудно восточным приспособиться у вас к западному благочестию. Это ведь тоже свидетельство нашей слабости. Значит, и наше благочестие нуждается в укреплении для того, чтобы стать чем-то для западного.

Я отдаю себе отчет во всех трудностях, которые рождает встреча двух типов веры, но мне придает уверенность сознание того, что подлинная церковность лежит глубже этнопсихологии и культуры и что Евангелие, силой которого мы существуем, содержит в себе все, что необходимо для того, чтобы мы жили в постоянном обновлении, возрождении и уповании. Ведь разве не ясно, что все трудности и неудачи в мировой церковной жизни на протяжении веков проистекали от неправильного ответа на Божий призыв? Впрочем, никакие наши немощи не в состоянии разрушить неразрушимое. [...]

Мне странно слышать о Средних веках как о “веках веры” и т.д. Это был лишь эмбрион христианства, да и сейчас оно еще – младенец, со всеми ошибками и слабостями младенца. Задача слишком велика, чтобы какие-то жалкие двадцать веков оказались бы для нее достаточны.

Вот, дорогой Отче, некоторые из тех соображений, которые вызвали у меня Ваши письма. Простите за многословие. Большое спасибо. Будем укрепляться во взаимной молитве и искать путей к единству.

С любовью во Христе. Ваш prot. A. Мень».

* * *

[22 июля 1974 г.]

«Дорогой о. Всеволод!

Простите, что долго не имел возможности написать Вам. Ваше письмо от 5 мая дает очень четкую и интересную для нас классификацию отношений к проблеме единства Церкви.

В ответ я хотел бы тоже набросать Вам схему, отражающую состояние этой проблемы у нас.

Предварительно должен подчеркнуть, что для православия экуменизм в строгом смысле слова касается лишь отношений с католиками. В подлинно церковном смысле нас с вами соединяет многое больше, чем разделяет. Как я уже говорил (в прошлом письме), причины раскола лежат вне чисто духовной сферы. То, что внешние вещи оказываются сильнее, – лишнее доказательство незрелости мирового христианства. Подобно тому как, будучи насаждено некогда у варваров, оно невольно (и тактически оправданно) вступило в компромисс с их традициями, так и теперь – Дух Божий продолжает “светить во тьме” секулярности. Закваска лишь начала свое действие. “Будьте совершенны, как Отец...” – призыв абсолютный, реализация его не имеет границ и превосходит все космические масштабы. Конечно, никакой прямой эволюции в истории Церкви нет, но есть История, есть борьба и становление. Во многих отношениях наш век имеет то, чего минувшие не имели. Если даже такие люди, как св. Бернард, могли говорить, будто мучения грешников должны усилить радость спасенных праведников (!), то

что говорить о других. Град Божий не тождественен с Церковью, но Он в ней самой вычленяется и очищается от человеческого, темного, преходящего. В прошлом было много прекрасного, но если средневековый святой благословляет поход против неверных, то современный (вроде о. Кольбе) сам умирает за других. Это что-то да значит.

Итак, возвращаюсь к главному. Отношение наше к протестантам гораздо сложнее (в России они преимущественно представлены баптистами). Многие (и вполне основательно) признают их братьями по вере, но их понимание таинств, Предания и некоторых доктринальных догматов делает покамест мечту о действительном единстве достаточно утопичной. Для этого нужны слишком большие трансформации в протестантизме (которые кое-где уже намечаются). Для удобства можно говорить о “христианстве” вообще (наподобие солнечной короны) и Церкви в строгом смысле слова (ядро солнца). Таинства, в отличие от субъективного акта веры и убеждений, есть для нас сверхчеловеческий элемент Церкви. Недаром преемственности иерархии придавалось всегда такое значение. Ведь если ее отбросить, все окажется во власти чисто человеческих пороков и добродетелей. Она есть тот стержень, который является залогом крепости против врат ада (при этом человеческий элемент не унижается и не игнорируется). Судьба и драма Церкви и христианства имеет прообраз в Ветхом Завете. Завет – это берит, договор. Катализмы ветхозаветной истории обуславливались неверностью народа Божия Завету. Точно так же обстоит

дело и с “популюс Деи”, новым народом Божиим. Если Церковь проходит через испытания, то причина этого в нашей измене Завету. Одна из важнейших его заповедей: “да все едины будут”. Она была нарушена еще с апостольских времен. Поэтому проблема единства – не мода XX века, а не преходящее требование, обращенное ко всем нам (а не только к иерархам и ответственным лицам). Следовательно, для всех нас, рядовых священников и верующих, вопрос этот всегда актуален и жизненно важен.

Теперь о типах отношения к вопросу. Пользуюсь Вашей нумерацией.

1) Имеет у нас два источника. Смутная настороженность верующего народа ко всему непривычному. Он не знает католиков и по традиции считает их “чужими”. Конфликты (национально-политические), которые бушевали в пограничных областях, усилили отчуждение. Виновных было много с обеих сторон. Богословское обоснование этому взгляду было дано в прошлом веке Хомяковым. Он считал Восточную Церковь единственной подлинной Церковью, а прочих – еретиками (сам он, не признаваясь в этом, испытал большое влияние протестантов). Однако его точка зрения не была принята русским епископатом, и книги его не были разрешены духовной цензурой. Его противники выдвигали следующие аргументы: основы вероучения и таинства роднят нас с Западной Церковью; что же касается догмата 1870 г. и других особенностей католичества, то не было Вселенского Собора, который вынес бы

о них авторитетное суждение. Следовательно, по крайней мере пока, их можно рассматривать как “теологумены”, богословские мнения Запада (напомню, что между появлением фелиокве и “разделением Церквей” прошло несколько веков).

2) Как Вы сами указали, такое согласие существует между католиками и русской Церковью (с недавнего времени – формально, а прежде – “де facto”). Кстати, уже до этого у нас принимали католических духовных лиц “в сущем сане”, т.е. с признанием их иерейского достоинства и совершенных ими таинств.

3) Этого явления практически у нас нет. Отдельные случаи могут быть рассматриваемы как часть № 2. Бывают случаи, когда православные священники и миряне присутствуют на богослужении у баптистов (иногда даже по особому разрешению проповедуют). Но мы не воспринимаем их хлебопредложения как Евхаристию, и никто из православных не позволил бы себе в этом участвовать (таинство там превращено в обряд, что, понятно, далеко не одно и то же).

4 и 5) Такие случаи были. При особых обстоятельствах, но все же были. Сами по себе они есть молчаливое признание метафизического единства Церкви.

В заключение хочу подчеркнуть, что я далек от мысли, будто экуменизм есть нивелирование форм церковной жизни (это “латинская” тенденция, к счастью, уже изживаемая католиками). Все национальные формы христианства и благочестия должны остаться и сохранить свое неповторимое

свооеобразие и глубину. Полный спектр культур и этнопсихологических типов может участвовать в общекультурном созидании, и это вовсе не грозит стиранием индивидуальных обликов Церквей. Мы можем находить красоту и проникновенность в какой-нибудь африканской мессе, но это не значит, что нам нужно вводить в наших храмах барабаны.

Думается, что все национальные Церкви имеют будущее (в том числе и у нас), но только при условии, что они не утратят связь с Целым; они ведь не изолированные островки, а части Тела, которое должно иметь единое кровообращение. Иначе их ждет духовная гангрена.

Подобно тому, как любая культура есть аспект культуры мировой, поместные Церкви обязаны преодолевать изоляционизм, сознавая себя ветвью Вселенской Церкви. Это, разумеется, сопряжено со многими трудностями. В частности, национальная замкнутость – серьезная помеха. Но какое доброе дело совершалось легко? “Царство Божие усилием берется...” Я верю, что молитва “о соединении всех” обретет силу, когда перестанет быть только формулой, а наполнится живым конкретным содержанием».

* * *

«О различии опыта в конфессиях. Говоря еще раньше о многообразии этнопсихологии, я упустил один важный аспект: плюрализм психологических типов в рамках одной культуры и народа. Я бы выразился афористично: сектантом не

становятся, но рождаются. Какой же вывод? Очевидно, тот, что в церковной жизни следует развивать плюрализм форм, которые бы находили созвучие у людей разного типа. Конечно, я понимаю, что об этом легче говорить, нежели что-то сделать. Но кажется, многие уже стали понимать, что терпимость к иному религиозному опыту есть не обязательно плод индифферентизма, но и плод интегрального понимания задач Церкви».

* * *

[23 августа 1974 г.]

«Дорогой о. Всеволод!

Вы ставите вопрос: не связано ли особое почитание Страстей Христовых с западным индивидуализмом. Мне нелегко судить об этом в силу малого практического знакомства с западной церковной жизнью. Однако думаю, что слова, приведенные во Фиоретти, не случайны. Существует тип людей, которые открывают для себя Бога на изломах жизни, в опыте страданий и отчаяния. “Страждущие люди”, о которых писал в свое время В. Джеймс, существуют, конечно, повсюду. Достоевский достаточно ясно показывает, что и русскому складу это присуще. Тем не менее на Западе такой тип, очевидно, более ярко выражен (это линия, ведущая от Августина к Лютеру, Паскалю и Кьеркегору). Я особенно ощущил это, читая Бернаноса. Можно ли считать его источником индивидуализма? Пожалуй, да, по крайней мере в известной степени. То “одиночество перед Богом”, о котором Вы так хорошо пишете, нередко путь

трудный и поистине крестный. Живое чувство общности с другими (сознание Церкви или Общины), пусть и не до конца, но все же преодолевает трагизм этого пути. В то же время культ Страстей несет в себе столько величественного, прекрасного и подлинно христианского, что лишиться его (как составного элемента многообразной Церкви) было бы катастрофой. Он особенно ценен в сочетании с другими путями, подобно тому как Крест становится знаком победы в свете Воскресения. Следовательно, мы приходим все к той же мысли о необходимости интегрального Христианства, включающего всю гамму духовных путей и переживаний.

Есть в культе Страстей еще одна черта, свойственная Западу. Он всегда острее, чем Восток, сознавал человечность Спасителя. Отсюда сопреживание крестным мукам именно в их человеческом ужасе (не об этом ли говорят многие статуи и картины, страшная вершина которых – “Распятие” Грюневальда?). Примечательно, что и Рождество на Западе празднуется более торжественно, чем Пасха (т.е. опять-таки на первом плане – человеческая сторона жизни Христа). Иные усматривают тут несторианский уклон. Но с таким же успехом можно было бы обвинить восточных христиан в монофизитстве. Действительно, Христос виден с Востока и Запада по-разному (у нас еще в начале века Бердяев писал, что разделение имело провиденциальный смысл, способствуя росту разнообразных типов мистики). Но именно это есть знак того, что только в единстве

мы можем постигать Его полноту. Раскол христиан не может не оказаться на их религиозном сознании. Тайна Богочеловечества станет ближе к нам, если мы будем ближе друг к другу (и через это – к Нему). Восточный подвижник VI века авва Дорофей сравнивал Бога с центром круга, а людей с радиусами, чем они ближе между собой, тем ближе к Центру. Вот мистическая основа для экуменизма.

Второе, чего Вы касаетесь, это “свобода и мудрость” в западной Церкви. Опять-таки могу судить лишь по литературе и по жизни католиков у нас.

Слов нет, в силу известных исторических причин христианство в Византии, на Руси и в древневосточных (дохалкидонских) Церквях имело меньше влияния на мир, чем на Западе. Я говорю не о внешнем влиянии, его было достаточно. Быт, искусство, обычаи – все на Востоке было проникнуто христианской терминологией, образами и темами. Можно сказать, не было формального разделения на Церковь и мир. Но по существу была пропасть. Именно в силу этого, как верно подметил Вл. Соловьев, лучшие силы византийской Церкви уходили в пустыню. Западная же иерархия, более мобильная, авторитетная и “культуртрегерская”, содействовала тому, чтобы реально христианизировать общество. Конечно, и тут были провалы и ошибки. Но в целом ее воздействие было более эффективным. Отсюда и та “мудрость” в диалоге с миром и с человеком, которую вы отмечаете. На Востоке эта мудрость есть тоже, но

она не выходила обычно за рамки частного душепопечения. Это очень важная сторона духовной жизни, но общественная роль Церкви была приижена, что имело свои последствия. Сегодня же в начинающемся диалоге две мудрости могут взаимодополнять друг друга, служа единому и вечному идеалу.

Надо сказать, что на Востоке, где иерархия всегда была слаба, западная организованность у одних вызывала восхищение, а у других – обвинение в попрании свободы. Не будем кривить душой, но многие века церковная дисциплина сильно сковывала католиков, что приводило к уродливым явлениям. Может быть, для Средневековья это еще как-то оправдано, но с XIV–XV веков “декретирование” стало навязчивым. Оно в какой-то мере вызвало Реформацию и секуляризм. Духовная сила подменялась дисциплинарными мерами. Особенно болезненно это проявилось в XIX веке при Пие IX. Таким образом понятно, почему православные и протестанты настаивали на том, что свобода – у них, а у католиков – утеряна (в этом смысле характерно стихотворение нашего поэта Тютчева о Силлабусе). Однако многие не замечали и другого: того духа свободы, который жил вне зависимости от дисциплинарной сферы. Он проявился у Франциска, мистиков, Данте.

И критики на Востоке проглядели тот момент, когда эта свобода начала заявлять о себе во все услышание. Началом открытой борьбы за нее стал II Ватиканский собор. О его роли у нас большинство иерархов, священников и мирян, которые

интересуются этим вопросом, придерживается одного мнения: это заря возрождения. Но свобода – тяжкий дар, и, как Вы сами удачно выразились, у многих от нее кружится голова. Опасностей здесь много, но, если быть бдительными, Бог поможет преодолеть все кризисы. Ведь кризис – это не так уж плохо: и “золотой век патристики” был кризисным!».

Очень важным представляется то, что пишет о. Александр по поводу весьма трудной – и актуальной для нас – темы об отношении вероучения к жизни и этике.

«Либерально-протестантские богословы типа Гарнака обычно обвиняли Церковь в том, что она заменила этическое христианство доктринальным. Конечно, кое в чем они были правы. Жестокость догматических споров и связанные с ними события, а также преследование еретиков в последующие века показали, как далеко от Евангелия способен увести доктринализм. Мы можем только радоваться, что теперь многие католики, православные и другие христиане умеют ценить дух и нравственную высоту тех, с кем они расходятся во мнениях. Сотрудничество в области этической, которое осуществляет ВСЦ, есть добный признак. Но в то же время именно его деятельность имеет в себе опасность размывания вероучения, которое лишает христианство его силы. Ведь все св. Писание, включая Евангелие, говорит о конкретной вере в Откровение, воплощаемой в догматах. Вера есть вид познания, и поэтому в ней огромную роль играет постижение истины. Если она вытесняется

этикой, все теряет очертания и грозит распылиться. Разве не правы были люди Ветхого Завета, когда отстаивали учение о едином Боге против язычества, разве не правы были Отцы Церкви, когда противились посягательствам ересей умалить или упразднить учение о Богочеловечестве? Ведь спор шел не о нравственных принципах. Они могут быть и вне христианства. Само же оно есть путь к Богу, открывшему Себя в определенных символах. Без этих символов христианская жизнь теряет свою основу.

Естественно, здесь встает вопрос о судьбе заблуждающихся, но если мы чувствуем, что и для них есть некая мера “оправдания”, то неужели Господь менее благ, нежели мы с нашими немощами? Итог я мог бы подвести любимым моим изречением из бл. Августина: “В главном – верность, в спорном – широта, во всем – любовь”.

И, наконец, о “священном”. С высшей точки зрения все – священно, все принадлежит Творцу. Однако есть моменты жизни, где оно присутствует особым образом. Прообраз этот дан в Библии, где ясно выражено понятие о священном как о “прорыве Бога в мир”, как о Его Присутствии. Это исполнилось через явление Христа. Но цель христианства – распространение этого священного на весь мир, на всю жизнь. Отсюда космический характер восточно-христианских таинств и обрядов (освящение св. трапезы в Евхаристии, таинство брака, водоосвящение и т.д.). С этим связано и благоговейное отношение к останкам святых, ибо они, по слову апостола, – “храмы духа”. На

Западе, особенно в Средние века, это тоже было, но сейчас, видимо, притупилось. Рациональная, техническая цивилизация есть антипод христианской идеи освящения космоса (только Тейар умел как-то соединить эти два аспекта и м.б. его идеям принадлежит большое будущее). [...]

Храни вас Бог в Ваших трудах и служении.
Прошу молитв. Поклон друзьям.

Ваш прот. А. Мень».

А в следующем письме о. Александр размышляет о серьезной проблеме «честности», о смысле «интеллектуальной честности» западного христианского мышления. Подобные рассуждения в других трудах о. Александра не встречаются.

[5 сентября 1975 г.]

«Дорогой мой Отче!

Письмо Вы написали короткое, а задачу дали мне большую. [...]

Рассмотрю поэтому несколько аспектов.

1. Сама по себе честность и перед Богом, и перед людьми как вид “добросовестности”, как стремления сделать все, что в наших силах, все додумать и исполнить до конца (насколько возможно) – есть бесспорно добродетель. Всяческие ухищрения, обман, самообман, пропаганда, наляжки, недомолвки ведут к печальным последствиям и в жизни, и в мысли, и в вере. Тут я могу только от души приветствовать западную “честность”. Это общее позитивное соображение.

2. Если Вы говорите о добросовестном выполнении требований устава, то подобная черта нам,

православным, свойственна, пожалуй, не меньше, а даже больше, чем западным. У нас всегда была тенденция строгого блюсти все условия и правила. И часто это (как и на Западе) вело к отрицательным последствиям. Молитва превращалась, порой, в “вычитывание” правила. Текст (славянский) большинством плохо понимается. Но многие считают идеалом – выполнять “все”. Отсюда русское старообрядчество, которое теперь нашло новых продолжателей в лице карловчан. Мне как-то попался их журнал – ну просто мумия какая-то! Подлинная пародия на христианство – по существу столь жизненное и динамичное... Вероятно, на Западе подобного рода “честность” проявлялась и в церковной дисциплине, которая у нас хромает. Я не против дисциплины и устава, но нам навсегда дан предупреждающий пример книжников и фарисеев, которые во имя законнической честности нередко доходили до жалкого религиозного формализма. (Меня всегда поражает сходство Типикона и Мишны – сходство знаменательное!)

3. Честность перед разумом? Но перед каким разумом? Вот вопрос. Если перед узким, рассудочным, плоским, дискурсивным, то заслуживает ли он такого почитания? Мне кажется, западный экзистенциализм есть реакция на его насилие. Ведь еп. Робинсон пытается быть честным не столько перед Богом, а, как Вы верно заметили, перед “миром”, т.е. его плоским, пошлым, обывательским аспектом. Он искренен, но этого мало. Подлинный разум – шире и глубже, он обнимает

сферу антиномичного, парадоксального, сверхрас-
судочного. Он сознает, как говорил Паскаль, свои
пределы. А здесь получается культ самодовольно-
го рассудка, который берется судить обо всем в
духе XVIII века. Даже наука наших дней не сле-
дует по этому пути, а признает мир невыразимо-
го, неописуемого, немоделируемого.

4. Честность перед информацией? Да, конечно, богослов должен знать больше, чем иной зоолог или инженер. Но и в этом отношении я не вижу на Западе вполне удовлетворительной картины. Один мой знакомый как-то сказал Робинсону, что его учение о Боге похоже на индийское. Оказалось, что он даже и не подозревал этого. Меня подобный факт поразил. Увы, часто в западных книгах я встречался с удивительной поверхностью. Многие авторы повторяют друг друга, даже не ссылаясь на другие работы. Создается впечатление, что они мало читают. Очень многим обязан западным исследованиям по библеистике, но и там я нередко встречал удивительно слабые работы, состоящие из перепевов. Скажем, иной раз говорят: “Как показал доктор N., было то-то и то-то”, а между тем впервые это открыл и установил библеист прошлого века, а вовсе не доктор N. В книгах, касающихся Библии, веры, Церкви “объективный тон” едва позволяет понять, что же думает о вопросе сам автор. Это типичный образчик антиэкзистенциального мышления. Но и объективность его все равно сомнительна. Не бывает человек совершенно объективен, как компьютер! Можно (и очень нужно!) исследовать, например,

текстуальные особенности Евангелий, но если мы за филологической работой забудем, что это Евангелия, она потеряет духовный смысл и станет в один ряд с изучением Гомера или Шекспира. Иными словами, интеллектуальная честность одна, сама по себе, еще недостаточна.

Вы пишете, что Иероним или Бернард были бы невеждами среди нынешних интеллектуалов. Это верно. Но гораздо важнее, что они в свое время сами принадлежали к интеллектуальной и духовной элите. А элита эта была в прошлом достаточно интернациональна и взаимосвязана. Вспомните контакты восточных и западных Отцов, средневековых схоластов или богословов эпохи Ренессанса. Теперь и Аристотеля физики сочли бы невеждой, но все же он великий ум, и не его вина, что он не располагал информацией современных учебников. Ломоносов как-то писал, что, если бы Отцы жили в его дни, они бы имели еще больше оснований изучать науку и прославлять мудрость Божию. Эти слова относятся и к нашей эпохе. Одно накопление информации без духовного видения может иссушить и обеднить человека. Мы знаем, что многое у Отцов устарело, но никогда не устареет их внутреннее отношение к миру, людям, знанию, к жизни и Богу. Поэтому-то они наши учителя, а не потому, что считали землю неподвижной или слабо разбирались в происхождении древних книг.

В заключение я бы сказал, что “честность” есть лишь один из элементов, из которых строится здание нашей жизни и мысли. Он обязательно

должен дополняться другими, пожалуй, не менее существенными. Я люблю слова старого писателя Фонвизина: “Ум, если это только ум – сущая безделица”. Перефразируя их, могу сказать: “Хороша интеллектуальная честность, но, если она самодовлеющая – она принесет мало пользы”. Я хочу верить, что православные будут учиться у западных – этому прекрасному качеству, но никогда не будут делать из него культа.

Кажется, написал опять что-то “обличительное” и пронизанное непониманием. Но надеюсь на Вашу снисходительность. Мое желание – как можно яснее представить свое отношение к занимающим нас проблемам. [...]

Ваш прот. А. Мень».

В переписке о. Александра с о. Всеволодом возникает, конечно, разговор о роли священника, о духовном водительстве, о различных призваниях в Церкви среди священнослужителей. В письме (1975) о. Александр пишет:

«О душепопечении. Вопрос очень сложный. Повидимому, пришло время разграничить роль исповедника и духовника. Первый – лишь совершитель таинства. Он нужен всем и всегда. Второй имеет локальное и более трудное призвание. Он действительно берет на себя водительство душой и в какой-то мере снимает с нее бремя самости. Наверно, этих духовников нужно было бы готовить в особых центрах или монастырях, чтобы они оказались способными стать своего рода христианскими “гуру” (простите за индийский тер-

мин). У нас пока это все в зачатке. Старчество как институт практически исчезло. Все отдано импровизации, от которой многие (в том числе и я) очень страдают. Но утешительно уже то, что проясняется задача и разделение призваний».

В связи с приведенным фрагментом представляется уместным процитировать слова о. Александра из его работы «Памятка начинающему священнику», написанной в 1987 г. В первом разделе, названном «Не жрец, а пастырь» о. Александр, в частности, пишет:

«Формы служения в Церкви многообразны (см. 1 Кор 12:28). Но в нынешних условиях пастырь должен соединять в своем лице и совершиеля таинств, и проповедника, и апостола (миссионера), и духовного врача, и руководителя. В связи с этим немалое значение приобретает подготовка служителя».

Мы видим, как изменился взгляд о. Александра на пастырское служение, на требования к священнику. Это связано с изменениями условий в РПЦ за истекшие 12 лет (с 1975 по 1987), с нехваткой пастырей, с все возрастающим религиозным невежеством народа, с плохой подготовкой священнослужителей.

Весьма значимым представляется также письмо о. Александра, написанное в конце 60-х годов прошлого столетия (точную дату мы не смогли установить) близкому другу, отцу Сергию Желудкову. Это большое (10 страниц книжного текста) письмо – настоящий «трактат» по вопросам веры, религиозной истории,

догматики, религиозного сознания, миссионерского служения, христианского свидетельства и пр.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты этого письма из архива о. Сергея Желудкова⁵.

«Дорогой отец Сергий!

...Бессмысленность и мрачность атеизма становится все очевиднее. Безрелигиозная мысль дошла до своего предела. Отчаянный вопль Ницше, Камю, Сартра – свидетельство этого. Оптимистический гуманизм потерпел крах в атмосфере озверения, которая окутала XX век. Атеизм – это именно и есть “кризис” в подлинном смысле этого слова. Он – болезнь духа и культуры, болезнь мысли, совести, миропонимания. Все, что было лучшего в культуре, начиная от палеолита, созидалось на религиозном фундаменте. [...]

Я верю, что Бог встретился с человеком в ветхозаветной религии, и вершиной этой встречи явилось Богооплощение. Я верю свидетельству Христа, который говорил о Себе не как об Учителе, а как об Избавителе от греха. Апостол Павел, которому я тоже верю, пережил в своей душе тайну искупления. Он раскрыл ее нам через библейские символы грехопадения. Первозданный грех есть факт, но факт внутренний. Библейские мудрецы знали, что за зло, совершающееся на земле, несет ответственность человек, человек, который изменил свободе в Боге, променяв ее на “дурную свободу” бесплодности, хаоса и пустоты. “Свое-волие” в метафизическом смысле было основой

⁵ Впервые письмо о. Александра полностью было опубликовано в альманахе «Христианос-IV», 1995 г.

отпадения человека. И вовсе не “теории”, а живой опыт, живое откровение дало нам эту истину. Все попытки объяснить человека без учета его глубокой духовной болезни потерпели крах. Демоническое начало неизменно выглядывало из-за маски “человека, доброго по природе”. У меня есть основания верить ап. Павлу больше, чем кому бы то ни было. [...] Христос вовсе не учил нас морали (хотя она и является неотъемлемой частью Его учения), но Он учил нас о том, что мы находимся во власти темных сил, от которых Он нас спасает. Не мораль основа Евангелия, ее Вы найдете и у Будды, и у Сократа. Нас спасает Тот, Кто сказал: “Я видел сатану, спадшего на землю, как молния”.
[...]

Вы абсолютно правы, что терминология догматов символична. Так и должно быть. Если бы они были выражены в стройных понятиях, они сузились бы до размеров человеческой философии. А на самом деле они есть плод живого религиозного переживания. [...]

Догматы – это не догматическое богословие. Они являются уже чем-то чисто человеческим, несущим на себе неизбежную печать ограниченности. Они будут развиваться всегда, ибо каждое его завоевание несовершенно, и полнота догмата влечет к поискам все новых подходов к этим великим темам.

Дело – в “учительстве”. Как излагать основы веры для рядового христианина? Так я Вас понял? Но это проблема преимущественно методологическая. Из тех богатств, которые имело и имеет

христианство, мы должны создавать нечто доступное для рядового человека. И при этом не ставить себе утопической цели, что это изложение должно убедить неверующих. От теории мало кто убеждался когда-нибудь. Нужно разрушать атеизм, разрушать предрассудки, нужно приблизить человека к миру веры, и если он почувствует ее как живую силу – ему уже не так важно будет, договорились ли между собой богословы-теоретики. Это свобода веры, но свобода не пустая, безмерная, бесцельная, безбожная, а свобода сынов Божиих, свобода “познанной Истины”. Никакие развалины теорий не смогут тогда смутить человека. Не в них суть. Однако и без них нельзя, как в мире науки без “рабочей гипотезы”. Мы не можем не осмыслять своей веры. Знаем, что это осмысление никогда не достигнет полной Истины, но все же осмыслием и будем осмыслять.

Тороплюсь кончать, а хочется так много сказать. Вот, Вы говорите об иерархии! Разве не ясно, что многое здесь связано с нашей внешней обстановкой? Всегда, во все времена были плохие епископы и священники, но Церковь стоит. [...]

Христианство не идеология, а бытие, жизнь, организм. [...]

...христианство отличается от “идеологий”. Оно есть новый поток бытия изливаемый из Запредельного, и когда он преломляется в душах людей, он рождает единственный богочеловеческий поток Церкви. Он несет в себе, как всякая река, палки, бревна, мусор и трупы. Но течение его неотвратимо. Церковь создана Христом. В ее бытии

я вижу Его волю, вижу Его Самого. И если есть в ней темное, то я помню об Иуде на Тайной вечери. Эта новая жизнь слагается из двух источников – земного и небесного. И в едином русле они устремляются к Царству.

Евангелие Иисуса есть Евангелие Царства. Все утопии человечества есть искаженный и обедненный отблеск его чаяния. [...] “Да придет Царствие Твое” – вот тайна христианства и Церкви.

[...] Вы сами отметили всю сложность положения Церкви [сейчас]. Здесь однозначно решить трудно очень и очень многое. Где граница, отделяющая церковную икономию от недопустимого компромисса?

Вы говорите о соборности. Поверьте, я не знаю, что значит это слово. Церковь в России давно находилась в уродливых условиях, давно, много веков. Общины у нас нет сейчас, но и не было ее сто лет назад. Но сами посудите – как может у нас сейчас развиваться дело в этом направлении? Эволюция должна идти не сверху, а снизу, ибо «каков приход, таков и поп». Иерархия у нас на Востоке всегда была слаба и безынициативна. Но не нам ее преобразить. Только тогда, когда каждый будет выполнять свой долг, можно будет ожидать помощи Божией.

Это относится и к мирянам. И к новообращенным. Они не должны быть “гостями” в храмах. От них зависит очень многое.

О реформах богослужения вообще сейчас нельзя думать. Многое можно загадывать на будущее, кое-что вводить и теперь. Но это не изменит

основного. С Вашей литургической критикой я во многом согласен. Но дело это требует тщательного рассмотрения, огромной работы, долгого времени. [...] Кто очень болеет о невнятице переводов – пусть займется новым переводом, пусть сделает “кабинетную”, так сказать, реформу церковно-славянского языка, приблизив его к русскому. Для этого потребуются годы. Переводы, развитие вкуса к иконе и пению, поиски новых богословских форм изложения веры – вот задачи, которые стоят перед нами. Их хватит на несколько поколений. Легче критиковать, труднее творить.

[...] Положа руку на сердце, скажу Вам, что при всем моем интересе к философии и богословию для меня все теоретические проблемы не так важны. Софиен ли мир? Что такое предопределение? Что такое Вознесение? И так без конца. Интересно, существенно, увлекательно. Но это то, без чего можно прожить. А вот без Бога, без Христа жизнь есть мука или самообольщение. Мир создан Богом (как? пусть решают теологи), все осмысленно и полно таинственного значения (подробности? предоставим их мудрецам), я ответственен перед своим Создателем, я погибаю, но спасен Им. Он призывает к Себе, Он призывает к крещению. Он создает Церковь, Он воздвигает Чашу. Все прочее вторично. И кризис наступает лишь тогда, когда мы отступаем от Него, от Его заповедей, от Его церкви, когда мы изменяем вере в Него. [...]

“Прежде, нежели Авраам был, – говорит Христос, – Я есмь”. В этом суть. Он был всегда, еще до Воплощения, еще до появления человека. Это Он

говорил с миром через мудрых и пророков. Все, что есть, было и будет доброго, – от Него. И этого нельзя доказать. Это выше, больше любых доказательств. В искании Христа, в чаянии Его – суть всей религиозной истории. Но это не значит, что одно это искание и есть уже Новый Завет. Во всем добром и в современном мире проявляется начало Христово, но это еще не есть христианство. [...]

А тем, кто хочет, чтобы им “объяснили все”, могу лишь сказать: христианство необъяснимо, парадоксально, оно не может быть втиснуто ни в какие рамки человеческих “систем”. [...] Значит, оно возвышается над односторонними и ограниченными человеческими системами. Оно есть Благая Весть о Боге, спасающем Свои творения.

С любовью, священник Х.»

[Прот. А. Мень.]

* * *

Среди адресатов писем о. Александра самая большая группа обозначена нами как – прихожане.

Тематически письма «к прихожанам» очень разнообразны уже в силу того, что весьма разнообразна, по многим категориям, была и паства о. Александра. Здесь мы соприкасаемся с удивительной пастырской педагогикой, в основе которой лежит безусловное уважение чужой свободы, бесконечное терпение, любовь и доброта, присущие о. Александру. Прежде всего он старался давать ответы на вопросы, обращенные к нему, и, разумеется, хотел, чтобы следовали тому, что он сказал. Но далеко не всегда настаивал на этом, часто предоставлял большую свободу, особенно в «делах

сердечных», считая, что человек должен сам выбрать, как ему поступить. Но в любом случае, о. Александр показывал своему прихожанину, как следует поступать христианину, то есть давал понять, где подлинно церковное решение проблемы.

В качестве примеров пастырско-попечительского направления предлагаем несколько фрагментов из писем, характерных для пастырской педагогики о. Александра в ее многообразии. Хотя, необходимо сказать, что, как пастырь, он был обращен к каждому человеку лично, молился и слушал «голос Духа», принимал решения только индивидуально. Находил для каждого единственно подходящие слова, единственно верную интонацию. (Эта методика из традиции «старческого руководства», в которой сам А. Мень был воспитан.) Конечно, как духовник, о Александр очень хотел, чтобы человек вышел на путь покаяния, увидел себя, «отвергнулся себя», но, если он видел, что человек не готов к «твердой пище», то поил «молоком», становился психотерапевтом, повышал собственное мнение человека о себе самом, чтобы спасти от отчаяния.

«Дорогая С.!

Действительно, исповедь должна быть в радость, потому что она есть не бесплодное самокопание, а возвращение к Отцу, примирение с Ним, обретение подлинной жизни. Для этого третий глаз не нужен, нужно только своими двумя смотреть туда, куда надо, и так, как надо. Более того, третий глаз, т.е. врожденные (хотя и разные у разных людей) способности ощущать оккультное – есть помеха, увод в сторону. Здесь нужно мужество решимости смотреть только на Свет. И больше

никуда. И чувство нашей ничтожности – нормальное и здоровое. [...] И все же в нас живет неодолимая жажда не быть ничтожеством. Быть кем-то, чем-то. Отсюда все претензии, комплексы, воля к власти, к самоутверждению. Но это все разбивается об острые камни жизни. Где же выход? Его дает Христос Спаситель. Своей любовью Он поднимает Вас, меня, каждого, кто идет к Нему из грязи и ничтожества до состояния детей Божиих. Он показывает, что Ему дороги все и каждый. Что он ищет одну пропавшую овцу. Через это наши поступки, мысли, жизнь, личность приобретают бесконечную значимость. Что в сравнении с этим все земное? Он приобщает нас к Вечности и возносит еще при жизни к состоянию спасения, к состоянию богосыновства. С Ним обретают смысл даже мелочи. Все обретает смысл. Значит, мы уже не брошены и не заброшены. Значит, жизнь имеет цель и назначение, которое не исчерпывается этим миром. Прилепиться к Евангелию – значит покончить с мыслями о неудаче, о бесплодности, о бесцельности, о самоубийстве и всем том, что закрывает наши настоящие (а не “третий”) глаза. Доверие и свет. Вот, что такое Благая Весть Христа. Просите Его, чтобы Он утвердил Вас в ней. И это разрешит все кризисы.

Храни Вас Бог.
Ваш пр. А. М.».

По мнению о. Александра покаяние, исповедь нужны не для того, чтобы изгонять грехи, борясь с ними, а – чтобы стать принципиально другим человеком, обрести чувство присутствия Божия, близости к Богу.

* * *

«Дорогой М.!

То, что Вы написали о себе так подробно, очень важно для Вас: это есть одновременно и исповедь (как я и принимаю), и начало необходимого самоопределения и самоконтроля. Начну с того, что Ваше прошлое и врожденные свойства имеют ярко выраженную двойственную направленность. С одной стороны, много в них такого, что таит в себе опасность беспечного самолюбования, неустойчивости, излишней восприимчивости. Но с другой – те же самые свойства можно развивать и в положительную сторону. Я уже говорил Вам еще до прочтения письма, что в душе человека, если он не хочет расплзтись, как кисель, должен быть твердый стержень. Он как скелет, на котором держится все. Представьте себе на миг, что Ваш большой скелет растаял. Во что бы обратилось тело! Точно так же и душа: ей нужен строгий каркас. Он называется верностью, или верой. Как он укрепляется и вырастает? Одним ишь путем: смещением своего “я” таким образом, чтобы оно срослось, отождествилось с идеалом преданности Высшему, чтобы в центре стояло не “я”, а Тот, Кто “я” создал. Ведь смысл и значение нашего существования неотделимы от Него. Как лист или ветка, оторванные от дерева, обречены стать либо трухой, либо мертвым экспонатом гербария так и душа – если она отрывается от Смысла, теряет почву под ногами. Натуры впечатлительные, бурно реагирующие на высший мир должны с особым внимание следить за собой, чтобы “ветром не

унесло”. Достоинство человека заключается в том, чтобы «быть самим собой» в любых обстоятельствах. [...] Смысл вовсе не в том, чтобы охранять свои слабости и прирожденные черты характера, а в том, чтобы сберечь от угасания и вырождения свое глубочайшее “я”, то духовное ядро, которое живо только своей связью с Духом. Измена ему унизительна для человека и равна потере себя.

В этой борьбе за себя отныне важны система и порядок, как во всем. И поэтому меня радует Ваше стремление преодолеть хаос жизни. Физические упражнения и воздержание имеют здесь немалое значение. [...]

И, наконец, Ваш вопрос об опасностях жизни. Человек, достигнув абсолютной силы духовного видения и веры, тем самым входит в то измерение или аспект жизни, когда над ним сбывается слово о “едином волосе”. Но значительная часть нашего существа еще не вышла в это измерение, а принадлежит “миру”. А как Вы знаете, в Евангелии сатана назван “князем мира”. В греховном и темном бытии он пока имеет власть. Разумеется, она не абсолютна, и, чем больше мы приближаемся к Богу, тем полнее от темных сил освобождаемся. Бояться ничего не надо: ни машин, ни врагов. Но если же начнем “искушать Господа своего” и лезть под колеса или делать необдуманные поступки, то этим лишь докажем свое легкомыслие и крайнюю самонадеянность. Вспомните, как Христос отверг предложения сатаны, который предлагал Ему броситься с крыши Храма! Мнимое бесстрашие было у апостола Петра, когда он говорил: “С Тобой

пойду на смерть”. А чем кончилось? Для нашей души смирение важнее безоглядной смелости. Нужно ведь рассчитывать свои силы. Можем ли мы быть уверены в себе? Нет, конечно. Следовательно, подлинное бесстрашие совместимо с осторожностью в поступках. Реальной угрозы над Вами никакой нет, но, действуя безоглядно, Вы можете подвести других.

Итак, – средний путь. Когда нужно твердо стоять – стойте, когда этого не требуется – не делайте лишнего. Отцы Церкви, кстати, не одобряли добровольного стремления к мученичеству. С другой стороны, излишняя и необоснованная опасливость может легко поселить в душе патологический страх. Он будет его преследовать даже тогда, когда для него не будет никаких оснований, и отравлять жизнь. С ним надо бороться. Он унижает и свидетельствует о маловерии. Нужно помнить, что христианское поведение двуедино. Внешне мы должны действовать так, как будто Бог только смотрит на наши дела, не вмешиваясь, но внутренне ориентировать себя на то, что все наши дела, и дарования, и поступки в конечном счете без Него – ничто. Здесь нужно упорно возвращивать в себе внутреннее доверие.

Вы спрашиваете, почему люди умирают? “Людей” – нет, есть отдельные личности, и каждая имеет свой путь: сложный, переплетенный с выбором путей и тесной взаимосвязью событий. Иногда ретроспективно мы можем разобраться в этом механизме, но чаще всего это остается тайной, ведь жизнь идет во многих плоскостях,

нередко не видных на поверхности. Модель, по которой Бог всем насильственно управляет – упрощенная и грубая. В действительности Его отношения с миром куда сложнее. Здесь участвуют многие факторы, и само всемогущество Божие предпочитает явить себя в мире как “немощь”, чтобы нам оставалась достойная человека свобода. [...]

Итак, желаю Вам укрепляться в труде, самообладании, мужестве, простоте и верности.

Ваш пр. А. М.».

* * *

«Дорогая Н.!

Причудливые зигзаги Вашего внутреннего пути являются причиной многоного, что Вас сейчас тревожит. Просто «забыть», оставить это невозможно. Но, с Божией помощью, попробуем разобраться во всем. Главный корень можно определить кратко так: в силу определенных обстоятельств у Вас получилось так, что мистический опыт был подменен опытом оккультным. Сейчас поясню. Скудность вашей информации привела Вас к Воланду. Вся штука в том, что Булгаков вовсе не изображал в его лице дьявола, это маска. Маскарадный костюм. Истоки его уходят в Библию. Там повествуется, как некогда три ангела посетили города Садом и Гоморру, чтобы проверить насколько растлились их жители. И убедились в этом самым печальным образом. Позднее в литературе не раз возникал этот мотив «чудесного посещения»: изображалось существо, посланное из

иного мира, и в соприкосновении с нашим миром обнаруживалась вся его гнилость. Характерный образец роман Г. Уэллса, так и названный «Чудесное посещение». Там на землю попадает ангел из плоти и крови. Булгаков прибег к этому же приему, но для остроты ситуации нарядил посланников в сатанинские маски. На деле же нравственный облик и понятия Воланда намного выше, чем у людей. Он мерит все здоровыми мерками. А ведь подлинные темные силы – это тьма, разложение, мразь. Не таков герой Булгакова (как и Демон Лермонтова – не дьявол). Вот почему образ Воланда кажется таким привлекательным, несмотря на обличие (и нечто подобное мы находим у его свиты – возьмите, например, кота). Они пришли, проверили и убедились...

Эта игра создала у Вас, как и у многих, иллюзию, что темные силы – это хорошо. Отсюда было недалеко до тяготения к таинственному. Но подлинная Тайна открывается нам не сразу и нелегко. Гораздо ближе к нам область, граничащая с физическим миром, область зыбкая и туманная, населенная стихийными началами – нейтральными и темными. Это не столько дьявольская область, сколько полуматериальный мир, куда «испаряются» наши страсти и все низшее. Ее, эту область, и пытается изучать оккультизм, думая, что таким образом проникнет в высшие миры. Но это иллюзия, как по сути дела иллюзорно все астральное (иллюзорно не в смысле нереальности, а в смысле обманчивости). Спиритизм и предоставляет возможность контакта с астральным планом.

Ничего хорошего из этого выйти не может. Он за-
манивает человека, как болотные огоньки – в топь.
Но поскольку каждый человек имеет в самом себе
астральный план, то мы легко увлекаемся туда.
Видимо, это и произошло с Вами. Получающий
оттуда информацию становится живым проводни-
ком оккультного мусора, недоброкачественных от-
бросов. Поскольку они связаны с человеком, там
могут быть и не злые стихии, но нам это вредно.
Я знал много людей, которые имели длительный
оккультный опыт (через спиритизм и пр.), и все
они несли очень тяжелые последствия в жизни. Вы
пропитались этим, как человек в цеху пропитыва-
ется запахом краски. Придется долгое время про-
ветривать душу. Если Вы хотите идти вверх, а не
плутать по болотам, нужно выбираться на твердую
дорогу. Она дана нам в Евангелии, которое может
привести душу к общению с живым Христом. Он
не покинул мир, а находится в нем. Только Он мо-
жет повести нас вверх. Только Его любовь может
излечить от последствий общения с туманом. Уже
то, что Вы увидели себя (и ужаснулись), показы-
вает, что Он продолжает в Вас Свою незримую
работу. Без этого обнажения корней ничего нельзя
продолжить. Увидеть себя порой горько, как это
случилось с Вами. Но, если Вы не измените вы-
бранному курсу, это поможет выбраться на следу-
ющую ступень. Он изгонит всю нечисть из глубин.
Недаром Он исцелял бесноватых. Все мы больны,
так или иначе, но Он наш Друг и наш Врач.

Себя не надо ненавидеть. Такая ненависть рож-
дается от скрытой гордости, лекарство от нее –

смижение. Смижение – это открытость сердца к его воле, открытость к другим людям. Освобождение от болезненной зацикленности на себе, от самости, от “ячестсва”. Нужна не ненависть к злу, а любовь ко Христу, к той Любви, Которая нас готова спасти. С ней придет и отвержение зла, но без самоотрицания, самопожирания. Эта внутренняя работа неотделима от практического служения, от отношения к людям (не они для меня, а я для них). Отвергни себя, – говорит Христос, – но не в смысле зачеркни, а в том смысле, чтобы отдача стала главной целью. Без этого по Его пути невозможно идти. Я буду молиться за Вас, чтобы Ваше просветление и исцеление шло успешнее. Главное – не поддавайтесь отчаянию, это грех неблагодарности. Он нашел Вас, вывел и теперь не бросит, если Вы сами Ему не измените. Вера и верность родные слова.

Простите за схематизм письма. Но иначе написать трудно.

До возможной встречи.

Ваш пр. А. М.».

Отец Александр так хотел, чтобы мы стали здоровыми, нормальными, не в смысле мирских понятий «нормы», а в смысле Божьего замысла о каждом из нас.

* * *

«Дорогая А.!

Вся альтернатива Ваша сейчас такова: если бы работа Вас полностью насыщала, то можно было бы оставить все как есть. Но остаются какие-то резервы души, которые мучают и не дают покоя.

Я имею в виду материнство, данное нам свыше. В том, чтобы иметь ребенка есть еще и иной смысл – служение человечку, который без Вас будет одинок. Ведь смысл нашей жизни в отдаче. Жить для себя невозможно, ненормально и греховно. Отдавать – наше призвание и единственный способ чувствовать себя полноценной. Трудности? А где и в чем их нет? Главное – не нагнетать. Противостояние Вашей депрессивно меланхолической натуре может быть только в вере и Духе. А раз так, нужно ее постоянно взращивать и укреплять. Средства Вы назвали сами. Во всем положитесь на Него. Это источник твердости и надежды. Без Него мы просто никчемные муравьи. Это нужно хорошо прочувствовать и понять.

Храни Вас Бог [подпись]».

(Дата на штемпеле конверта 13.6.81)

* * *

«Дорогая А.!

Дело, с которым я хотел к Вам обратиться пока терпит. Но о Вас я постоянно тревожусь. Тревожусь, потому, что Вы постоянно сползаете к ситуации неблагодарного существа. Оглянитесь на свою жизнь. Разве она не полна того, за что надо было бы благодарить день и ночь? Там виднее, нужно ли Вам прибавление семейства. Невозможно жить без “смирения”, то есть принятия воли Божией, явленной в обстоятельствах. То, что нужно – будет дано. А если не дано, значит – ничего бы не вышло путем. Так учит нас опыт бесчисленных судеб. Весь смысл не в том, чтобы иметь или

не иметь ребенка. Такой смысл только для прочих живых существ. А у нас есть вещи и поважнее. В ребенке можно познать и многое горя, и многое греха. Это подвиг, который не всякому по плечу. Смысл в том, чтобы быть человеком, христианкой. Каждый из нас апостол Евангелия. Апостол не словом, а делом. Вот на этом и сосредоточиться нужно. Вы скажете: трудно. А что легко? Но цель оправдывает трудности.

Храни Вас Бог.

Ваш [подпись]»

(Дата на штемпеле конверта 26.7.83)

Духовная школа о. Александра коренится в Евангелии и в учении св. Отцов. Он учил «покаянию благодарности», жажде очищения, жажде святости, тому, что судьба человека связана с реализацией его призвания от Бога.

Нельзя не обратить внимания на то, что о. Александр, полностью отдавший себя священническому служению, находил силы и время писать письма! Тысячи писем, написанные им, – это тоже подвиг (добрый Пастырь, которому дорога всякая душа), ведь за каждым письмом стоит и молитва о человеке, он молился о сотнях людей, живых и усопших.

И для своих прихожан, вынужденных покинуть СССР, о. Александр оставался духовным отцом до конца жизни, – принимая их исповеди (письменно), давая пастырские наставления в письмах (исходя из конкретных реалий: страны, среды, обстоятельств, – того жизненного контекста, в котором оказался человек), молясь о них, дружески поддерживаая и, насколько это было возможно, участвуя в их жизни.

Ниже мы помещаем пять писем о. Александра к его духовному сыну, крещенному им в 1967 г., Анатолию Ракузину⁶, эмигрировавшему в Израиль в 1974 г.

[1974 г.]

«Дорогой Толя!

Как всегда, был очень рад получить от Вас письмо. Вы правы, не влезая в теологические дебри. Не в них спасение. (Ведь и в Библии их нет!) Главное Вам хорошо известно: мы все свидетели и должны в себе восстановить того цельного человека, без которого так пусто в мире. Пусть все то новое: хорошее и трудное будет Вам богатством опыта, чтобы в работе все это в конце концов воплощалось. За теологов Вы не в ответе. Вы же – художник. Это поиск, форма богослужения (кроме, конечно, общей для всех работы по созиданию себя). Поклон Анри⁷ и всем.

Молюсь за Вас и мысленно всегда с Вами. От моих большой привет.

А.»

* * *

«4/III

Дорогой Толя!

Получил Ваше письмо с трагикомическим описанием нашей злополучной алии. Что же подлаешь? Ведь недаром есть пословица: каков в колыбельку, таков и в могилку. Редки те случаи,

---

⁶ См. «Самое главное, что он был...» Беседа с Анатолием Ракузиным. / «Христианос-XIX». Рига: ФиАМ, 2010. С. 354–367.

⁷ Поэт Анри Волохонский (1936–2017), живший в те годы в Израиле. (Прим. ред.)

наверно, когда перемена географическая сильно меняла суть человека. А людям так свойственно предаваться грезам и думать будто есть рай где-то на земле. Впрочем, для отъезжающих есть над чем серьезно подумать.

О себе мне писать почти-что нечего. Во внешнем плане все идет как обычно: по той модели, которая Вам хорошо известна. Служу, готовлюсь к посту, разбираю трудные и запутанные дела прихожан (как положено ребе). В то малое время, которое остается, работаю в своем лесном уединении, изучая древние дела: диврей ха-ямим⁸. За все это благодарю Бога, так как считаю, что настоящие события должны происходить не вовне. Сейчас изучаю апокалиптиков, а к весне доберусь до Кумрана. Все это нужно охватить с христианской точки зрения. Настоящее часто становится яснее в свете минувшего. Вам же дорогой мой, желаю успешно завершить этот период и прийти к концу с серией картин. Буду об этом молиться. Кто знает, что будет, когда кончится полоса войн, смут и трудностей? Быть может, мы еще увидим период более спокойный и даже увидим друг друга. Ведь в истории все нередко имеет волнообразный характер (как и в жизни). Вспоминайте о том, как мы в Москве проводили пост и постарайтесь укрепить себя.

Обнимаю Вас. Привет большой Соф. Ал. и всем друзьям.

Неизменно Ваш [подпись]».

---

⁸ Первая и Вторая книги Паралипоменон (Ветхий Завет).
(Прим. ред.)

* * *

«20/IV
Христос воскресе!

Дорогой Толя!

Спасибо за письмо от 3/IV. Мое – придет на-
верно уже на нашу восточную Пасху.

Две – минувшие мы здесь уже спрвили.

Вижу – подбираются уже к Вам важные жиз-
ненные перемены. Меня это не тревожит, так как
слишком откладывать их тоже рискованно. Чело-
век укрепляется в холостяцкой колее и труднее
приладиться друг к другу. Но, конечно, решаю-
щим здесь должны быть не подобные “хроноло-
гические” соображения, а ясное ощущение, что
это тот человек, с которым хорошо, и без которо-
го – плохо. Это есть первый симптом той священ-
ной и милой болезни, которая именуется ахава.

Что касается благословения на этот шаг, то
оно, разумеется, необходимо. А в принципе – без-
различно, кто это совершил: западный или вост-
очный служитель. Когда я писал Вам о важно-
сти сохранить “православное” наследие, я вовсе
не имел в виду юрисдикцию, “западная” для Вас
сейчас – самая естественная и законная. Ведь, на-
сколько я предполагал, и насколько смог убедить-
ся из писем восточная юрисдикция для егудим
не очень-то подходит, так что тут, по-моему, все
ясно. [...]

Когда же я писал Вам о православном духе, я
подразумевал под этим стиль, чисто-внутренний.
Я думаю, что со временем ноцрим у вас должны

жить на экуменической основе. Ведь и сами католики от латинства отходят. Речь уже идет о создании “своего” стиля. И здесь наш опыт (и опыт, следовательно, Вашей юности) будет не бесполезен. Он в чем-то ближе к подлинно-бблейскому. В западном опыте слишком силен элемент разделения на светское и священное. И светское претягивает. А восточный дух строится на том единстве жизни, которого требует Ветхий (и Новый) Завет. То “освящение жизни” в деталях, которое заложено и в Тору и в талм[уд]. Предание получило в восточной Церкви своеобразное развитие. Вы понимаете, что я имею в виду? Некую целостность, освящение всей жизни, даже ее “профаных” сторон. Не даром Мишна⁹ так похожа на наш Типикон, Устав. В Вашем письме я не прочел лишь о том, как подвигаются дела с живописью? Сколько написано? Как и что? Ведь время идет.

Хочу Вам написать об одном деле, но – потом. Сейчас – кончу. Только что вернулся из деревни. Сейчас – много народа и служб. Все пока прекрасно. День прошел мирно – и слава Богу.

Обнимаю, желаю радости. Шлю привет Вашей И.

Наташа, дети и друзья кланяются. Все помним о Вас и не ощущаем, что Вы – далеко. Бог даст придет наконец мирное время и все прояснится.

[Подпись]»

---

⁹ Мишна – уставно-канонический сборник иудаистской общины. (Прим. ред.)

* * *

«Дорогой Толя!

Думаю, что, когда мое письмо придет, можно будет уже поздравить Вашу жену и Вас с радостным событием. Каждый такой акт, даже в одной семье, имеет большое, пусть пока и незаметное значение. Это еще один ответ на призыв, когда человек, подобно патриархам говорит: “Вот я, Господи!”. Что-то происходит во внутреннем плане жизни и даже истории. Пусть многие этого не понимают и смотрят косо, но это важно и с внешней точки зрения. В будущем народ едва ли будет всецело ветхозаветным. Светский дух вытесняет традицию. Это неизбежно. Но люди не смогут всегда жить этим духом. Нужно будет новое более динамичное и живое. С внешней точки зрения это залог будущей связи с миром. Очень хорошо, что это было у св. Иакова¹⁰. Как бы зачаточен не был очаг, но он – единственный возможный для настоящего и будущего.

Надеюсь, Ваше предполагаемое путешествие будет Вам на пользу и укрепит творческие возможности. Вообще художнику нельзя без перспектив.

Все яснее представляю себе Ваши трудности. Но раз Вы справились вначале, значит остальное пойдет уже постепенно. Для Вас же, наверно,

---

¹⁰ В этом письме речь идет о крещении Инны, жены Анатолия Ракузина, состоявшемся «у св. Иакова» – это община евреев-христиан, созданная в 1955 г. в Иерусалиме и названная в честь Иакова, брата Господня, первого Иерусалимского епископа; она входит в Латинский Иерусалимский патриархат; богослужения в общине св. Иакова совершаются особым литургическим чином, на иврите. (Прим. ред.)

главное – выработать свой почерк и создать “имя”.
Мысленно и молитвенно всегда с Вами.

Мы с семьей наконец смогли побывать в Крыму.
Теперь снова предстоят труды, внешне однообразные, внутренне полные событий и динамики.

Остается – благодарить и работать, пока есть силы.

Еще раз поздравьте жену. Не забывайте. Мы все вас всегда помним.

Ваш [подпись]».

* * *

«Дорогой Толя!
Очень рад был вашему письму.

Многие друзья держали в руках Ваши проспекты, вспоминали, радовались за Вас. Все же, несмотря на все препятствия Вы стали тем, для чего были предназначены. Но большее, надеюсь – впереди.

Жаль, конечно, что Вам мало приходится работать по-настоящему, однако сейчас, с приездом родителей Инны, наверно будет больше времени.

М.б. Вам кто-нибудь уже сказал, что Елена Семеновна¹¹ умерла (15 на преп. Серафима). Я сам читал над ней отходную в момент ее смерти. Ее путь был чудесно целен и весь проходил под знаком Христа. Мы с братом многим ей обязаны. Теперь для нас новая веха (психологически). Хоронили ее при большом стечении народа. Многие ее любили.

О телевизоре я уже слышал¹². Посмеялся из своего прекрасного далека. После брошюры Ф. мож-

¹¹ Елена Семёновна Мень, мама о. Александра (*Прим. ред.*)

¹² По израильскому ТВ была передача, где говорилось, что Александр Мень обращает евреев. А. Ракузин написал об этом о. Александру. (*Прим. ред.*)

но было этого ждать. Но Вы правы – реклама, даже негативная имеет свой смысл. Жаль, конечно, что в мире так много фанатизма и узости (особенно у тех, кто сам пострадал от них), но таковы люди. Другого ждать не приходится. [...]

Все наши домашние шлют поклоны... Воспоминания и воспоминания.

Письма наводят на философское настроение.
Храни Вас Бог. [Подпись].

Как мы видим, эти письма убедительно свидетельствуют и об укорененности о. Александра в православной традиции, берущей свое начало в апостольском христианстве, и, одновременно, – об удивительной его широте и свободе, исходящих из абсолютного доверия к Богу.

* * *

Среди выбранных нами для публикации писем о. Александра есть и пример писем, также относящихся к направлению пастырско-попечительскому, но, в основном, к «врачеванию», хотя есть среди них и проповеднические, и касающиеся церковных проблем.

Фрагменты из писем к женщине, пережившей ленинградскую блокаду, лагерь, ссылку, и не имевшей возможности выехать в Ленинград или в Москву из далекой Караганды, и продолжавшей жить в очень тяжелых условиях – к Анне Сергеевне Иговской¹³ (Асе), по нашей условной классификации адресатов о. Александра представляющей собой группу «страждущих», предлагаем вниманию читателей.

---

¹³ «Промысл Божий всегда над нами». Письма прот. А. Меня к Анне Сергеевне Иговской. / «Христианос-XXIV». Рига: ФиАМ, 2015. С. 113–131.

«Дорогая Ася!

Когда трудно, вспомните, ощутите: “Господь меня любит. Я живу в лучах Его любви и ласки. Он не оставит.” В этом – все. Храни Вас Бог!».

* * *

«Дорогая Ася! Спасибо за то, что написали о себе. Всегда, следя за путями человеческими, видишь, что Бог зло обращает в добро и ведет. Вы нашли единственно верный путь – держаться за Господа и Его св. Чашу. Дай Бог, чтобы Вас понимали и не препятствовали. [...]»

Всегда помню о Вас.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.».

* * *

«Дорогая Ася! Хочу написать Вам в ответ два слова о блудном сыне. Я это чувствую так, что мы каждый раз, когда в чем-то отступаем от Него (внешне или внутренне), оказываемся в его положении. Но в его приходе к Отцу есть великная радость, радость встречи, узнавания, примирения, обретения. Ведь изменять можно и считая, что ты остался с Ним, с Отцом. Вы сами пишете: приношу покаяние. Это ведь и есть возвращение блудного сына. Постоянное возвращение.

Храни Вас Господь.

Ваш А. М.».

* * *

«Дорогая Ася! Поздравляю Вас с праздником Рождества. Будем молиться вместе, чтобы Господь и впредь не оставлял Вас. Он – наш единственный Утешитель и Отец. К Нему будем прибегать во всех напастях. И Он же пошлет силы терпеть “жало в плоть”.

Храни Вас Бог».

* * *

«Дорогая Ася! Я все понимаю и сопереживаю о Ваших искушениях. Но главное – не придавать им слишком большого значения. Считать плоть как бы “чужой” себе и не убиваться. Господь милостив, и если Он дает что-то потерпеть, значит так нужно. Может быть, если бы это отнялось – пришло бы худшее. Будем терпеть, как “жало в плоть”. [...]»

Храни Вас Бог.

Ваш пр. А. М.».

* * *

«Дорогая Ася!

Господь Вас не оставит. Он и в искушениях близок от нас...

...если враг нападает, помните о безграничной любви Создавшего нас. Он видит и знает, и проводит через скорби к свету.

Храни Вас Бог.

Ваш пр. А. М.».

* * *

«Дорогая Ася! Господь да поможет Вам в Ваших искушениях. Как жаль, что те, кто принимает у Вас исповедь, не понимают простых вещей. Это признак нашей церковной немоши и недостоинства. Но Господь поможет. Он, а не люди, прощает и разрешает. Мы же – только немощные Его служители. Буду молиться о Вас и о тех, о ком Вы пишете. [...]»

Храни Вас Господь.

Ваш prot. A. M.».

* * *

«Дорогая Ася!

Вчера был день рождения Верочки и позавчера – мамы. Мы молились на их могилках. И Вас вспоминали. Как отрадно, что долгие годы не разрушили связи, что не разрушила ее и телесная смерть. Жизнь похожа на поезд, катящийся под откос, а спасение в Господе, Который есть единая наша надежда, свет и радость».

* * *

«Дорогая Ася!

[...] Ведь человек не только обращается ко Христу, он должен *по Его воле* войти в Церковь. А что такое Церковь по замыслу Господа? Разве это просто место, куда приводят чужие люди, чтобы послушать полупонятное, причаститься и уйти? Нет, Ася дорогая, Церковь – это *община*, братство людей. Само слово “церковь” переводится с греч. языка как общение людей. А этого у нас сейчас нет.

Только немногие могут жить в вере без Общины. Те, у кого есть запас духовный, память о жизни в таком церковном общении или возможность самостоятельно жить вопреки окружающей среде. [...]

С любовью
Ваш прот. А. М.».

* * *

«Дорогая Ася!

Как грустно думать, что у Вас такие сложности с Причастием. Какое это глубокое заблуждение наших клириков и мирян. В Москве пока этот грех преодолевается понемногу. Ведь св. Отцы требовали, чтобы человек приобщался каждый раз, когда бывает за литургией. А недостоин он всегда. Св. Златоуст говорил, что мы недостойны, даже если идем к Чаше раз в году.

Молюсь за Вас. Храни Вас Бог.
А. М.».

* * *

«Дорогая Ася! [...]

Очень рад, что у Вас нашелся один настоящий священник (пишу так, потому что пастырь, не допускающий без причины до Чаши, не пастырь, а языческий жрец), который Вас приобщил. А искушения Ваши будут слабеть, если “примете” их, как неизбежный крест, с согласием.

В таких скорбях Господь всегда близок...

Чем бы Вас порадовать к празднику? Что прислать?

Мир Вам и Божие благословение.
Пр. А. М.».

* * *

«Дорогая Ася! Простите, что не всегда сразу отвечаю. Но помню Вас постоянно. Узы духа ненарушимы.

У нас уже выпадает снег. Идет осень. Но она всегда напоминает, что за сном смерти наступает воскресение и пробуждение. О том, что Промысл Божий всегда над нами. И всё будет хорошо. Это, как радуга в Ветхом Завете – в знак того, что все будет по воле Божией, т.е. ко благу. [...]

...как бы ни был враг силен, мы всегда знаем, что сила Божия его одолевает, если мы будем *уповать*.

Вот этого-то упования и Вам желаю.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.».

* * *

«Дорогая Ася! Чувствую издалека Ваши скорби и недуги. Но одно нам остается: хранить беззаветную верность Ему. Чем больше все облетает, тускнеет и рушится вокруг и в жизни, тем ярче свет Его.

Поминаю Вас молитвенно и верю, что Господь не даст Вам изнемочь.

Всегда Ваш
пр. А. М.».

* * *

«Дорогая Ася! Молюсь о том, чтобы борение Вас оставило, хотя все мы, имеющие Благодать, должны терпеть и искушения. Главное: Он нас

любит и принимает такими, как мы есть. Спаса-
емся Им, Его Крестом, а не праведностью своей...
Не падайте духом. Не грех силен, а Любовь Его...
“Жало в плоть” не отлучит нас от любви Христо-
вой. Чего же больше?

На днях пошлю Вам что-нибудь почитать, что-
бы была пища для души.

Храни Вас Господь. Спасибо, что молитесь и
помните.

Ваш пр. А. М.».

* * *

«Дорогая Ася! Приехал и получил Ваше пись-
мо. Дай Бог Вам сил жить среди искушений, не
теряя надежды на наше единое Упование.

...Но силен Тот, Кто побеждает и прощает на-
ши немощи. Жить с Ним – это радость. А все
остальное – темный дым, который рано или позд-
но будет развеян.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.».

Духовное руководство отца Александра было исце-
ляющим, потому что у него был дар передавать любовь
Божью, веру в милосердие Божье, – и это кардинально
меняло жизнь человека. Его отношение к людям можно
назвать служением милосердия и жертвенной любви.
Рядом с о. Александром каждый чувствовал себя лю-
бимым Божиим чадом.

Пастырское богословие писем о. Александра, – хри-
стоцентрично, как и его книги, и проповеди. Удиви-
тельна цельность его наследия! И духовничество его

продолжается, его письма «работают» по сей день – пищают, поддерживают, отвечают на мучительные вопросы, утешают, дают силы жить. Вдохновляют.

*Riga
Июнь 2020*

Алла Калмыкова

ИСТОРИЯ НЕОКОНЧЕННОГО ПОРТРЕТА

Отец Александр Мень:

Если люди развернутся к моей личности...
значит, я как священник
полностью потерпел фиаско.
Они должны развернуться к Богу...

Свидетельство П. Меня

Я не хочу, чтобы то, что мы делаем,
вырождалось в «меньство», –
это должно быть христианством.

Свидетельство Г. Зобина

Какое это весомое, ответственное слово – свидетельство! По Далю, свидетельство есть доказательство. Свидетель – самовидец дела, очевидец, бытчик, притомный (бывший при том, о чём речь). Два свидетеля неотводимых составляют полную улику (и в Библии так же: «При устах двух или трёх свидетелей будет твёрдо всякое слово». – 2 Кор 13:1). Свидетельствовать значит удостоверять, утверждать истину виденного.

Но когда бы в жизни всё было так! Вспомнился фильм Кurosавы «Расёмон» (1950), где об одном и том же произшествии каждый «самовидец» говорит по-своему, мешая правду и вымысел, так что установить истину нет никакой возможности. Даже монах приходит к пессимистическому выводу: всё вокруг – ложь.

Лишь решение дровосека, тоже причастного к тёмной истории, взять младенца-подкидыша в свою многодетную семью примиряет монаха с миром...

За тридцать лет, прошедших со дня мученической кончины отца Александра Меня, составилась целая библиотека посвящённых ему книг – личных свидетельств и не только. Это около тридцати изданий на русском языке (не считая статей о пастыре в сборниках более широкой тематики, в альманахах и периодике, а также книг на иностранных языках). Сделать обзор русскоязычных книг, не говоря уже об углублённом анализе, – задача для крепкой команды профессионалов. И всё-таки пришла пора как-то упорядочить этот материал, как мы наводим порой порядок в своём книжном шкафу. Ведь с годами всё заметнее редеет земной и всё многочисленнее становится небесный приход отца Александра. Иные его ученики, друзья и, как он сам их называл, соратники, много потрудившиеся, чтобы продолжить дело духовного отца и сохранить для будущего его наследие, ушли от нас. Отец Георгий Чистяков, Екатерина Гениева, Зоя Масленикова, Наталья Трауберг, Владимир Файнберг, Леонид Василенко (список неполон)... Все они оставили свои свидетельства об отце Александре, все были связаны с книгоизданием и писательским трудом, а потому могли бы стать авторитетными экспертами в критической оценке книг, посвящённых пастырю. К счастью, живут и здравствуют не менее достойные люди из ближайшего окружения отца Александра, которые могли бы взяться за этот совместный труд. Но нужно же с чего-то начинать. Разумеется, у меня нет права судить о степени достоверности лич-

ных свидетельств, нет возможности в рамках статьи полноценно отрецензировать каждую книгу. Выскажу лишь своё, как теперь говорят, оценочное суждение о некоторых из них, а насколько оно окажется объективным, решать не мне. Но прежде – небольшой экскурс в начало 1990-х годов. Сегодня мало кто знает, с какими проблемами сталкивались первопроходцы, взявшиеся за неслыханное дело – издание христианской литературы в постсоветской России и в странах бывшего СССР.

По поручению и вдохновению

Когда прошёл первый шок после гибели отца Александра, его прихожане заговорили о том, что нужно безотлагательно начать сбор воспоминаний, дневниковых и магнитофонных записей, фотографий, самиздатских текстов – всего, что будет свидетельствовать о масштабе его личности и служения. Но прежде всего, конечно, необходимо было издать труды самого пастыря, при его жизни печатавшиеся под псевдонимами за рубежом (что грозило автору тюремным сроком). Казалось бы, Перестройка открыла возможности для публикаций на родине, однако советская система планового подцензурного книгоиздания уже рушилась, а новая, рыночная, ещё не сложилась. О том, какого рода проблемы возникали тогда, я попросила рассказать Михаила Работягу, духовного сына отца Александра Мена.

«Года за полтора до трагических событий батюшка выделил группу для ведения разнообразных бумаг, необходимых при контактах прихода со светскими учреждениями. В неё вошли помимо меня Анастасия Андреева и Володя Юликов как уже специализирующийся

по документам. Планировались издание книг, журналов, проведение лекций и вечеров. Опыт, небольшой и узкий, у меня был: я работал секретарём Всесоюзного научного семинара по вопросам автомобильных дорог и выпускал сборники трудов, что требовало моего участия в типографских делах.

Посмотрев типовые договоры по изданию книг в СССР, я пришёл в ужас. Они лишали автора права влиять на решение вопросов о тираже, о возможности переиздания, об оформлении книги; издательство могло редактировать авторский текст по своему усмотрению и т.д. А батюшка уже успел подписать несколько таких договоров. С этой типовой катастрофой для будущего его книг можно и нужно было побороться! Пришлось придумать хитрую систему переписки с издательствами, и долгосрочные кабальные договоры удалось рассторгнуть... из-за невыполнения издателями некоторых пунктов.

Мне было интересно разрабатывать свои варианты договоров, и новые возможности – о чудо! – вскоре стали открываться. Как эту ситуацию заранее углядел отец Александр, который стал меня нацеливать на новые задачи, мне неведомо. Но его усилия оказались очень востребованными, когда мне пришлось помогать Солженицыну в составлении издательских договоров и взаимодействии с типографиями.

Конечно, мне очень повезло, что батюшка подготовил меня к такой работе, обнаружив во мне боевой дух, умение писать бумаги чиновникам и ходить с ними биться в суд, чему в приходе удивлялись. Сам отец Александр в шутку называл меня “чиновникодавом”...

Без боевого духа было не обойтись: мы столкнулись с очевидным воровством произведений отца Александра разными издательствами и журналами уже в 1990 году. Так, книга “Таинство, Слово и Образ” вышла в СССР без всякого договора, автору просто сообщили об этом; договор же был заключён только после убийства священника.

Для ведения дел я имел все полномочия – ещё при отце Александре стал директором московского отделения общества “Культурное возрождение”, которое имело необходимые для деятельности (в том числе издательской) документы, счёт в банке, печать и логотип; потом добавилась доверенность от вдовы. Это было поручение протоиерея Александра Меня – подготовка правовых возможностей конкретной работы, и мы с Анастасией Андреевой это выполнили (хотя поданные в Октябрьский райисполком документы два раза были “утеряны” и только с третьего раза, и то благодаря знакомству с Ильёй Заславским, прошли регистрацию)...»

Ещё одно свидетельство о том, в какой обстановке начинали издательскую деятельность прихожане Александра Меня, пришло из Риги, от его духовной дочери Наталии Большаковой, – главного редактора альманаха «Христианос».

«После убийства отца Александра, когда земля уходила из-под ног, сквозь горе и слабость я чувствовала, что ведома: кто-то принёс в сознание мысль о том, что надо в Риге зарегистрировать организацию, чтобы иметь возможность издавать альманах, задуманный вместе с о. Александром, его книги (которые уже были в наборе в типографии в Риге к тому времени); проводить публичные встречи, ему посвящённые, и проч.

Я спорила с этими мыслями, вела с ними диалог, говоря, что я ничего не могу, у меня нет ни опыта, ни средств, ни людей, и без отца Александра – как это можно себе представить?..

Но 8 сентября 1990 года, накануне убийства, я получила от отца Александра почти приказ: “Ну, спать вы, конечно, перестанете, но делать это надо!” Имел в виду он и взрослый, и детский альманах – только один номер которого (с его предисловием, написанным летом 1990) нам удалось сделать в 1991 году. “Отчий Дом” – так мы его называли – мне очень нравится до сих пор, я даже его в этом году использовала, занимаясь с детьми в воскресной школе. Художественное оформление номера, включающее в себя рисунки, живопись и графику, было полностью сделано детьми, в том числе, и обложка.

Так вот, оставшись с этим почти приказом, я не могла отбросить всё то, что мы с отцом Александром обсуждали. В октябре мы начали готовить бумаги, чтобы зарегистрировать в Риге общественную организацию ФиАМ – Благотворительный Фонд имени Александра Меня, и вопреки всем ожиданиям – ещё в СССР! – зарегистрировали её. Произошло это в декабре 1990 года. [...] Это общественная, неполитическая, некоммерческая организация, в уставе которой была зафиксирована издательская, просветительская деятельность. К счастью, в 1990 году отменили Главлит (цензуру – А. К.), который должен был давать разрешение на каждое издание (религиозную литературу они не пропускали). А в независимые времена в Регистр общественных организаций Латвии был внесён Международный Благотворительный Фонд им. А. Меня (поскольку мы проводили

международные конференции, они сами присвоили нам такой статус).

Но первая наша книжка (об этом я говорила на вечере памяти отца Александра в Москве 22.01.2020) и первая книжка его, вышедшая не на Западе, а на родине, как он хотел, была подготовлена к печати нами, но издана в Минске Литературно-издательским агентством “Эридан”¹. Ибо после многочасового обыска (ноябрь 1990) со взломом квартиры, с изъятием рукописей, писем о. Александра, многими последовавшими за этим допросами, слежкой за нами, прослушиванием телефона и т.д. мы не решились издавать “Смертию смерть поправ” в Риге, т.к. набор двух книг отца Александра – “Таинство, Слово и Образ” и “Сына Человеческого” в рижской типографии после визита московских “гостей”, был рассыпан.

Как для альманаха и книжных изданий, так и для публичной деятельности мы определили главные задачи, которые поставил отец Александр, и он сам в своём служении им же следовал: просвещение, евангелизация, объединение христиан, преодоление разделения. Так он говорил...»

Замечу, что и небольшую книжку отца Александра «Мир Библии» (М.: Книжная палата, 1990), вышедшую на родине благодаря инициативе физика Александра Белавина, тоже называют первой.

---

¹ «Сборник различных по жанру работ отца Александра... вышел через два (три – А. К.) месяца после его смерти». – *Предеин Д., прот.* Протоиерей Александр Мень как выдающийся православный катехизатор и миссионер второй половины XX века. – Одесса: Астропринт, 2015. С. 89. Имеется в виду сб. «Смертию смерть поправ».

В 1992 году правообладатели – члены семьи пастыря учредили в Москве Фонд имени Александра Меня, чья издательская и просветительская деятельность успешно продолжается по сей день под руководством брата священника – Павла Вольфовича Меня.

Весной 1991 года в маленькой московской квартире начала работу ещё одна издательская группа. Священник-доминиканец Александр Хмельницкий стал учредителем христианского журнала «Истина и Жизнь», Владимир Юликов – директором одноимённого издательства, а вскоре и типографии. Качество печати в государственных типографиях оставляло тогда желать лучшего, сроки нарушались, заказанную бумагу подменяли худшей (попросту говоря, крали). Появление своей полиграфической базы было равносильно чуду, хотя стоило немалых организаторских усилий. Печатные станки, списанные, но в хорошем состоянии, прислали христиане из Католического рабочего движения Германии.

В редакции работали вместе православные, католики, протестант; долгие годы нам оказывали финансовую поддержку христиане из Франции, объединённые неутомимой Жанной-Марией Гийом в Общество любителей журнала «Истина и Жизнь». Мы разделяли убеждённость отца Александра Меня в необходимости сближения конфессий для совместной работы по духовному просвещению отравленной атеизмом России. На страницах журнала каждый год появлялись новые материалы из наследия убитого пастыря, в типографии печатались его книги и другая христианская литература; среди авторов журнала было много его духовных детей. На первых порах случались финансовые трудности,

и редакция выходила на работу в типографию, осваивала клеевую машину, обрезку, сшивание скрепкой и другие виды работ.

Боюсь, что не смогу перечислить всех, кто включился в дело, порученное отцом Александром. Так, Екатерина Гениева развернула издательскую работу в Библиотеке иностранной литературы, которую возглавила по благословению духовного отца. Марина Журинская с 1994 г. начала издавать православный журнал «Альфа и Омега». Ее смерть в 2013 г. оборвала и жизнь этого прекрасного журнала. Ольга Неве взяла на себя задачу знакомить русского читателя с западной христианской классикой, издала, среди прочего, 8-томник К. Льюиса, учредила издательство «Дом надежды». Нора Лихачёва занялась детским журналом «С нами Бог», Марианна Вехова – альманахом для подростков. Владимир Ерохин издавал альманах «*Laterna magica*», где печатал доступные прежде лишь в самиздате тексты отца Александра, митрополита Сурожского Антония и многих других авторов, а позже открыл издательство «Волшебный фонарь». Карина и Андрей Черняки, руководившие молодёжной общиной, с 2000 г. по 2016 г. издавали журнал для юношества «Дорога вместе», выпустили ряд книг. Наталия Большакова-Минченко и Василий Минченко с 1991 г. и по сей день выпускают альманах «Христианос» – единственный, сохранившийся из всего разнообразия христианской периодики, семена которой посеял о. Александр; издают книги...

Важно подчеркнуть: все «первопечатники» были вдохновлены и благословлены отцом Александром Менем. Сейчас, с расстояния в три десятка лет, со всей очевидностью можно говорить о том, что его смерть

дала мощный импульс христианской издательской деятельности, державшейся порой на одном энтузиазме – и помохи свыше. Взрыв этот пришёлся именно на 1991–1992-й годы, когда в постсоветских странах ощущался острейший духовный голод, а религиозной литературы ни на прилавках, ни под прилавками не было – да и быть не могло.

Первые ласточки

Вернёмся теперь к заявленной теме этих заметок – книгам об отце Александре Мене.

Понятно, что первыми ласточками могли стать и стали коллективные труды. Подробно познакомиться с каждым в рамках статьи мы не сможем, поговорим лишь о некоторых. Уже в 1991 году, к первой годовщине гибели, выходит «*Aequinoх*» (M.: Carte Blanche) – сборник, составленный по принципу академических изданий такого рода: первая его часть содержит научные статьи на темы, отражающие круг интересов того, чьей памяти сборник посвящён; вторая часть – мемориальная. Самим подбором статей первой части составителям удалось отразить широту кругозора отца Александра, которому были бы интересны и эсхатологические представления старообрядцев, и духовная поэзия св. Франциска, и эллинистические влияния у евангелиста Луки, и фрагмент Синайского патерика в переводе Ольги Седаковой, и основательное исследование Владимира Топорова о еврейско-русских связях. Во вторую часть сборника вошли материалы из наследия отца Александра, биографическая статья о нём, личные воспоминания и библиография его трудов, подготовленная Я. Кро-

товым. В том же 1991 году сборник «**Памяти протоиерея Александра Меня**» выпускает издательство «Рудомино».

В самом начале 1992 г. уходит в печать сборник «**И было утро...**» (М.: АО «Вита-Центр»). В редакционную коллегию вошли вдова отца Александра Н. Ф. Григоренко-Мень и его брат П. В. Мень, поэт Т. А. Жирмунская и М. В. Сергеева. В сборнике были впервые опубликованы отрывки из записок В. Я. Василевской «Катакомбы XX века» и воспоминания Е. С. Мень – живые свидетельства о гонениях на Церковь в сталинское время. Тетя и мать будущего священника передали маленькому Алику и его брату свою веру, которую черпали из незамутнённого источника. Простота и целомудрие интонации, ясность мысли и слога, ни малейших притязаний на утончённую духовность, полное доверие своим пастырям, в трудные времена учившим сестёр: «Держитесь за ризу Христову!»... Эти записки, изданные позже отдельной книгой, – настоящий кладезь для будущих биографов отца Александра. Так, в воззрениях одного из наставников сестёр отца Петра Шипкова (бывшего секретаря патриарха Тихона) мы находим и экуменизм – в том его понимании, которое передавал своей пастве отец Александр, и открытость к науке и искусству как проявлениям творческого начала в человеке, его богоподобия. Комментарий отца Александра к книге Веры Яковлевны – краткий очерк истории катакомбной Церкви вводит воспоминания в драматический контекст российской церковной истории XX века.

Тогда, в 90-е, не думалось, а теперь кажется очевидным, что свидетельство о начальных годах пастыря,

о его семье чрезвычайно важно в агиографическом смысле. И в Библии, и в житийной литературе явление праведника, пророка, святого традиционно предваряет история его рода, рассказ о воспитавших его благочестивых родителях. В русской агиографии, к сожалению, это стало каноническим штампом. Сегодня церковный мир нуждается в обратном: не в сотворении мифов, а в избавлении от них. Когда придёт время канонизации священномученика Александра Меня, воспоминания его матери и тёти должны быть приобщены к «досье» в качестве документа: «...двух человек свидетельство истинно» (Ин 8:17).

Во второй части сборника помещены свидетельства о батюшке его прихожан. Это не только попытка «остановить мгновение» счастья и наполненности, которые переживали все, кто общался с отцом Александром. Это – опыт создания коллективного портрета священника, в переломное для страны время вышедшего на открытую проповедь Христа и убитого за неё.

«Осознавая недостаточность всякого личного опыта», тем более – в обществе, патологически склонном к идолопоклонству, языковед и журналист М. Журинская призывает к трезвости и ответственности всех, кто будет в дальнейшем писать о пастыре. «...Нет большего глумления над памятью отца Александра Меня, чем включение в число кумиров его самого...» – с этим согласился бы и он сам (см. эпиграфы к статье). Автор развенчивает мифы, которые ещё при жизни начали складываться вокруг имени Меня: пастырь диссидентов, пастырь интеллигентов, духовный отец такого-то... (следует имя знаменитости), священник для евреев и т.д. Каждое из этих определений, если и имеет под собой

некоторое основание, резко ограничивает масштаб личности и миссии отца Александра, наклеивает на него трудно смыываемый ярлык. Увы, для недоброжелателей пастыря это предостережение не значило ровно ничего: мифы надолго укоренились в консервативно-охранительных, антисемитски настроенных церковных кругах, плодя новые измышления и злобу.

Среди двенадцати авторов этого раздела четверо – профессиональные писатели, остальные – люди гуманитарных профессий. Работая со словом, они, как правило, цепко запоминают слова и фразы, ход мысли собеседника, многие ведут записные книжки, дневники. Им можно доверять, особенно когда словесный портрет, созданный одним автором, похож на тот, что вышел из-под пера другого. Так, несколько беллетристизированные воспоминания писателя В. Файнберга о дружбе и путешествиях с отцом Александром (впоследствии они не раз переиздавались в книгах прозаика) перекликаются с текстом психотерапевта и писателя В. Леви. Облик батюшки, манера его речи, юмор переданы достоверно, портреты схожи, несмотря на разные жанры повествований. В. Леви, знакомство с которым, перенесшее в дружбу и сотрудничество, инициировал сам отец Александр, вспоминает о первой встрече – и отступает в тень, давая слово самому батюшке, его письмам. Драгоценная подробность: автор делает сокращения в тексте там, где отец Александр говорит о нём и его книгах, – из «стыда недостойности». А письма хочется цитировать, как хочется слушать вновь и вновь живой голос батюшки: «Если писателю скажут, что он единственный – это его триумф, а для нас – катастрофа. Мы рядовые, живущие присягой»...

В третьей части книги – тексты людей, не имевших возможности близко общаться с пастырем; за исключением Сергея Аверинцева, они граждане иных государств или живут вне России. Важным представляется очерк публициста Андрея Бессмертного-Анзимирова, в котором он рассматривает мотивы критики отца Александра, раздававшейся с разных сторон, причины ненависти к нему со стороны КГБ и определённых церковных групп, а также характерные особенности его проповеди и служения. Текст этот можно рассматривать как предварительный набросок будущих монографий, посвящённых пастырю. А завершить обзор этого сборника хочется пророческими словами писателя Фазиля Искандера: «Он был светом нашей Родины и для нашей Родины. И его за этот свет убили. Какой силы свет, нам ещё предстоит узнать и понять по-настоящему. Будущее покажет. А если вновь мрак накроет нашу страну, то мы уже будем знать: откуда пришёл мрак, оттуда шло и это убийство».

Составители сборника **«Вокруг имени отца Александра»** (М.: Общество «Культурное возрождение», 1993) А. Зорин и В. Илюшенко поставили перед собой совсем иную задачу – «развеять некоторые злоказственные мифы, клубящиеся вокруг имениprotoиерея Александра Меня». Историк В. Илюшенко в предисловии к сборнику называет группы людей разных, порой диаметрально противоположных взглядов, которые сошлись на ненависти к отцу Александру, породив ядовитое «облако клеветы, лжи, диких суеверий и рукотворных мифов». Атакуя пастыря, они не брезговали жанрами «донесов, анонимных писем, газетных пасквилий». Авторы, представленные в сборнике, защища-

ют имя отца Александра и опровергают клеветнические измышления, направленные против него.

В последующие годы сборники уступили место книгам иного рода – о них речь пойдёт ниже. Однако в 2010 году, к 75-летию со дня рождения и 20-летию со дня гибели пастыря, Центр книги ВГБИЛ имени М. И. Рудомино вновь издаёт сборник – «**Двадцать лет без отца Александра. И с ним**». В конце книги помещена обширная, занимающая 35 страниц (и, тем не менее, выборочная) библиография прижизненных и посмертных публикаций трудов отца Александра, а также литературы о его жизни и деятельности. Этот свод поражает и говорит сам за себя: брошенное служителем Христовым семя, его жертва дали обильные всходы.

Екатерина Гениева, которой принадлежит идея сборника, в предисловии к нему рассказывает (на примере «Иностраники», куда прозорливо «командировал» её отец Александр), что «без него никогда бы не появился в структуре Библиотеки Отдел религиозной литературы, которым в течение долгих лет, вплоть до своей кончины, руководил его ученик и последователь священник Георгий Чистяков».

В Библиотеке, начиная с 1991 года и по 2020-й ежегодно проходят конференции и вечера памяти пастыря, которые собирают полные залы. «Сам отец Александр, – пишет Екатерина Гениева, – превратился в своеобразную точку отсчёта, которую каждый из нас может найти... и определить вектор своего жизненного пути и своё кредо». Очень точные слова: батюшка видел не просто природные дарования своих прихожан, но их потенциальное призвание как учеников Христовых и

отправлял их не «в келью под елью», но в мир. Некоторые из них оставляли прежнюю профессию или начинали видеть её под новым углом зрения, и их личности ярко раскрывались в христианском служении – не только в рамках церковной общины, но там, где они жили и работали. И не напрасно отец Александр придавал такое значение издательской деятельности: после гибели он стал «отправной точкой» для немалого числа людей благодаря книгам – книгам его и о нём. Самый живой для меня пример – режиссёр харьковского Театра детей «Тимур» Василий Сидин и его жена Елена: их служение детям выросло из книг и статей пастыря (см. статью о В. Сидине в XXVIII выпуске альманаха «Христианос»).

В сборнике «Двадцать лет...» представлены как уже известные биографические материалы и статьи о пастыре, так и тексты, осмысляющие его значение в новой реальности. В интервью протоиерея Александра Борисова Е. Б. Рашковскому звучит мысль о том, что «Присутствие отца Александра Меня не только выдержало проверку временем, но и продолжает возрастать», поскольку позиция его была «чисто христианской и церковной, свободной от всякого рода... идеологических примесей». Именно это обусловило актуальность его духовного послания России и, шире, человечеству.

Чрезвычайно важным в этой связи представляется философское эссе Е. Рашковского «Отец Александр Мень и отец Георгий Чистяков: священнические труды в российском интерьере». Размышляя о духовном облике пастырей, связанных дружбой учителя с учеником и преемственностью служения, в контексте развития русской религиозно-философской мысли, автор прихо-

дит к выводу, что они «выступили в позднесоветской и постсоветской истории как носители... загадочной, но такой насущной харизмы – харизмы единства благоговения, познания и свободы. За что и были так любимы и так ненавидимы в современной им России...». Одним из важнейших уроков – «вселенских, кафолических» – обоих священников Е. Рашковский называет «духовное и человеческое (воистину – Богочеловеческое!) противостояние ожесточению и отчуждению», раздирающим мир и души людей, и «их преодоление в перспективе Царства Божия».

Сравнивая первые сборники статей об отце Александре и этот, вышедший через 20 лет после его гибели, можно сделать вывод: хотя период накопления биографического материала и свидетельств нельзя считать завершённым, пришло время аналитики, глубокого богословского осмысления миссии пастыря и его творческого наследия.

Ещё через пять лет выходит сборник **«На пороге бессмертия. Последние встречи с отцом Александром Менем. Свидетельства»** (М.: Центр книги им. М. В. Рудомино, 2015). Издатели подготовили его к очередной юбилейной дате, но это лишь внешний повод. Потребовалось время, чтобы свидетели последних земных дней отца Александра решились, преодолевая боль потери, прикоснуться к самому сокровенному, открыть для других сказанное батюшкой во время исповеди, в беседе с глазу на глаз. Но ведь свидетельство не принадлежит очевидцу, оно призвано свидетельствовать о славе Божьей; согласно Откровению Иоанна Богослова, нам дано побеждать клеветника сатану «кровию Агнца и словом свидетельства своего» (Откр 12:11).

И когда свидетельства о последних днях, последних словах пастыря были собраны вместе, они приобрели многократно умноженную силу неоспоримой истины: отец Александр знал о предстоящей мученической смерти и не уклонился от неё; он предупредил своих духовных детей об этом испытании их веры; стоя на пороге вечности, он дал поручение каждому из учеников продолжать его дело. Он делал всё так, как делал Христос.

«Естественное кончилось. Исчерпало себя, – сказал батюшка за несколько дней до гибели Е. Ращковскому. – Будем надеяться на сверхъестественное». И далее автор свидетельствует: «...*сверхъестественное* его попечение, его нравственная поддержка – продолжаются». «С возвращением, отец Александр!» – назвала своё предисловие к сборнику Е. Гениева. Об этом возвращении – многогранном, явленном в мистическом опыте его духовных детей, в миллионных тиражах его книг, в развитии различных направлений начатого им христианского служения, в медленном, но очевидном изменении отношения к нему в Православной Церкви свидетельствуют авторы этого сборника.

От жён-мироносиц

Обзор литературы об отце Александре можно было построить по хронологическому принципу, но при этом неизбежно возник бы некий сумбур. Авторы книг – люди разной степени близости к пастырю, разного жизненного и церковного опыта, разного психоэмоционального склада и разного «духовного возраста». Во избежание «американских горок» я выбрала жанровый

принцип, а начать хочу с книг о батюшке, написанных женщинами. Это не имеет никакого отношения к модному нынче феминистскому тренду, но зато соотносится с евангельской историей: первыми ко гробу Учителя пришли жёны-мироносицы. Более тонкое душевное устроение делало их «первыми в вере», и там, где апостолы сомневались или недоумевали, Марфа исповедовала: «Верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир» (Ин 11:27). И не женщины ли подвели маленького Алика Меня ко Христу и бережно передали в руки духовных наставников? Не случайно отец Серафим (Батюков) сказал Вере Яковлевне: «У них (Алика и Павла – А. К.) на душе должен остаться ваш внутренний облик...». В случае с духовными дочерьми отца Александра произошло обратное: у них на душах остался внутренний облик их пастыря.

В 2000 году рижский Фонд имени Александра Меня (ФиАМ) выпустил книгу **Софии Руковой «Отец Александр Мень»**. Всего 60 страниц, но, по слову поэта, – «этая книжка небольшая томов премногих тяжелей». И вот почему.

Более тринадцати лет С. Рукова помогала своему духовному отцу: была регентом хора, фотографировала (ксерокс был недоступен) материалы для будущего Библиологического словаря, занималась катехизацией детей. И накануне гибели, 8 сентября 1990 года, батюшка как бы «закрепил» свое благословение словами: «Соня, идите к детям!».

Через год, осенью 1991 г. София Рукова закончила книгу об о. Александре, и отдала свой рукописный оригинал Наталии Большаковой. Их совместными усилиями и вышла в свет эта книга, адресованная детям.

Текста совсем немного, и он очень прост, зато много фотографий, часть из которых сделана автором. Выше была упомянута агиография – жанр жизнеописания святых, и именно эта книга, хотя и сохраняет черты личного свидетельства, как нельзя лучше соответствует житийному жанру, очищенному, однако, от фольклорных, легендарных наслоений.

В книге три части, каждая делится на короткие подглавки. 1-я – «От рождения до изгнания» – рассказывает о детстве и годах ученичества, завершаясь исключением из института (как бы предвестием будущих гонений); 2-я – о пастырском служении, его особенностях и нарастании гонений; 3-я часть – «Его крест» – о пути на Голгофу. Последняя подглавка названа «О святости». План книги выстроен как путь подражания Христу и следования за Ним вплоть до восхождения на Голгофу. Конкретные жизненные обстоятельства, личные суждения и переживания автора – та «близкая оптика», что придаёт тексту живое тепло, казалось бы, должна мешать объективности повествования. Однако этого не происходит, поскольку каждое такое погружение в поток жизни автор объективирует, приводя очень точно подобранную цитату из Священного Писания. Так же безошибочно выбрана и фотография отца Александра для обложки, сделанная Софией Руковой: на ней нет случайной, «отражённой» мимики, лицо исполнено покоя и вёдения, и взгляд – словно «оттуда»: «как души смотрят с высоты...» (Ф. Тютчев). На 4-й стороне обложки – слова автора, подтверждающие это впечатление: «Для меня отец Александр навсегда останется... «айсбергом», большая и невидимая часть которого скрыта не под водой, а в небесах».

Тот же ФиАМ в 2004 году издал книгу **Светланы Домбровской «Пастырь. Повесть об отце Александре Мене»**. Жанр обозначен автором в подзаголовке: это меньше чем роман, но больше чем рассказ; это беллетристика – художественное, а не строго документальное изложение событий. Сюжет обычно строится вокруг главного героя, чья личность раскрывается по ходу повествования. Часто в основу повести ложатся реальные события, хотя автор оставляет за собой право свободно обращаться с материалом, решая художественные задачи. Не припомню, слышала ли когда-нибудь критику в адрес этой книги. Но если она и была, то, возможно, возникала именно от недопонимания особенностей жанра, чётко обозначенного автором. Ведь даже иллюстрации к повести – двоякого рода: фотографии (документы) перемежаются рисунками художницы Лилии Ратнер.

Повествование тоже складывается из двух тесно переплетённых линий: это рассказ об отце Александре и одновременно о внутренней трансформации автора. Со свойственным батюшке юмором он уместил историю взаимоотношений со своей «трудной» прихожанкой в две короткие фразы: «Она из разбойников... А я хочу сделать из неё святую». Собственно, с таким намерением он подходил к каждому из своих духовных чад.

Автор не скрывает ни своего взрывного характера, ни опрометчивых поступков, ни определённой зависимости от внимания пастыря, с чем он мягко и неуклонно борется. Переехав из Вильнюса в Пушкино, Светлана учится не опираться на духовного отца, а стоять на собственных ногах, используя внутренние ресурсы, которые даёт человеку вера. Вскоре она становится

помощницей батюшки: перепечатывает христианский самиздат и статьи Библиологического словаря, записывает на диктофон проповеди, после богослужений принимает в своей квартире прихожан новодеревенского храма, чтобы те имели возможность поговорить с батюшкой вне церкви. Есть в книге и их портреты, далеко не благостные. Это лишь подчёркивает, с каким трудным «материалом» приходилось работать отцу Александру, как много сил вкладывал он в эту педагогику. По сути это и есть стержневой сюжет повести С. Домбровской.

Совсем иного рода книга **Нины Фортунатовой «Мой огненный Ангел»** (М.: Дом надежды, 2009). Автор воспоминаний – из семьи «религиозников»: так называли людей, попавших при Сталине в лагеря и ссылки за «религиозную пропаганду», т.е. за то, что открыто исповедовали свою веру, ходили в храмы, «жили среди икон и святынь», общались со священниками. Каждая страница этой книги – лица, глядящие с фотографий, и имена, имена… Нет, не одни только старушки наполняли церкви в советское время: были среди верующих и люди среднего возраста, и молодёжь. Нельзя не удивляться памятливости автора на людей и события, а главное – её доброжелательности ко всем, о ком она пишет. Видимо, причиной тому – впитанная с младенчества, естественная, как дыхание, вера, интеллигентность старой профессорской семьи, круг верующей молодёжи, занятия музыкой.

Отца Александра Нина увидела впервые ещё ребёнком, школьницей ездила к нему на службы в Тарасовку, затем в Новую Деревню, а в 1989 году стала регентом хора в Сретенской церкви. Зная из семейных рассказов,

как жили общины у Соломенной сторожки и на Маросейке, куда входили её родители, Н. Фортунатова отмечает, что создание отцом Александром евангельских групп было продолжением опыта отцов Алексея и Сергея Мечёвых, Василия Надеждина, Владимира Амбарцумова, ныне прославленных Церковью. Её рассказ о жизни малых групп и внимании, которое уделял им отец Александр, – ценное дополнение к тому, что было написано об этом раньше. В конце книги воспроизведены факсимиле писем отца Александра к автору, дающие представление о стиле его духовного руководства.

Книга *Аriadны Ардашниковой «Об отце Александре Мене»* (М.: Храм свв. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине, 2017) – исповедь человека творческого (архитектора и художницы по первой профессии, актрисы по второй). Автор откровенно говорит о своём эгоцентризме, высокомерии, обидчивости – в общем-то, обычном наборе качеств одарённых людей, избавляясь от которых с великим терпением учил своих «гениев» отец Александр. И если начальный церковный опыт автора был не лишён некоторой театральности, то по мере приближения ко Христу внешнее уступало место внутреннему. «Главное в творчестве – созидание духа», – приводит автор слова отца Александра и продолжает: «...Служить Господу и на этом, измученном грехами, месте; не на словах согласиться, что талант в тебе от Бога, а пережить это в опыте внутренней жизни... смиренно доверить Ему осуществление Его замысла о тебе, – на это уходят годы!»

Привычка к рефлексии, сосредоточенности на себе действительно растянула духовный кризис автора на годы. Ариадна уходит из театра, но продолжает

выступать с моноспектаклями по произведениям русских писателей и поэтов; сыграв последний из них – «Сын Человеческий» по книгам отца Александра, она расстаётся со сценой окончательно. Первое время после гибели пастыря, считая своим долгом рассказывать о нём, она проводит вечера его памяти, ездит по России, странам бывшего Союза, выступает за рубежом, пишет статьи, даёт интервью. Её свидетельство о духовном отце исполнено радости, но почему это причиняет боль близким пастыря?

Последняя глава книги – мужественный акт покаяния. После разговора с Павлом Менем Ариадна переживает «ужас своего беспчувствия и бес tactности свидетельств своих, на которые не имела права, потому что у меня не было той любви, которая это право даёт... Я перестала писать об отце Александре и перестала выступать на вечерах». Сосредоточилась на приходской работе, творческий потенциал нашёл выход в живописи, в работе над мемуарами.

Книга А. Ардашниковой – ещё одно свидетельство о добрых плодах пастырского служения отца Александра.

Испытанные временем

В сентябре 1994 года в Библиотеке иностранной литературы проходила ежегодная международная конференция памяти отца Александра Меня. На ней была представлена только что вышедшая в свет книга **Ива Амана «Александр Мень – свидетель своего времени»** (М.: Рудомино, 1994) – первая биография пастыря, быстро приобретшая популярность и выдержавшая шесть переизданий в России, не считая переводов на

другие языки. Переиздавалась она и под другими названиями: «**Отец Александр Мень – Христов свидетель в наше время**»; «**Отец Александр Мень: “Люди ждут Слова...”**»

Ив Аман познакомился с отцом Александром в 1968 году и более двадцати лет поддерживал тесную связь с ним, считал себя его духовным сыном. Той же осенью 1994-го Ив побывал в редакции «Истины и Жизни» и вскоре дал интервью нашему журналу (оно вышло в № 1 за 1995 год). Приведу выдержки из давней публикации – сегодня о книге Ива Амана я написала бы то же, что и тогда.

«(В книге) подчёркнуто отсутствует эмоционально-личностное начало: никакого авторского “я”, никаких намёков на особо доверительные, дружеские отношения... Автор подходит к своей задаче как учёный-советолог, исследователь новейшей истории христианства в России – и в этом преимущество его взгляда... Он показывает истоки веры священника, чья духовная родословная идёт из Оптиной Пустыни, из гонимой сталинским режимом катакомбной Церкви... Многие страницы книги посвящены положению Русской Церкви и охватывают период с начала столетия до наших дней... Ив Аман напоминает и о политической ситуации – без этого трудно было бы понять, сколь нелёгкую и чреватую опасностями миссию возложил на себя отец Александр. Сознательно сторонившийся политики, он воспитывал в своей пастве дух христианской свободы, входивший в непримиримое противоречие с духом законопослушного единомыслия, насаждавшимся тоталитарным государством... Иву Аману удалось избежать излишнего

пиетата по отношению к отцу Александру; несомненное достоинство его книги – объективность...»

Хочется привести и слова Ива Амана из нашей беседы – они свидетельствуют, что за прошедшие десятилетия тревожные тенденции в обществе и Церкви далеко не изжиты. «После крушения коммунистической системы наблюдается общее стремление к самоутверждению. Все хотят вернуться к своим корням. И отец Александр в последнем интервью, за несколько дней до смерти, сказал, что Россия сейчас переживает период нарциссизма... В связи с этим люди, далёкие от религии, приходят в православие и ищут в нём не столько встречи со Христом, сколько национального самоутверждения... Такие люди в силу незнания или необразованности верят всяkim домыслам по поводу отца Александра».

И в книге, и в интервью Ив Аман отстаивал традиционность духовного облика отца Александра вопреки обвинениям в модернизме. «Когда я стал заниматься его биографией, меня удивило... как один человек сумел сделать так много. И я понял: это потому, что он не появился вдруг, неизвестно откуда, а исходил из глубокой традиции. Меня поразила как раз его укоренённость именно в православии, укоренённость ещё и мистическая, потому что его прабабушку исцелил святой Иоанн Кронштадтский – это не может быть случайным. ...У отца Александра глубокие корни в самой подлинной православной традиции – традиции оптинских старцев, главной чертой которых была открытость людям».

Возможно, сегодня всё это кажется далеко не новым. Но стоит напомнить, что книга, которую Ив Аман начал писать сразу после гибели отца Александра, была адресована французским христианам, для

которых церковная ситуация в России была тайной за семью печатями, да и у нас в стране многие верующие совершенно не разбирались в этом, причисляя порой отца Александра к... обновленцам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что книга оказалась так востребована читателем на постсоветском пространстве.

Первое издание её сопровождалось предисловием, а последующие – развёрнутой статьёй священника Георгия Чистякова. По его мнению, Иву Аману удалось сделать то, что не удалось другим авторам книг об отце Александре, и удалось именно благодаря дистанции. «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье» – есенинские строки справедливы в том смысле, что расстояние позволяет писать портрет крупными мазками, отbrasывая второстепенные детали. Пишущий же «лицом к лицу» рискует утонуть в мелочах и упустить из виду целое, его масштаб. Но так бывает не всегда.

Книга Зои Маслениковой «Жизнь отца Александра Меня» (М.: Присцельс, Русслит, 1995) – солидный, почти 600-страничный том. Название обязывающее и даже, может быть, дерзновенное. Горький назвал свой роман-эпopeю «Жизнь Клима Самгина» – но то вымышленный герой и повествование о жизни сугубо земного человека, имевшей начало и конец. Что же до отца Александра, то истоки его жизни (хочется сказать «жития») уходят в такие глубины замысла Божия, что мы вряд ли сумеем разглядеть начало, и со смертью от руки убийцы эта жизнь не закончилась. Вот почему я и назвала дерзновенной попытку объять эту жизнь, ограничить пределами книги. Сравним название посмертного сборника воспоминаний, интервью, бесед, писем

самого отца Александра – «О себе...» (М.: Жизнь с Богом, 2007).

Однако содержание тома Зои Маслениковой свидетельствует об огромной работе, проделанной автором – духовной дочерью, помощницей и редактором трудов отца Александра на протяжении почти 23-х лет. Сам батюшка поддержал мысль о написании его биографии, зная, сколько домыслов и клеветы существует вокруг его имени, и помогал собирать материал для книги. Нельзя исключить и то, что он, провидя свой крест, хотел избежать мифологии в посмертных жизнеописаниях. В 1979–1980 годах, когда выпадала возможность, он рассказывал Зое Афанасьевне о себе, передал ей рукописные воспоминания своей матери и тёти, свои детские тетради и рисунки, кое-что записал сам, что-то рассказала о сыне Елена Семёновна Мень. Всё это вошло в первую часть книги. Вторая часть написана на основе дневников автора. В неё включены также некоторые письма отца Александра автору, а в Приложение – три главы начатого и не завершённого им исторического романа о гонениях на христиан при Диоклетиане и письмо отцу Сергию Желудкову. Всё это – бесценный документальный материал, собранный по крупице, продуманно организованный и оформленный. Книга проиллюстрирована фотографиями и рисунками отца Александра.

Этот труд по своей значимости, по жанру (биография, а не воспоминания) и по сложности структуры не мог быть отнесён к предыдущей главе: он написан хотя и женской, но решительной и сильной рукой – рукой скульптора. З. Масленикова – человек яркой судьбы, разносторонне одарённый и деятельный, из породы не-

утомимых тружеников. Зорким взглядом художника она умела разглядеть в человеческом потоке незаурядную личность, установить с ней творческий контакт и «родить сюжет». Такова история её молодой влюблённости во француза-военнопленного – история прерванная, но получившая чудесное продолжение через 50 лет и ставшая книгой «Маленький французский оазис». Такова её встреча с Пастернаком, чей портрет она лепила, а беседы записывала и на основе своего дневника издала книгу «Портрет Бориса Пастернака». Встреча с отцом Александром стала для З. Маслениковой главным событием, совершившим в ней духовный переворот и побудившим стать правой рукой батюшки в его трудах. Возможно, у кого-то из читателей её книги сложилось мнение, что она претендует на особую роль в жизни отца Александра, – реплики такого рода приходилось слышать. Не скрою, отдельные места книги и у меня вызывали сомнение в точности расстановки акцентов (выглядело так, что некие важные решения отец Александр принимал именно по совету своей помощницы). Но тут возникает риск переступить черту: мы не имеем права выносить суждения по поводу отношений пастыря с другими прихожанами. Думаю, вряд ли кто-то отважился предъявить такую претензию самому автору – человеку, столько сделавшему для своего духовного отца. Предоставим судить об этом времени – и Господу Богу. Ведь правда и то, что все прихожане выносили из общения с пастырем одно и то же детское восторженное чувство: меня он любит больше всех! Да по сути так оно и было. Что касается Зои Афанасьевны, батюшка не случайно ориентировал её на святоотеческую аскетическую литературу, на практику коленопреклоненной

молитвы и духовных размышлений, помогая сделать средоточием её внутренней жизни Христа.

Книга Владимира Илюшенко «**Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе**» (М.: Пик, 2000) была задумана сразу после убийства пастыря, в начале 1991 года. То, что она вышла в свет лишь десять лет спустя, говорит о требовательности автора к себе и к работе с материалом. Владимир Ильич Илюшенко – историк, публицист, поэт, общественный деятель, неизменный организатор и ведущий вечеров памяти отца Александра на протяжении тридцати лет. Об особенностях книги автор сам говорит в предисловии: «Это не биография отца Александра: такие биографические исследования уже есть. Моя задача иная – дать объёмный портрет Александра Меня, высвечивая разные грани его личности. Лучше всего для этого подходит техника мозаики... Такой подход предопределяет многожанровый, полифонический характер книги и её композицию».

Владимир Илюшенко называет отца Александра одной из ярчайших фигур XX века, духовным лидером России. Сознавая, что жизнь человека, повторившего земной путь Христа, невозможно воплотить в слове, что личность его многогранна и многое в ней скрыто в области мистической тайны, автор объясняет свою попытку «дать хотя бы некоторое представление об этом великом человеке» долгом ученика свидетельствовать об учителе.

Спустя десять лет выходит второе, исправленное и дополненное издание этой книги с несколько иным названием: «**Отец Александр Мень: Жизнь. Смерть. Бессмертие**» (М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010), – ниже я буду приводить цитаты по нему

(третье, дополненное издание книги выпустило в 2012 году издательство «Эксмо»). Мозаичный портрет составлен, как из кусочков смальты, из дневниковых записей, выступлений, статей, докладов, воспоминаний о пастыре. Тексты-пародии, написанные ко дню рождения или к именинам отца Александра, над которыми он от души смеялся, и – смена регистра – духовные стихи автора; поставленные рядом, они создают стереофонический эффект, помогают увидеть широту натуры пастыря, открытого ко всем проявлениям жизни и поощрившего творческое начало в своих прихожанах. В книге помещены также письма и неопубликованные тексты пастыря. «Проповедь о святости» закольцовывает композицию книги, придавая целостность разнородному материалу. «Кого убоюся? Нам нечего бояться – ни зла, ни греха, если Господь с нами. Только просить Его и молиться об этом – чтоб Он не уходил от нас. Только призывать Его, только всегда стоять на страже, готовым быть Его учеником, Его последователем, Его святым, Его посвящённым», – вот жизненный порыв и источник силы отца Александра.

Владимир Илющенко – прежде всего историк, и именно с точки зрения историка, исследующего современные общественно-политические процессы в России, в том числе явление неофашизма, затронувшего и консервативное крыло Церкви, рассматривает он служение отца Александра. Историзм мышления автора – главная особенность этой книги. Через полгода после трагедии, в то время как следствие путается в паутине самых неправдоподобных версий (а точнее, плетёт эту паутину), Илющенко на основании ряда фактов делает вывод: «Это убийство задумал, подготовил и осуществил

симбиоз клерикальных, государственно-репрессивных и правонационалистических (профашистских) сил»; «первоначально военно-фашистский переворот планировался не на август 91-го, а на сентябрь 90-го года. [...] Александр Мень был главной духовной преградой на пути этих замыслов, поэтому устраниить его надо было в первую очередь». Малоизвестным или забытым осталось в общественном сознании то, что на рассвете 9 сентября 1990 года к Москве были стянуты пять дивизий ВДВ в повышенной боевой готовности. В одном из расследований, которое многие из нас видели по ТВ, криминалист назвал орудием убийства отца Александра не топор, а сапёрную лопатку...

Страницы дневника, записи в котором после 9 сентября автор стал делать ежедневно, свидетельствуют о продолжающейся связи пастыря с учеником. Автор неотступно размышляет о своём духовном отце, очерчивает масштаб его личности и его миссии, и портрет отца Александра вырастает перед читателем как центральная фигура огромной исторической фрески, не завершающейся сегодняшним днём, но открытой в будущее. В. Илюшенко видит пастыря продолжателем дела духовного возрождения России XX века, начатого Н. Бердяевым, отцами Сергием Булгаковым и Павлом Флоренским, Г. Федотовым, матерью Марией (Скобцовской) и другими мыслителями великой религиозно-философской плеяды. «Он сделал... то, о чём мечтал, но не смог реализовать Владимир Соловьёв, – осмыслил, проанализировал и в сжатой форме описал духовный путь человечества, его философские и религиозные поиски на протяжении всей истории». Обновление, в котором усматривали ересь клеветники отца Александра,

заключалось, по словам В. Илюшенко, в возвращении «к истокам, к первоначальной новизне, освобождению христианства от ржавчины, коррозии, языческих наслойений... Надо было заново христианизировать тяжело больную страну. Этот крест и взял на себя отец Александр».

Сказаным далеко не исчерпывается содержание книги В. Илюшенко, в которой затронуты многие грани служения пастыря, его экуменические воззрения, отношение к культуре, к созиданию общинной жизни и т.д. – более подробно эти аспекты рассмотрены в работах других авторов.

Одна из них – книга **Андрея Ерёмина «Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков»** (М.: Carte Blanche, 2001). Автор знал батюшку 13 лет, и годы эти были временем тесного соработничества с отцом Александром. Андрей Ерёмин стал руководителем первой группы катехизации, а затем – малых евангельских групп, служил в новодеревенском храме чтецом, позже – алтарником, помогал батюшке как личный секретарь.

Андрей Ерёмин чётко определяет свою задачу: написать об отце Александре как о пастыре. Автор избегает говорить о себе, и лишь когда из-за отсутствия биографической канвы возникает необходимость что-то пояснить, делится личным опытом общения с батюшкой. В предисловии А. Ерёмин тепло благодарит всех, кто помогал ему в работе над книгой, в которой он использовал сделанные прихожанами аудиозаписи проповедей и бесед отца Александра (расшифровав их) и фотографии; всех, кто редактировал и вычитывал рукопись, поддерживал материально и молитвенно. Это не пустая формальность – мы видим, как община и

семья автора вместе служат делу сохранения памяти о своём пастыре.

Книга отличается простой и ясной композицией. В ней шесть глав, посвящённых основным аспектам пастырского служения отца Александра; каждая глава делится на пронумерованные разделы. Так принято выстраивать научные работы; при этом стиль повествования так же прост и сдержан, как и композиция книги; автор, даже говоря о сложных вещах, не злоупотребляет философскими или богословскими терминами, поэтому книга доступна самому широкому читателю. Не знаю, делал ли А. Ерёмин какие-либо записи для себя при жизни батюшки, но уже по первым страницам можно судить о том, насколько глубоко проштудировал он труды самого пастыря и тех авторов, чьё наследие отец Александр творчески развивал. Это подтверждают и Примечания в конце книги, содержащие многочисленные ссылки к использованной литературе.

Рассмотрим поподробнее одну из глав – первую; называется она «Приход». А. Ерёмин начинает её с рассказа о совместной поездке с батюшкой в Сергиев Посад, к монахиням катакомбной Церкви, где получил начальное христианское воспитание Алик Мень. Именно устроение жизни той общины и облик её духовных наставников сформировали в нём жертвенность как черту характера и предопределили его жизненный выбор.

Автор размышляет над историей Русской Церкви, не повторяя того, о чём рассказал в своей книге Ив Аман, но следуя за мыслью отца Александра, который «внимательно изучал метаморфозы массового сознания», писал о губительности для Церкви симфонии с государством, о психологии идолопоклонства, порождённой

дореволюционной политикой российских монархов, а позже – культом Сталина.

Умно и тактично корректирует Ерёмин мнение о «пастыре для интеллигентов», находя «отправную точку в служении отца Александра» у Сергея Булгакова, считавшего, что без интеллигенции Русская Церковь не сможет осуществить своё призвание. Именно поэтому, а вовсе не из желания создать вокруг себя комфортную культурную среду отец Александр и стремился привлечь в храм интеллигенцию, возлагая надежды на то, что она может изменить духовный климат в России, «опрокинутой в язычество» (В. Илюшенко). То, что приходится наблюдать в Церкви и обществе сегодня, и обескураживает, и одновременно подтверждает правоту пастыря: он прекрасно понимал, что процесс потребует огромных усилий и долгого времени. Отец Александр никогда не делал ставку на «имена», на творческую элиту, но искал соработников скорее в людях с научным, критическим мышлением, умеющих видеть суть явлений и аргументированно отстаивать истину. Они-то и составляли большинство в интеллигентской части его прихода – А. Ерёмин называет его «большой лабораторией, в которой вырабатывалась стратегия христианского возрождения».

Пишет он и о том, какое значение придавал батюшка воспитанию в своих прихожанах внутренней свободы, гражданской ответственности, необходимости ценить быстротекущее время. Объясняет, почему отец Александр выбрал срединный путь, держась в стороне от крайностей политики и диссидентства. Говорит и о других составляющих его христианской педагогики, которая невозможна, если сам педагог не обладает теми

чертами характера, которые хочет видеть в своих подопечных. О неподдельном смирении пастыря как источнике его духовной мощи. О простоте, привлекавшей к нему сельских прихожан. О твёрдости, когда непослушание кого-то из духовных детей угрожало разрушить приход. О водительстве Божьем и погружённости во внутреннюю молитву даже во время исповеди или пастырской беседы с духовными детьми, когда они ощущали идущий от него поток искренней любви.

Это – лишь часть того, о чём пишет автор в первой главе. Здесь я вынуждена признаться, что работа А. Ерёмина – моя любимая книга об отце Александре, на какое-то время ставшая настольной. Каждая её страница открывает всё новые и новые грани личности батюшки, нашедшие выражение в очень точных, глубоко продуманных словах автора, в спокойной, сдержанной интонации рассказа о нём и особенностях его пастырства. Ничто в этой книге не вызывает у меня протеста, несогласия, неприятия. Мне кажется, в силу того, что Андрею Ерёмину довелось не только соприкасаться с отцом Александром в качестве прихожанина, но и служить в алтаре, произошла духовная настройка, резонанс: струна чутко отзывалась на звучание камертона и не издала ни одной неверной ноты.

Вторая часть книги – «Смыслообразование» – о «вселенском христианском сознании, унаследованном от Владимира Соловьёва»; о том, в чём видел отец Александр задачу современного богословия; о сути Евхаристии, дающей ученикам силу «совершать в мире жертву прощения»; о фундаментализме как «измене библейскому профетическому духу»; о призвании Израиля; о христианском персонализме и многом другом.

Третья часть посвящена христианскому единству. Четвёртая – проповедям отца Александра как мощному инструменту преображения человеческих душ и пониманию им значения таинств. Пятая часть – «Молитва и малые группы» – о том, как отец Александр организовал своих прихожан, чтобы научить их молитвенной жизни в сочетании с внешней активностью (позже эта часть книги была издана отдельной брошюрой в помощь руководителям евангельских групп). Наконец, шестая часть – о подготовке мирян к миссионерскому служению по примеру апостолов.

В эпилоге книги автор говорит о самом трудном – о смерти отца Александра, о мистическом смысле этой жертвы «за своих духовных детей, за свою страну и, несомненно, за единство всех христиан».

В Приложении помещена статья А. Ерёмина «Шеститомник отца Александра «История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни», впервые опубликованная в 1995 г. в IV выпуске альманаха «Христианос». Это квалифицированный анализ фундаментального труда, в котором нашли выражение взгляды отца Александра как историка, философа, богослова на религиозный путь человечества, направленный к Богочеловеку Христу. Чтобы дать объективную оценку шеститомника, А. Ерёмину необходимо было освоить целую библиотеку источников, которыми пользовался отец Александр, и свободно ориентироваться в содержании всех шести томов (которые он же и готовил к изданию в России).

Всем, кто хочет получить наиболее полное представление о пастырском служении Александра Меня, горячо рекомендую отыскать и прочесть книгу Андрея Ерёмина.

Пристрастное свидетельство

Держу в руках похожую на самиздат брошюру в обложке из шероховатого жёлтого картона: **Александр Зорин. «Ангел чернорабочий. Светлой памяти отца Александра Меня»** (М.: Рудомино, 1992). Полное любви, боли, гнева поэтическое посвящение духовному отцу, горькое раздумье о России, убивающей своих пророков и святых. «Нам эта жертва досталась опять задарма. / За ним не угнаться. / Мечены наши блуждания, наши дома / Кровию Агнца»...

Второе издание, переработанное и дополненное статьями автора, опубликованными в периодике, вышло в 2004 году, и это совсем другая книга, сохранившая прежнее название. Приведу выходные данные третьего издания: Александр Зорин. «Ангел-чернорабочий» (М.-СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2017), на него я и буду ссылаться как на наиболее полное. Сам автор назвал свою книгу «пристрастным свидетельством» – но может ли быть беспристрастен поэт, наделённый особой отзывчивостью на красоту, гармонию и на всё, что им враждебно?

Александр Зорин шестнадцать лет был прихожанином Сретенского храма в Новой Деревне, летом жил в Семхозе, неподалёку от батюшки, и имел возможность общаться с ним чаще. Записи он вёл нерегулярно, но это не умаляет их ценности: не претендую на точную передачу слов пастыря, автор доносит до нас его живую мысль и широкую тематику их бесед. Так, с людьми культуры отец Александр говорит о культуре как необходимой питательной почве, на которой только и возможно сеять и возвращивать семена духовности в на-

шой стране. Или, видя у одного из прихожан крен в сторону монархизма, рассуждает о несостоенности его в ХХ веке. Или, размышляя о почитании святых, делится мыслью о необходимости очистить наши святыни от легендарных, фольклорных фигур. Не раз автор убеждался: батюшка с каждым человеком умеет говорить на его языке, будь то писатель, учёный или алкоголик, заявившийся во двор к соседям с ножом в руках.

Кажущаяся пестрота этих записей не воспринимается как недостаток книги, напротив: она создаёт ощущение естественного потока жизни, которому отец Александр не позволяет себя унести. Он «лепит время» и учит этому своих духовных детей. И подобно тому, как он умел уплотнить каждый свой день, А. Зорин уплотняет повествование рассказами отца Александра о себе, конспектами проповедей, наблюдениями о жизни прихода и трудном положении «второго священника», полными любви детскими воспоминаниями своих дочек о батюшке.

Стихи, органично встроенные в книгу, придают только что описанному событию характер метафоры, поэтического обобщения. Например, рассказ о том, как в редакции журнала «зарубили» великолепную статью отца Александра «Образ Христа в зарубежной литературе»², но после гибели батюшки поспешили опубликовать отрывок из «Сына Человеческого», А. Зорин завершает стихотворением высокого публицистического накала («Убийство с демагогией в комплете...»):

---

² Статья на эту тему – «В поисках подлинного Христа (Евангельские мотивы в западной литературе)» опубликована в: *Мень Александр. Культура и духовное восхождение*. – М.: Искусство, 1992.

*...Как обрести терпение?!! Господь,
Твоё же имя и в грязи святится.
Как с варварством и нищетой смириться?!
И гнев свой справедливый побороть –
в стенах новозаветной Ниневии,
которую Ты терпиши не впервые...*

В книге много свидетельств о преследованиях батюшки и его прихожан органами госбезопасности, о мерах конспирации, обысках и допросах, о предательстве иных учеников – и о терпении и самообладании пастыря, чтившего в каждом человеке его божественное начало. Есть свидетельства и другого рода – о чудесах, связанных с именем батюшки. Автор, понимающий, насколько строгим должен быть отбор таких свидетельств, приводит примеры самых яких и несомненных.

Александр Зорин много потрудился для распространения книг отца Александра – он пишет и об этом опыте, о своей радости, когда в глубине России ему доводилось видеть книги своего духовного отца в личных библиотеках некоторых священников. Пишет и о злобном неприятии трудов пастыря, инспирированном церковным начальством, в большинстве приходов, когда он предлагал взять на продажу книги Меня. Противоположную картину автор наблюдал в светских книжных магазинах: невоцерковлённая публика быстро раскупала книги отца Александра, и в Фонд поступали новые заказы. К счастью, сегодня отношение к наследию пастыря заметно меняется. В 2015 г. издательством Московской патриархии РПЦ, по благословению патриарха Московского и всея Руси Кирилла, было на-

что издание Собрания сочинений прот. Александра Меня в 15-ти томах, – к 80-летию со дня рождения и к 25-летию со дня кончины. В 2019 г. вышел в свет 8-й том Собрания сочинений.

В книге Александра Зорина есть письма – отклики на радиопередачу «Из звукового архива отца Александра»; это поразительные свидетельства того, что слово пастыря, «живое и действенное», продолжает обращать сердца людей ко Христу. В то же время А. Зорин, острый христианский публицист, много и прямо пишущий о сегодняшнем состоянии Церкви, считает: «На самом-то деле его время ещё не настало... Россия ещё не открыла для себя Меня. Она до него ещё не доросла». И дальше: «Отец Александр предвидел нынешнюю ситуацию. Церковь, склонная к консерватизму, подпитывается ксенофобскими и националистическими настроениями. Он предсказал терроризм как тактику будущих религиозных и межнациональных войн. О русском фашизме, зарождающемся у него на глазах, он говорил без обиняков, что его поддерживают “многие церковные деятели”. Но такого монстра, как православный сталинизм, он, наверное, не мог себе представить».

И всё же А. Зорин завершает разговор о своём духовном отце словами надежды. Наверное, многих из нас посещала мысль, что книга отца Александра «Первые апостолы», задуманная как начало серии о святых, не случайно осталась неоконченной, и дело не только во внешних обстоятельствах. Ведь и апостольские Деяния – книга с открытым финалом, и продолжить её доверено нам.

Особый случай

О книге Андрея Таврова «Сын человеческий. Об отце Александре Мене» (М.: Эксмо, 2014) мне писать непросто. Автор – известный поэт, прозаик, журналист, автор многих книг в разных жанрах, регулярно публикующий свои статьи-размышления в христианском журнале «Решение». Тем не менее, читать его книгу было тяжело, а порой, и больно. И хорошо, если причиной тому ограниченность моего мышления.

Мне кажется неким вызовом название книги – объяснять, почему, думаю, излишне. Для сравнения: к 75-летию отца Александра был издан иллюстрированный путеводитель по музею пастыря в Семхозе, названный «Протоиерей Александр Мень – путь человеческий». Если бы самому отцу Александру предложили выбрать из двух названий приемлемое, какое бы он предпочёл?

Андрей Тавров замечает, что некоторые литературные портреты отца Александра ему не по душе и «не кажутся достоверными в главном». Без уточнений, в чём именно. Он предлагает своё видение личности пастыря, но его наблюдения во многом совпадают с тем, о чём уже написали другие: внутренний огонь, жизненная сила, умение разглядеть в человеке его божественное начало и, обращаясь к этому ядру личности, помогать расти... Гораздо убедительнее конкретные эпизоды или реплики батюшки – дополнительные штрихи к портрету, который только и можно написать сообща. Таков рассказ о «волшебном смирении», напоминающий евангельскую историю о богатом юноше. Автор задаёт отцу Александру вопрос, как достичь смирения, а тот советует начать со скромности: не на-

стаивать на своей правоте, дать высказаться другим и т.д. Ответ разочаровывает автора, но позже выясняется, какой большой и долгий труд нужен для выработки в себе этого качества.

Одна из глав книги называется «Уроки зрения». Андрей Тавров не единственный, кто свидетельствовал о даре отца Александра прикасаться к незримой реальности, смотреть за пределы вещей и видеть мир уже преображенными. Этот дар проявлялся и у некоторых его духовных детей, но сам батюшка относился к подобным вещам крайне осторожно и двери в свою «тайную комнату» не открывал. «До света нужно досмотреться», до смириения нужно дорasti, пройдя начальную школу скромности... Глава написана образным языком и выдаёт в авторе близость к поэтическому направлению метареализма. Это, если я правильно понимаю, своего рода расширение сознания, демонтаж привычных границ и связей видимого мира и выстраивание новой реальности из набора старых деталей.

Возможно, я профанирую, но в основе такого творческого метода должно лежать неприятие устоявшихся, закосневших форм, недовольство обыденным миром и всем, что в нём. Дефицит любви? Не знаю. Но если это так, то становится более понятным, почему книга А. Таврова – не столько рассказ об отце Александре, сколько оценочные суждения о приходе и прихожанах. Нельзя сказать, что эти наблюдения несправедливы. Например, автор говорит, что соседство выдающейся личности искусительно, поскольку «чаще всего здесь начинает работать... гипноз влюблённости». Соглашаюсь, бывает такое, но не согласна с «чаще всего». Таких немотивированных обобщений много, и они раздражают.

Скажем, вот такое: «...Это не наша молитва и не наш свет... они – заёмные... мы почти не менялись...» Нечто похожее писал отец Владимир Архипов: «...не овладели, не проникли в глубину смысла, не стали сами носителями и свидетелями вечности, как наш учитель. Мы только запомнили его слова для цитат» (сборник «Двадцать лет без отца Александра...»). Выходит, усилия пастыря были потрачены впустую и он таки создал «меньство»? Более того: сам Дух Святой оказался беспылен оживотворить нас? Мне представляются не вполне правомерными столь категоричные высказывания. Ученики Христа тоже поначалу никуда не годились в сравнении с Учителем. А отец Александр говорил «мы» только на общей исповеди, включая себя в число грешников, чтобы облегчить покаяние нам, вести за собой. Но если автор видит формализацию, омертвение и бесылие сегодняшней Церкви, то батюшка при всей его трезвости смотрел на неё – и на нас – с надеждой.

По утверждению А. Таврова, после смерти отца Александра многие перестали ходить в церковь. Много ли этих «многих»? В какую именно церковь они перестали ходить? Если имеется в виду Сретенская церковь в Новой Деревне, то напомню законспектированное А. Зориным приходское собрание 3 февраля 1991 года, на котором в нарушение устава был переизбран совет прихода, после чего «начался отток москвичей из Новой Деревни». Зорин напоминает слова одного священника в день похорон отца Александра: «Сделают всё, чтобы распылить приход» (А. Зорин. «Ангел-чертонебесный»).

Не распылили. Часть прихожан осталась в Новой Деревне, часть объединилась вокруг отца Александра Бого-

рисова и отца Владимира Лапшина. А. Тавров выносит суровый вердикт: люди остыли, приход стал «интеллигентской церковью», «“церковной организацией” со своими традициями, преданием, анекдотами, цитатами». «...Пробуждение и реальный контакт с Богом были для о. Александра нормой, раскалённой реальностью. Для его последователей они были нормой на языковом уровне, а не на жизненном». Назову лишь одного из последователей батюшки – отца Георгия Чистякова, в этой книге не упомянутого. В ней вообще, кажется, нет положительных примеров. Сокрушается автор и о печальной судьбе прихода митрополита Антония, оставшегося без пастыря. Ну, если свет там и там был заёмным, то и спросу нет. Только судить нас будут по делам, по принесённым плодам, а не по тому, насколько «раскалённо» мы проявляли свою веру. Ведь писал же автор, что «в период гонений на Церковь в приходе действовала огромная сила правды и сопротивления. В людях открывались глубинные и лучшие в их душе ресурсы. У них действительно могли быть большие не приятности, вплоть до тюремного срока». Трудно поверить, что эта «огромная сила правды» тоже была заёмной и растворилась бесследно после гибели отца Александра.

Кроме того, А. Таврову вряд ли интересно, чем живёт приход свв. Космы и Дамиана помимо предания и анекдотов.

Далее автор принимается за священников, не осуществляющих в своей жизни то, что проповедуют, и называет их служение обменом мёртвыми цитатами. Священники бывают разные, это любой верующий подтвердит. У нас, к счастью, есть право выбора. А

противопоставлять отца Александра неопределённому кругу «других» священников не есть ли та самая за-гипнотизированность выдающейся личностью, о которой автор говорил выше? С амвона звучит слово Божье, которое само по себе обладает сверхъестественным свойством проникать в сердца людей. Советовал же батюшка автору в кризисные моменты «тупо» читать его книги (средоточие которых – Христос), – так устанавливался духовный контакт и указывался точный ориентир.

Автор «хорошо помнит» вовлечённость прихода в политику, осуждает отцов Якунина и Борисова за участие в ней. Если речь идёт о нескольких диссидентах в приходе, то отец Александр не был сторонником открытой схватки с режимом и ориентировал прихожан на внутренние, личностные изменения, чтобы христиане могли влиять на общество изнутри. И не приход был вовлечён в политику, а политика сама ломилась в приход слежкой, обысками, допросами, угрозами посадок. Вынужденная конспирация – это политика? Печать книг батюшки за рубежом и переправка по дипломатическим каналам – политика? «Квартирники», малые группы, детские рождественские спектакли – политика? С точки зрения государства – да, религиозная пропаганда приравнивалась к антисоветской деятельности.

Относительно политизированности священников разговор нужно вести конкретный. Напомню, что депутатство отца Глеба Якунина, как бы ни относиться к этому факту, позволило получить доступ к материалам дела отца Александра, заведённого на него КГБ, и пролить свет на обстоятельства его гибели. Благодаря настойчивости о. Глеба, Наталии Большаковой были

возвращены из прокуратуры Московской области письма о. Александра Меня, изъятые у нее при обыске. Священники в те годы шли в политику с надеждой, опять-таки, влиять на неё изнутри, использовать трибуну для христианизации общества. Неполитизированный отец Александр Мень знал, какие возможности открывает для этого телевидение. «Политизированный» отец Александр Борисов выходил во время путча 1991 года на Тверскую, призывал военных, сидевших в БТРах, не совершать грех братоубийства и раздавал им Евангелия; позже – «милость к падшим призывал», работая в Комиссии по помилованию при президенте; до сих пор он ежегодно ездит в заполярный Харп, в колонию для пожизненно заключённых; в последней поездке исповедовал и причастил 26 человек. Андрею Таврову это кажется «не очень сочетающимся с функциями священника». Право печалования, которое митрополит Филипп (Колычев) поставил условием своего согласия занять московскую кафедру, – тоже вовлечённость в политику. Отец Александр очень почитал этого свято-го, не побоявшегося противостоять Ивану Грозному и за это убитого. В России за политику платят жизнью. Батюшка настаивал на том, что церковь должна быть распахнута в мир: без этого христианам не стать ни солью, ни светом. Он много писал о тоталитаризме, о массовом сознании, о свободе и начал играть такую заметную роль в обществе (политическую?), что в этом увидели угрозу как раз политики – государственные и церковные.

Очень странным выглядит в связи с этим замечание А. Таврова: «Мне кажется, во всех разговорах о смерти о. Александра упущен важный момент. Смерть такого

человека не бывает случайной. ...о. Александр создал себе именно такую смерть сам... следуя воле Божией». Но как раз это-то не было упущено, много и говорилось, и писалось об этом. В 1996 году Сергей Бычков издал «Хронику нераскрытоого убийства», собрав документальные подтверждения и сопоставив факты, – видимая часть айсберга обрела чёткие контуры. Была и невидимая, духовная составляющая. Но сказать, что батюшка «создал себе именно такую смерть сам», даже и оговарившись насчёт воли Божией, значит опровергнуть его слова о том, что на мученичество не напрашиваются. Да, знал наперёд (в книге Н. Фортунатовой есть свидетельство, что один старенький священник предсказал ещё молодому отцу Александру такую смерть), знал – и согласился, но не «создавал», как не создавал Свою Голгофу Христос («...если возможно, да минует Меня чаша сия...»).

Есть и другие попытки приоткрыть внутренний мир отца Александра, вызывающие не просто сомнения, но протест, например: «Было видно, что о. Александр заворожён обаянием Будды и не может от него отделаться». При глубоком интересе иуважении пастыря к религиозным поискам человечества, к создателям мировых религий или философских систем никто из духовных детей не замечал, чтобы батюшка был кем-то или чем-то заворожён, – это не о нём, не его природа, не его психотип. Мне видится в этом скорее заворожённость самого автора особыми духовными состояниями, мистическим «невидимым огнём прозрения», опытом нехристианских религий, в интересе к которым нет, разумеется, ничего предосудительного. Сам отец Александр много времени посвятил их изучению. Безусловно,

есть разные типы религиозности, есть многообразие религиозного опыта. И всё же кажется неким упрощением рассматривать современное состояние христианства как «нисходящий поток», противопоставляя ему «поток восходящий», – далее автор приводит не слишком длинный список: Экхардт Толле, Григорий Померанц, Дональд Уолш, Зинаида Миркина, Томас Мертон, Тик Нат Хан, Александр Мень. «Все они занимались не мировыми проблемами, а самими собой, не решением судеб христианства и цивилизации в глобальном масштабе, а собственным предстоянием перед Богом».

Не стану комментировать последнюю цитату – знавшие отца Александра лично или узнавшие посмертно, по его книгам и по книгам о нём, сами ответят на вопрос, какую цель поставил перед собой подросток Алик Мень, осознавший своё призвание к священству: только ли заняться самим собой и своим предстоянием перед Богом.

В книге А. Таврова, на мой взгляд, слишком много общих рассуждений, которые могли бы найти место в другом тексте, не связанном с отцом Александром. Батюшка предостерегал от размывания духовности, от соприкосновений с пограничной реальностью, где мы теряем опору и ориентиры, где светоносные явления и «тайноведение» могут стать обольщением посильнее, чем гипноз выдающейся личности. А вот ощущение присутствия отца Александра в книге А. Таврова, встречи и беседы с ним, свидетельство автора о том, как пастырь вырвал его у смерти и вернул к жизни, – лучшие добавления к портрету.

Место Встречи

Этот уникальный проект заслуживает того, чтобы посвятить ему отдельную главу. Летом 1989 г. отец Александр и Наталия Большакова – одновременно – заговорили о христианском периодическом издании, стали обсуждать его концепцию. Батюшка своим волевым решением назначил Наталию (редактора и литературораведа) главным редактором, и только придумать название для будущего журнала они так и не успели. «Порази пастыря, и рассеются овцы!» (Зах 13:7), – на это явно рассчитывали заказчики убийства, принявшиеся после 9 сентября запутывать следы и запугивать прихожан обысками и допросами. Гибель пастыря внесла в замысел коррективы, и всё же через год, в 1991-м, вышла в свет первая книжка альманаха. Двадцать девятую вы держите в руках сегодня, по прошествии тридцати лет, если вести счёт от начала редакционной работы. Разговор же наш пойдёт о номере, который был выпущен к 75-летию со дня рождения и 20-летию мученической кончины пастыря.

Итак, альманах «Христианос-XIX» (Рига: ФиАМ, 2010); том объёмом в 416 страниц; на обложке – подзаголовок: Памяти протоиерея Александра Меня посвящается.

«Христианос-XIX» больше чем альманах – это именно книга по глубине и целостности замысла, по убедительности его воплощения. В предисловии Наталия Большакова пишет, что мыслился этот выпуск как место семейной Встречи детей с духовным отцом и со Христом, Которого он носил в себе. Автор задаётся вопросом, «есть ли в нас признаки, приметы родства с нашим

отцом», выражает надежду, что его чада ещё дорастут до этого родства. И далее: «Делясь, обмениваясь дарами, полученными каждым из авторов этого особенно го “семейного” альманаха, мы укрепляем друг друга, свидетельствуем миру и все вместе пишем икону отца Александра».

Первый раздел, названный «Пастырское служение. Творчество», открывают священники, о которых можно с уверенностью сказать: они одного духа с отцом Александром, при том что каждый из них – зрелая, яркая, независимо мыслящая личность. Отец Владимир Зелинский в эссе, посвящённом «Христианству» – лекции, прочитанной отцом Александром накануне гибели, называет её итоговым письмом, отправленным будущей пастве. В письме этом – ключ к полифоничной, универсальной Благой Вести, какой нёс её людям отец Александр. Разделяя мысль Карла Барта о том, что христианство не одна из религий, а кризис всех религий, пастырь, по словам автора эссе, в споре веры с религией «становился безоговорочно на сторону личного завета и верности» и видел драму исторического христианства «в хроническом разрыве между призывом и исполнением». Однако, чуждый иллюзий относительно нынешнего состояния христианства с «мирным и привычным сосуществованием вершин и низин», в будущее он смотрел с доверием и надеждой. В самом отце Александре христианство осуществилось во всей полноте – вплоть до Распятия.

Высокий уровень разговора о личности пастыря и современном христианстве поддерживает священник Владимир Лапшин. Его материал посвящён «отцу Александру Меню и всем тем, кто в своей жизни подлинно

стал светом мира». Автор называет их «светлыми людьми» и исследует тему отделения света от тьмы как центральную в Божественном Откровении, проходящую через всё Писание. Это отнюдь не отвлечённое теоретизирование: автор предостерегает от крайностей апокалиптического кликушества или самоуспокоенности по типу «всё само устроится». Такие настроения угашают христианский дух, пишет автор, и «превращают христианство в одну из “бытовых” религий». Мысль о необходимости деятельного участия христиан в Божией работе по преображению мира постоянно звучала в проповедях и беседах отца Александра (например, в беседе «Два понимания христианства»).

В альманахе помещены два очень разных выступления отца Георгия Чистякова. Одно (на вечере памяти пастыря в подмосковной Черноголовке) ориентировано на людей, знающих, кто такой Александр Мень; разговор в этой аудитории идёт об опасности игры в христианство, когда ритуальная, обрядовая сторона подменяет его суть; о свободе и служении людей подлинной веры, познавших живого Христа. Другое выступление (в университете св. Фомы в Миннесоте, США) – это рассказ людям, вряд ли знакомым с религиозной ситуацией в бывшем СССР, о «первом христианском мученике постсоветской России». Ученику и последователю отца Александра удалось сказать об истоках его веры, об открытом христианстве, о его экуменических воззрениях, о бесстрашии пастырского служения поверх запретов и гонений. Отец Георгий воспринял от учителя и его бесстрашие, и умение говорить с разными группами людей на доступном им языке, донося до них самое главное, что нужно знать человеку о христианстве.

Владимир Френкель представляет ту самую интелигенцию, которая приходила к вере «из ниоткуда», и анализирует её состояние, соблазны абстрактной или нехристианской духовности, гностицизма или внешнего благочестия. Автор пишет об отце Александре как об апологете, чьи книги сыграли огромную роль в проповеди Христа образованному слою общества. Размышляет он и о том, почему после гибели пастыря поднялся вал ненависти к нему, и убедительно доказывает несостойтельность тех, кто обвинял отца Александра в «неправославности», модернизме и ереси.

Священник Филипп Парфёнов никогда не встречался с отцом Александром, но книга «Сын Человеческий» совершила в нём глубокий переворот и привела в Церковь. Автор задаётся вопросом, почему «Христов миссионер из тех, кто по масштабу своего таланта и проповеди появляется в этом мире в лучшем случае раз в столетие, был... отвергнут своими единоверцами, и притом на волне интенсивного возрождения церковной жизни...». Отец Филипп рассматривает общественно-политические и внутрицерковные причины этого отвержения, дошедшего до позорного аутодафе, когда в 1998 году в Екатеринбургской епархии были сожжены книги Меня, Шмемана, Мейendorфа. Говоря о причинах падения интереса общества к РПЦ после двадцати лет духовной свободы, автор отмечает: вместе с тем, хотя и с трудом, доброе имя отца Александра Меняозвращается; в будущем оно должно стать «скорее знанием примирения, чем пререкания».

Одна из главных черт личности и служения отца Александра – его укоренённость в мировой культуре. Единство веры и культуры было духовным принципом,

который пастырь твёрдо отстаивал. Теме веры и культуры в его творчестве посвящён доклад Владимира Илюшенко, прочитанный на XVI Международной конференции памяти отца Александра Меня в 2007 году. Наталья Больщакова посвятила своё выступление на той же конференции вкладу, который внёс отец Александр в возрождение христианской культуры в постсоветском пространстве. Автор показывает масштаб миссионерской и культурно-просветительской деятельности пастыря в атеистическом государстве, делает обзор написанных им книг, напоминает о тематике лекций, прочитанных им в Общедоступном Православном университете (ныне носящем его имя) и обществе «Культурное возрождение». В докладе упомянуты не столь широко известные книги отца Александра для детей, его переводы западной христианской классики, начатая совместно с Валентиной Кузнецовой работа над переводом Нового Завета на современный русский язык.

Второй раздел альманаха – «Отец Александр и христиане Запада». В нём звучат голоса католиков и православных, мирян, священнослужителей и монашествующих, живущих в разных странах. Профессор Ив Аман (о его книге см. выше) делает акцент на том, что отец Александр стал «связующим звеном между новообращёнными шестидесятых-восьмидесятых годов и наиболее живым направлением в досоветской русской Церкви, избежавшим последствий коммунистической секуляризации». Пишет он и о поиске пастырем «нового языка для “керигмы”», об основном направлении в его миссионерском служении – умении «находить людей в самой сердцевине их созидающей творческой

деятельности, следуя духу диалога с миром, свойственному оптинским старцам». Кардинал Андрэ Вен-Труа, архиепископ Парижский, говорит о богословии Воплощения в трудах отца Александра, о его «остром чувстве динамизма Благой Вести», о верности призыву Христа к братскому единству. Протоиерей Генрих Папроцки (Польская Автокефальная Православная Церковь), переведивший на польский язык труды прот. Сергея Булгакова, свящн. Павла Флоренского и других видных богословов и хорошо знавший отца Александра, видит в нём «типично российского мыслителя», сумевшего достичь синтеза науки и христианства. Он отмечает сходство служения прп. Сергия Радонежского, связанного с возрождением народа после татарского ига, и труда отца Александра, связанного «с возрождением после большевистской неволи». Монахини Братства Малых сестёр Иисуса – сестра Клер и сестра Бернадетт рассказывают о дружбе с пастырем, приносившей им радость присутствия Воскресшего Христа. Римско-католический епископ Тадеуш Пикус (Польша) автор двух книг об отце Александре, называет его «пророком обновлённого православия». На основе анализа его работ он делает вывод, что пастырь считал неустойчивыми тоталитарные безрелигиозные системы, враждебные человеку, развитие которого невозможно без союза с Богом. Иеромонах Рене Маришаль (Франция) рассказывает о том, как личность и служение отца Александра воспринимались на Западе, как сотрудничество христиан в деле духовного просвещения стирало конфессиональные границы. Доклад протоиерея Михаила Евдокимова (Вселенский патриархат, Франция), прочитанный в 2010 году в день Торжества православия на

традиционной встрече верующих разных юрисдикций, – ещё одно подтверждение правоты отца Александра, «человека мира», как называл его кардинал Люстиже, в поисках единства христиан.

Следующий раздел – «Библия и наследие отца Александра». Протоиерей, доктор богословия Михаил Аксёнов-Меерсон (Православная Церковь в Америке), начинавший свой путь христианина в приходе отца Александра, посвятил своё исследование главной его страсти «как пастыря и учёного, как духовника и литератора, как писателя» – Библии. В статье рассмотрены все направления трудов пастыря: от научно-популярных работ по Ветхому и Новому Заветам до Бибlioлогического словаря и комментариев к Брюссельской Библии. Автор утверждает: отец Александр возродил прерванную традицию русской библеистики, обогатив её современными достижениями библиоведения, а не-задолго до гибели восстановил Российское библейское общество. Памяти отца Александра Меня посвящена блестящая экзегетическая работа автора «Шаг за шагом по Библии» – разбор книги Бытия, выполненный в русле методологии пастыря.

Четвёртый раздел – проповеди священника Владимира Лапшина, сказанные в дни памяти отца Александра и призывающие учиться у него быть солью и светом в нашем мире.

Завершают альманах воспоминания и свидетельства учеников пастыря, поэтические посвящения ему, письма. Кому-то из авторов посчастливилось быть в числе прихожан отца Александра годы, кто-то никогда не встречался с ним, а знал по книгам и телевизионным выступлениям. Тем удивительнее, что все они

не склонны много говорить о себе, но всматриваются в лицо человека, изменившего их жизнь, размышляют о влиянии его на современников, которое ещё не до конца осмыслено и оценено. Римма Запесоцкая пишет о подруге Елены Семёновны Мень, воссоздавая образ жизни и веры предшествовавшего отцу Александру поколения. Ольга Бухина касается болезненной проблемы еврейства и его совместимости с христианством, разрешить которую помогал пастырь.

Сильное свидетельство – беседа Натальи Больщаковой с Анатолием Ракузиным. Его дед-антропософ познакомился с отцом Александром, когда тому было 25 лет, разница в возрасте у них была в полвека. И когда внук стал интересоваться духовными вопросами, дед отвёз его к отцу Александру. 1968–1973 годы стали временем интенсивного общения с пастырем и кругом его духовных детей. Затем последовала эмиграция, но духовная связь с отцом Александром не прервалась. «Этих пяти лет с ним, – признаётся Анатолий Ракузин, – мне на всю жизнь хватило... Было такое впечатление, что он с детства был законченным совершенством. Это невозможно, но... В нём была какая-то наполненность, полнота, абсолютно необъяснимая в молодом человеке.

... У меня нет ни малейшего сомнения: он – святой... Даже если бы его и не убили, для меня он остаётся святым». Отец Александр часто повторял, что главное в христианстве – не моральный кодекс, не проповеди, не чудеса исцелений, а сама Личность Христа. И Анатолий Ракузин, на всю жизнь сохранивший в себе образ пастыря, говорит: «Самое главное, что он был...».

Удивительны свидетельства Ольги Полянской и других авторов о духовном контакте с батюшкой, о силе

его молитвы и даре предвидения, о его присутствии в жизни духовных детей и после гибели. «Здравствуйте, дорогой батюшка!» – озаглавила своё письмо к отцу Александру, написанное спустя 20 лет после его гибели «с надеждой на любовь, молитву и встречу», Наталия Большакова.

На страницах альманаха «Христианос-XIX» Встреча состоялась. Ученики отца Александра пришли на неё не с пустыми руками – они принесли обильные плоды.

Первое научное исследование

Пять лет назад появилась, наконец, книга, которая свидетельствует о важных позитивных изменениях в церковном сознании по отношению к отцу Александру. **Протоиерей Димитрий Предеин. «Протоиерей Александр Мень как выдающийся православный катехизатор и миссионер второй половины XX века»** (Одесса: Астропринт, 2015). В аннотации сказано, что этот труд – «первое системное исследование богословских воззрений» отца Александра. Книга написана выпускником Московской духовной академии, доктором богословия Киевской духовной академии, членом Синодальной богословско-канонической комиссии УПЦ, преподавателем Одесской семинарии, автором учебника «Введение в философию» и других публикаций, ведущим телепрограммы «Преображение» на канале «Союз» и т.д. Перечень регалий и благословение митрополита Одесского и Измаильского Агафангела призывают подтвердить, что авторитет автора даёт ему право не только высказывать частное мнение, но и выражать позицию Церкви, по крайней мере – её части.

Написана она со всей строгостью и беспристрастностью научной монографии, цель которой – донести до читателя правду о выдающемся пастыре, его миссии и творческом наследии. Автору удалось избежать крайностей в оценках: ни безудержной апологетики, ни злобной критики в этой книге нет. О том, какую огромную подготовительную и исследовательскую работу проделал отец Димитрий, можно судить по аппарату книги: многостраничному списку литературы, а главное – сноскам и Примечаниям, читать которые не менее интересно, чем основной текст. Например, одна из сносков к Предисловию содержит такой любопытный факт: «Объём изданных сочиненийprotoиерея Александра Меня (более 15 000 страниц) превосходит полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста (12 000 страниц)». В сносках автор помещает свидетельства, взятые из литературы о пастыре и различных интернет-ресурсов, собственные комментарии, а также высказывания сторонников и противников пастыря.

Биографию отца Александра автор пишет, опираясь на наиболее авторитетные источники (мы упоминали о них выше); анализ его богословского творчества строит на своих «наблюдениях, накопленных в процессе изучения *всех* (выделено мной – А. К.) изданных трудов отца Александра Меня». Автор произвёл строгую классификацию трудов пастыря, разграничив подготовленные им при жизни издания и те, что были составлены посмертно из его статей и аудиозаписей, отдельно указав брошюры, переписку, переводы. От списка трудов отец Димитрий переходит к краткому их обзору, давая им не только личные оценки, но приводя другие авторитетные мнения, в том числе содержащие критические

замечания – например, по поводу некоторых исторических неточностей, допущенных отцом Александром.

Особую главу автор посвящает анализу мировоззрения пастыря. Чтобы квалифицированно разобрать её, необходимо иметь богословское образование, как минимум, на уровне духовной семинарии. Я же могу опираться только на многолетний опыт редактирования православной, католической и протестантской литературы и на собственную интуицию. Думаю, я не ошибусь, сказав, что глава написана очень взвешенно, автор убедителен и тогда, когда отмечает, что у батюшки «не было вкуса к догматическому богословию», и когда защищает его от обвинений в «поощрении магии». Отцу Александру во время его публичных выступлений задавали множество вопросов, связанных с телепатией, восточными религиями и другими духовными практиками, и он не дистанцировался от этого, не объявляя бесовщиной, как делают иные ревнители. «Отец Александр, словно предвидя разлив оккультизма в постсоветскую эпоху, много сил отдавал борьбе против него и связанных с ним учений», – пишет отец Дмитрий. Прежде чем выносить вердикт, он всегда изучал вопрос и доступную литературу по нему. Автор избегает упрощённых оценок, анализируя отношение отца Александра к антропософии и Рудольфу Штайнеру: отмечает как пишет пастыря по отношению к этой яркой личности, так и содержательность его критики в адрес штайнеровского учения, далёкого от христианства.

Чёткую позицию занимает отец Дмитрий по «еврейскому вопросу», в связи с которым отцу Александру предъявляли дикие обвинения как церковные антисемиты, так и фальсификаторы из КГБ. Приводя выска-

зывания самого батюшки из его книг, свидетельство П. В. Меня и собственные доводы, автор показывает полную беспочвенность этих измышлений. «Со времён святых Апостолов Петра и Павла ни одному миссионеру не удавалось в одиночку обратить столько евреев ко Христу», – резюмирует отец Димитрий.

С такой же тщательностью он исследует экуменические взгляды отца Александра, отношение к эволюционизму, почитанию святых и другие аспекты его мировоззрения и пастырского служения.

В завершающей главе автор делает вывод: «Русское Православие может гордиться такой выдающейся личностью, как протоиерей Александр Мень. ... Как образец православного просветителя коммунистических времён он может и должен быть внесён в учебник по истории Русской Церкви XX века». И наконец: «Нельзя понять отца Александра Меня, если не почувствовать его душу. Но это возможно только при симпатии и любви к нему».

Нет сомнений, что автор этой яркой и смелой книги почувствовал душу отца Александра и полюбил его. И хотя полного единодушия мнений о пастыре в Церкви нет и сегодня, новое поколение священников, выросших в условиях большей свободы, высоко ценит отца Александра. Так, архимандрит Савва (Мажуко) в одном из выступлений назвал книгу «Сын Человеческий» самым значительным богословским произведением второй половины XX века, а об отце Александре, который во время бурных политических перемен сумел пройти «средним путём», сказал, что «его политической программой было Евангелие».

Заканчивая разговор о книгах, посвящённых протоиерою Александру Меню, прошу прощения у тех авторов, чьи книги не нашли места в этих заметках, что вовсе не означает отрицательного отношения к их трудам. Множество ценных свидетельств можно найти в статьях, в интернет-публикациях; многое ещё будет написано – портрет пастыря не окончен, как не может быть окончен путь души, ушедшей в вечность.

Мне хочется вернуться к началу статьи – к эпиграфам, передающим слова отца Александра. Надеюсь, читатели книг о батюшке вынесут из них не то, что он сам назвал смешным словечком «меньство», не ересь, в которой обвиняли его ненавистники, а образ христианства, открытого миру, свободного, деятельного, жертвенного. «Пролитая кровь – великая сила. Если о ней забывают, это проклятие. Если о ней помнят, как должно, это благословение земле. Нашей, русской земле» (Сергей Аверинцев).

*Москва
Май 2020*

**К 40-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ
НАДЕЖДЫ МАНДЕЛЬШТАМ**

*Надежда Яковлевна Мандельштам
(1899–1980)*

От редакции

ПРОЛОГ

Я смертно устала от этой жизни,
но верю в будущую.

H. M.
из письма, 1979 г.

Надежда Яковлевна Мандельштам умерла 29 декабря 1980 г.

В последние месяцы 1980 года, когда самочувствие и состояние Н. Я. все время ухудшалось, и она нуждалась в постоянном наблюдении, уходе, помощи, – вокруг нее всегда находился кто-то из ее друзей, из детей и внуков ее давних подруг.

«Вокруг нее не могло быть ни “двора”, “ни свиты”, разве что “команда” добровольцев, главным образом, из духовных чад о. Александра Меня, когда она стала болеть и нуждалась в постоянной помощи» – вспоминает Елена Борисовна Мурина.

Последними у Н. Я. дежурили Наталия Ивановна Столярова и Вера Иосифовна Лашкова. В дежурство В. И. Лашковой Надежда Яковлевна мирно скончалась во сне, под утро. Н. И. Столярова вспоминает тот день – 29 декабря. «Едва я вошла к себе, как раздался звонок по телефону, и мне сказали, что Н. Я. скончалась. Вскоре я поехала в Черёмушки с подругой. Мы нашли Н. Я. уже лежащей на столе, в углу под иконой горела лампадка. Она вытянулась во всю свою длину-высоту, и лицо ее меня поразило. Ушли боль, страх, стеснение,

раздражение. Лицо умное, просветлённое, выполненное достоинства и спокойного сознания: я прожила трудную жизнь, но я донесла до дела свой дорогой груз.

Мы тихо просидели до вечера, и, сменяясь у ее гроба, кто-то все время читал псалтырь. Было ее ощущимое присутствие»¹.

«Я не боюсь смерти. Боюсь жить слишком долго, стать немощной» – пишет Н. Я. в 1974 году в письме Н. А. Струве. В этом же письме пишет о сыне своей знакомой, скончавшемся во сне и продолжает – «Это хорошая смерть, но я хотела бы умереть в сознании, чтобы причаститься. Мой священник мне говорит, что нужно нести свой крест до конца. Я смертельно устала, но знаю, что он прав. И крест – тяжел. Время его не делает более легким»².

С отцом Александром Менем Надежда Яковлевна познакомилась в первой половине 60-х. Когда она получила свою однокомнатную квартиру в Москве, на Юго-Западе (1965 г.), отец Александр приезжал к ней на Большую Черёмушкинскую, исповедовал. Визит о. Александра всегда воспринимался Н. Я. как большой праздник. Она готовилась к его посещениям. Приезжала она и в храм Сретения в Новую Деревню, всякий раз в сопровождении кого-то из друзей. Отец Александр заботился о Надежде Яковлевне, знакомил с ней тех из своих молодых прихожанок, на которых

---

¹ О последних днях Надежды Мандельштам (из частного письма). // Париж: YMCA-PRESS, 1981. Вестник РХД № 133. С. 145.

² Мандельштам Надежда. Книга третья. – Париж: YMCA-PRESS, 1987. С. 328.

полагался, что они смогут быть ей полезными в быту и, в свою очередь, сумеют многое почерпнуть из общения с нею.

Порой, и в летних поездках на отдых они сопровождали Н. Я., так как сама она ездить не могла. Так было и в июне-июле 1976 г., когда Н. Я. вместе с двумя прихожанками Новодеревенского прихода жила в Юрмале (Латвия), в поселке Каугури. Оттуда Н. Я., незадолго до отъезда из Юрмалы, совершила поездку в Преображенскую пустынь (под Елгавой) к архимандриту Тавриону (Батозскому). Евгения Борисовича Рашковского, также отдыхавшего в Каугури, Надежда Яковлевна пригласила сопровождать ее и девушек в поездке к отцу Тавриону. После литургии старец позвал Н. Я. и приехавших с нею к себе на трапезу. Как вспоминает Евгений Борисович: «Трапеза включала в себя, как мне помнится, уху со снетком, варенный картофель с постным маслом и зеленым луком и воистину незабываемый темнорубиновый монастырский компот».

Некоторые моменты из разговора за трапезой я запомнил навсегда.

*Надежда Мандельштам и
отец Александр Мень,
Семхоз, лето 1974 г.*

Надежда Яковлевна горько сетовала на тоску и одиночество, на непроходящую тяжесть разлуки с Осипом Эмильевичем.

Отец архимандрит отвечал ей, что такое состояние души понятно, и что Церковь хорошо понимает боль человеческих состояний, связанных именно с близостью гибели и смерти. Неслучайно же поется в последовании о усопших:

*...яко зол душа моя исполнися,
и живот мой аду приближися,
и молюся, яко Иона:
от тли, Боже, возведи мя...*

Однако, продолжал о. Таврион, всегда следует помнить (за точность передачи этих слов готов ручаться), что отчаяние наше – ничто в сравнении с тем, что Сам Пресветлый Бог каждого из нас избрал Своим другом.

...А ведь говорил-то это старый зэк, повидавший самые страшные и бесчеловечные извращения жизни...

Надежда Яковлевна была потрясена, обрадована, утомлена. На том же самом такси (водитель обедал с паломниками) мы вскоре возвратились в Юрмалу»³.

Отец Александр познакомил Н. Я. и со своей семьей; в 70-е годы, по его приглашению, она не раз проводила лето в их доме в Семхозе. Отец Александр познакомил Надежду Яковлевну с отцом Сергием Желудковым; с владыкой Ионой (Зыряновым), епископом Ставрополь-

---

³ Рацковский Евгений. Философская планета Арбат. // Н. Я. Мандельштам у архимандрита Тавриона. – М.: Новый Хронограф, 2019. С. 105.

Надежда Яковлевна в гостях у о. Александра и его семьи. Семхоз, лето 1973 г.

ским и Бакинским; с Анастасией Дuroвой. Эти знакомства стали основой длительных добрых отношений. Нередко друзья Надежды Яковлевны становились прихожанами отца Александра.

Отец Александр Борисов, которого о. А. Мень познакомил с Н. Я. в 1973 г. в Семхозе, в своих воспоминаниях пишет: «Надежда Яковлевна была крещена в детстве, о чём у неё даже имелось соответствующее свидетельство, которое я видел своими глазами. Она была человеком по-настоящему верующим, но, по тогдашним обстоятельствам жизни, не очень-то церковным. Она хорошо знала и любила Библию и с большим уважением относилась к Церкви и к богослужению».

Из письма Иоанну (Шаховскому), архиепископу Сан-Францисскому:

«12 мая 1979

Владыка Иоанн!

...Рада Вам сообщить, что я верующая (православная в третьем поколении) – дед со стороны отца был кантонистом (читали у Лескова?). Церковница с детства. По национальности я еврейка. Мандельштам тоже был верующим. Он крестился не из-за университета, как пишут у вас, а потому что не мог жить без Христа. [...]

Ваша Надежда Мандельштам»⁴.

Отпевали Надежду Яковлевну 2-го января 1981 года в церкви иконы Божией Матери Знамение (у метро «Речной вокзал»), где служил дьяконом Александр Борисов. Маленькая церковь была наполнена до отказа, люди стояли и около церкви, кто не сумел войти. Собралось столько народа, что это почти походило на демонстрацию, что очень испугало настоятеля.

Как вспоминает отец Александр Борисов: «Настоятелем тогда был прот. Михаил Орлов. Но отпевал не он, а священник о. Николай Шманов. Настоятель был очень напуган таким необычным стечением интеллигентного народа и приездом о. Александра Меня и не разрешил ему участвовать в отпевании.

Я участвовал в отпевании, как дьякон. Отпевали сразу двух старушек – Н. Я. и какую-то простую бабушку. Отец Сергий Желудков очень беспокоился, чтобы Н. Я. отпевали отдельно. Но я убедил его в том, что сама Н. Я. была бы решительно против этого. Она никогда не стремилась отделить себя от простых верующих. Так

---

⁴ Там же. С. 331.

*Во время отпевания Н. Я. Мандельштам.
У гроба стоят прот. А. Мень и дьякон А. Борисов*

и отпевали обеих. В советское время это была обычная практика из-за малого числа действующих храмов».

Из воспоминаний Н. И. Столяровой об отпевании Надежды Мандельштам: «...Лица все без исключения интеллигентные, лица, которые обычно выделяешь из толпы, лица с печатью индивидуальности, освещенные снизу свечками, сосредоточенно внимали церковному пению. Аристократия духа собралась почтить автора самой замечательной книги о нашей жизни, почтить высоту, достоинство, с которым она прожила и пронесла для России забытую было поэзию Осипа Мандельштама. [...]»

На двух или трех автобусах и многих машинах все поехали на старое Троекуровское кладбище. Шел легкий

снежок, очень украсивший это кладбище, лежащее под старыми сосновами и обжитое белками и птицами.

Очень узкой – трудной, как жизнь Н. Я. – тропой пронесли на плечах дорогую ношу, и под высокой сосной опустили ее в землю. Могильщики заработали лопатами. Потом мы покрыли могилу цветами и зажгли свечи. Люди медленно, нехотя проходили, уступая место другим. Запорошенное снегом кладбище, цветы, свечи и лица...»⁵.

Завершить наш небольшой очерк хочется словами исследователя творчества Осипа Мандельштама, издателя всех трех книг *Воспоминаний Надежды Мандельштам Никиты Алексеевича Струве*:

В 1936 г. Мандельштам писал из ссылки Пастернаку: «Тем, что моя “вторая жизнь” еще длится, я всецело обязан моему единственному и неоценимому другу – моей жене». Но и своей посмертной судьбе, своей «третьей жизни» Мандельштам обязан в значительной мере, если не целиком, «другу и жене».

За свою верность Осипу Эмильевичу, Надежда Яковлевна была вознаграждена. Свидетельствуя о нем, она выросла в свидетеля всей эпохи, и вошла в русскую литературу не только как сохранившая наследие мужа, но и как большой, самобытный писатель-очевидец⁶.

---

⁵ О последних днях Надежды Мандельштам (из частного письма). // Париж: YMCA-PRESS, 1981. Вестник РХД № 133. С. 148.

⁶ Струве Никита. // Париж: YMCA-PRESS, 1981. Вестник РХД № 133. С. 150.

Никита Шкловский-Корди

Врач-гематолог; кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отделения гематологии и интенсивной терапии Гематологического научного центра РАН.

Живет в Москве.

«САМ-ТО ТЫ ГДЕ?» НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ И ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ*

Я никогда раньше не выступал на собраниях памяти отца Александра Меня – я намеренно на них не бывал до недавнего времени. Дело в том, что мне всегда было неудобно перед теми, кто туда ходит – я знал, что ко мне о. Александр относился исключительно: он меня любил так, что мне даже трудно общаться с другими его знакомыми. Но однажды я все-таки попал на вечер в Библиотеке иностранной литературы. Как всегда, опаздывая, вхожу и слышу, что человек на сцене говорит: «Вы понимаете, мне так неудобно перед вами, но меня отец Александр любил совершенно исключительно». И следующий сказал почти то же самое. Я понял тогда, что то, как о. Александр меня видел – было проявлением его личности, а не свойство моей и что, таким образом, ничто не мешает братству его друзей. Но Надежда Яковлевна Мандельштам – была даже из этого ряда – вон!

---

* Статья написана на основе выступления автора на межприходской конференции «Духовное наследие прот. Александра Меня» 14–15 февраля 2015 г. Москва, храм Космы и Дамиана в Шубине.

Надежда Яковлевна Мандельштам – Баба Надя присутствовала в моей жизни всегда – сколько себя помню. Отношения с домом, где я родился, Н. Я. зафиксировала в книге *Воспоминания*¹:

«В Москве был только один дом, открытый для отверженных. Когда мы не заставали Виктора² и Василису³, к нам выбегали дети: маленькая Варя, девочка с шоколадкой в руке, долговязая Вася, дочь сестры Василисы Тали, и Никита, мальчик с размашистыми движениями, птицелов и правдолюбец. Им никто ничего не объяснял, но они сами знали, что надо делать: дети всегда отражают нравственный облик дома. Нас вели на кухню – там у Шкловских была столовая – кормили, поили, утешали ребячими разговорами. [...]»

Приходила Василиса, улыбалась светло-голубыми глазами и начинала действовать. Она зажигала ванну и вынимала для нас белье. Мне она давала свое, а О. М. – рубашки Виктора. Затем нас укладывали отдыхать. Виктор ломал голову, что бы ему сделать для О. М., шумел, рассказывал новости... Поздней осенью он раздобыл для О. М. шубу. У него был старый меховой – из собачки – полушибок, который в прошлую зиму таскал по нищете Андроников, человек-оркестр. Но он успел выйти в люди и обзавестись писательским пальто, и Виктор вызвал его к себе вместе с полушибком. Обряжали О. М. торжественно, под Бетховена, которого

¹ Цит. по: Мандельштам Надежда. Воспоминания. // Из главы «Шкловские». – Нью-Йорк, 1970. С. 365, 366–367, 368–369. (Прим. ред.)

² Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) – писатель, литературовед. (Прим. ред.)

³ Василиса Георгиевна Шкловская-Корди (1890–1977), жена Виктора Шкловского. (Прим. ред.)

высвистывал Андроников. Шкловский даже произнес речь: “Пусть все видят, что вы приехали на поезде, а не под буферами”... До этого О. М. ходил в желтом кожаном пальто, тоже с чужого плеча. В этом желтом он попал в лагерь.

Когда раздавался звонок, то прежде, чем открыть дверь, нас прятали на кухню или в детскую. Если приходили свои, нас немедленно с радостными криками освобождали из плена, а если Павленко или соседка-стукачка, Леля Поволоцкая – та самая, которую потом от реабилитации хватил паралич, – мы отсиживались в тайнике. Они ни разу не застали нас врасплох, и мы этим очень гордились.

Дом Шкловских был единственным местом, где мы чувствовали себя людьми. В этой семье знали, как обращаться с обреченными. На кухне устраивались дискуссии, где ночевать, как пойти на концерт, где достать денег и что вообще делать. У Шкловских мы ночевать избегали, потому что в доме были швейцарики, лифтерши и дворничихи. Эти добродушные и убогие женщины спокон веку служили в охранке. Денег они за это не получали – это была их добавочная функция. Не помню уж, как мы устроились на ночь, но на концерт в конце концов пошли... А швейцарихи, когда я появилась одна, без О. М., уже после его смерти, спросили меня, где он. Я сказала: умер. Они вздохнули: “А мы думали, что вы будете первая”... Я из этого сделала два вывода: обреченность была написана на наших лицах – это первый, а второй – нечего бояться этих несчастных баб, они ведь сердобольные. Тех, которые меня тогда пожалели, быстро свезли на кладбище: они мрут, как мухи, на своем голодном пайке, но я с тех пор всегда

дружу с их преемницами, и они никогда не сообщали милиционерам, что я ночую без прописки в квартире Шкловских. [...]

Иногда другого выхода не было, и мы все же оставались на ночь у Шкловских. Нам клали в спальню на пол тюфяк и меховую шкуру-овчину. С седьмого этажа, разумеется, не слышно, как к дому подъезжают машины, но когда ночью поднимался лифт, мы – все четверо – выбегали в переднюю и прислушивались: “Слава Богу, этажом ниже”, или “Слава Богу, мимо”... Это прислушивание к лифту происходило каждую ночь, вне зависимости от наших ночевок. К счастью, лифт поднимался редко: обитатели дома жили обычно в Пере-делкине и вели солидный образ жизни, а их дети еще не успели подрасти. В годы террора не было дома в стране, где бы люди не дрожали, прислушиваясь к шелесту проходящих машин и к гулу поднимающегося лифта. До сих пор, ночуя у Шкловских, я вздрагиваю, когда слышу ночной лифт. И эта картина – полуодетые люди замерли, нагнувшись, у входной двери, чтобы услышать, где остановился лифт, – незабываема. [...]

Однажды среди зимы мы решили, что нельзя больше злоупотреблять добротой Шкловских. Боялись их подвести: вдруг кто донесет, а там и “загрохотать” недолго... Одна мысль, что мы можем загубить Шкловского, а с ним и всю семью, приводила нас в отчаяние. Мы торжественно сообщили о своем решении и, не слушая уговоров, несколько дней не приходили. Чувство бесприютности и одиночества обострялось в геометрической прогрессии. Как-то, сидя у Бруни, О. М. не выдержал и позвонил Шкловским. “Приезжайте скорее, – сказал Виктор. – Василиса тоскует, места себе не на-

ходит...” Чрез четверть часа мы позвонили, и Василиса встретила нас с радостью и слезами. И тогда я поняла, что единственная реальность на свете – голубые глаза этой женщины. Так я думаю и сейчас».

Маленькая Варя – моя мама⁴, с которой Н. Я. сохранила до смерти близкие отношения, называя нас своей «незаконной семьей». «Законной» был брат Евгений Яковлевич Хазин.

В моих воспоминаниях Н. Я. всегда служила. Она появлялась в Москве ненадолго из Читы, Чебоксар или Пскова, где служила на кафедрах педагогических вузов. Она читала в ванне газету. Больше газет в нашем доме не читал, кажется, никто. У нас на Лаврушинском⁵ она всегда мыла посуду. Она служила своему брату и его жене Елене Михайловне Фрадкиной (что было очень непросто). Она приглашала близких и дальних друзей, когда снимала дачу (я помню Верию и Тарусу) и все жили у нее в гостях, и она всем служила. Можно в письмах найти эти приглашения и реализованные обещания. Н. Я. до последних дней была очень гибкой физически – когда занималась со мной английским, сидела на крохотной трехногой табуретке, поджав под себя ногу, а иногда и обе ноги. Она не искала на что опереться и сидела прямо. И с окружающими людьми – она ни на кого не опиралась. Даже на мою бабушку Василису Георгиевну, про которую оставила такие пронзительные воспоминания. Н. Я. давала мне 3 рубля и говорила: «Никита, будет пир!». Я покупал на Пятницкой 300 г сыра, 300 г ветчины и пастилу. И такого пира,

⁴ Варвара Викторовна Шкловская-Корди. (Прим. ред.)

⁵ Имеется в виду Дом писателей по адресу Лаврушинский переулок, 17. (Прим. ред.)

как в эти наезды Н. Я. в Москву (она увозила с собой драгоценную бумагу для пишущей машинки – писала *Воспоминания*) – я не знал больше никогда.

Таким гостям Н. Я. служила собеседником, когда они приходили к ней со своими нуждами и разговорами, что я отлично понял Ф. Тютчева, когда услышал: «Блажен, кто посетил сей мир // В его минуты роковые». Как записал мой отчим, друг Н. Я. Николай Панченко: «...Сотни друзей и приятелей, среди которых сейчас и десятка, может быть, не припомню. Но все-таки: Саша Гладков, Женя Левитин, Ира Семенко, Юра Фрейдин, Миша Поливанов, И. М. Гельфанд, отец Александр Мень, Кома (Вячеслав) Иванов, Женя Пастернак, Леля Мурина, Нина Бялосинская, Варя Шкловская, Сергей Аверинцев, Варлам Шаламов, Саша Морозов, Елизар Мелитинский, Саша Борисов, Андрей Синявский, В. Я. Виленкин, Люда Сергеева, Лена Крандиевская, Оля Постникова, Наташа Горбаневская, Иосиф Бродский, Белла Ахмадулина, Миша Левин, Володя Вейсберг, отец Сергей Желудков, И. Д. Амусин, А. А. Любищев, Л. Н. Гумилев...»⁶.

Конец 60-х... Позвонил Солженицын: «У меня есть полчаса и два вопроса». – «А на третий вопрос я ему не ответила: истекло время», – шутит Н. Я.

Я помню этот приход Солженицына – Н. Я. вызвала бабушку Василису познакомиться в прихожей с ним, и я пришел с бабушкой.

Н. Я. меня крестила неожиданно – я бы сомневался еще долго. Мне было лет 18. Н. Я. служила мне руково-

---

⁶ Николай Панченко о Надежде Мандельштам. «Какой свободой мы располагали...» (1988)

дителем не часто, но ей не приходилось прекословить. Она сказала: «Не надо придумывать новых религий», повезла меня в Новую Деревню и о. Александр крестил меня в крошечной задней комнатке сторожки. Н. Я. стала моей крестной, а её кумом – Саша Юликов, прекрасный, как Иосиф с золотыми кудрями по плечам.

Решимость, с которой Н. Я. действовала, была во всем ее пути. Это было само собой разумеющимся, но почему, я отчетливо понял только на первом посмертном публичном действе, в «Клубе трамвайщиков» – в начале Перестройки. Собралось много людей, они не могли поместиться в здание. Это был мощный водоворот, который воспринимался не умом, а всей кожей. Выступление о. Александра Меня стало центром. Он взял в кулак микрофон и сказал очень коротко: «Почему так помнят и тянутся люди к Надежде Яковлевне? Потому что она не боялась смерти и потому что она решилась осуществить смысл своей жизни»...

Мне стыдно, что я морочу вам голову своими воспоминаниями, когда можно читать саму Надежду Яковлевну, слышать записи проповедей отца Александра Меня. Многие замечательные люди тратили на меня время и внимание, да и сейчас тратят, а я ничем не могу их отблагодарить – разве что преклонением перед теми, кто сохраняет тексты. Текст – это главное. Через них и происходит реальное общение с людьми. Текст «Авраама, Исаака, Иакова» – не есть Текст мертвых – но живых! Асинхронность человеческого общения – одно из величайших чудес Мироздания. «Блаженны не видевшие, но...» прочитавшие и – написавшие! Апостол Павел представляет для христианства никак не

Похороны Надежды Мандельштам, 02.01.1981 на Троекуровском кладбище. Гроб несут (слева направо):

*Андрей Анзимиров, Александр Морозов,
Никита Шкловский-Корди, неустановленное лицо;
на переднем плане – Юрий Крейнин*

меньшую ценность, чем апостол Фома, хотя последний и запомнился всем на свете инструментальным описанием проверки достоверности чуда: «пока не вложу...». И Сент-Экзюпери говорит, что для познания мира обязательно нужны инструменты – рубанок или самолет...

Отец Александр всегда служил и хорошо владел своими инструментами. Он был священником-виртуозом: то как он тебя видел (у меня было от его узñaюще-го взгляда ощущение, как от удара в лоб), как он говорил, как он протягивал руку, благословляя, как касался сквозь епитрахиль крестя после исповеди, как давал причастие – это все было действиями мастера – наполненными смыслом. Они не оставляли места сомнениям.

Такими же, не вызывающими сомнения, были его отношения с Н. Я.

Хотя Н. Я. была очень самостоятельна и решительна, с отцом Александром у неё, на мой детский еще взгляд, были совсем другие отношения. Н. Я. на него опиралась, ее отпускала напряженная прямизна. Они не служили друг другу, Н. Я. становилась как бы конгруэнтной, «вписанной» в о. Александра фигурой. Если бы я умел рисовать, я бы изобразил Н. Я., как младенца на руках о. Александра – есть, говорят, такие иконы: Иосиф с Младенцем, пока усталая Мария спит.

Я собирался во второй части говорить о науке, но позволю себе сейчас пробовать начать. Что наука знает о Божественном Слове, но не хочет признаться? Человечество открыло и научилось анализировать и (к собственному ужасу) модифицировать «Текст написанный не человеком» – текст ДНК. В словах ДНК и белка, конгруэнтность – это адрес. Когда подходящие молекулы сближаются, между ними замыкается множество «слабых» молекулярных связей. Если общей силы этих связей оказывается достаточно для взаимного узнавания, происходит взаимодействие. Это не что-то громоподобное, а наоборот микроскопическое – молекулярное слово белка, считанное рибосомой с Текста ДНК – это молекулярное «действие». «Мои слова – не твои слова... и они не возвращаются ко Мне тщетными» (См. Ис 55:11). К несчастью, я никогда не говорил об этом ни с Н. Я., ни с о. Александром...

Наука и вера не могут существовать друг без друга. Во всяком случае, вера называется слепой, если она не стремится к достоверности своего видения и к «истолкованию» своих «языков». Наука стремится к тому же «по определению».

Для простоты хочется отделить науку от магии. Может быть, это возможно, если договориться, что «тайное знание», является основой колдовства, а науке оно противопоказано. Ученый, скрывающий свои исследования, вызывает подозрение в корысти или в «работе на войну», что как раз и отправляет его в разряд опасных колдунов. В быту можно пробовать отличить науку от колдовства вопросом: «А как это сделано?». Научный ответ: «Вот так...» или «Не знаю». А колдун нам отвечает: «Никак!».

Для познания мира «наука» (по семейным обстоятельствам, для меня – физика), продолжая дело Адама, дает имена исследуемым явлениям, находя для них методы познания или измерения. Определением физической величины и является исключительно *метод измерения*: «длина, это величина, измеряемая сравнением с эталоном метра, а электрическое поле – силой, действующей на пробный электрический заряд». Для сложных явлений и методы сложнее: «По плодам их узнавайте их. Собирают ли с терновника виноград...» (Мф 7:16). Физика, усложняя эксперименты, вынуждена строить конструкции вплоть до ускорителей элементарных частиц. Мне трудно не считать отца Александра Меня ученым, как не могу так же не считать ученым врача, который лечит каждого больного индивидуально – пытаясь каждый раз достигнуть большего, узнать новое. Так что наука у нас получает экспериментальное определение в духе Антуана де Сент-Экзюпери: «Человек познает себя в борьбе с препятствиями. Но для этой борьбы ему нужны орудия. Нужен рубанок или плуг. Крестьянин, возделывая свое поле, мало-помалу вырывает у природы разгадку иных ее тайн и добывает

всеобщую истину. Так и самолет – орудие, которое прокладывает воздушные пути, – приобщает человека к вечным вопросам». Орудием познания мира для о. Александра было его священство – он владел этим инструментом виртуозно.

...Еще отрывочное воспоминание. Я шел к Н. Я. и перед её домом встретил Мишу Поливанова: «Иди, иди скорей, – сказал он мне, – ты там увидишь необычайное зрелище!». Впечатление осталось «пейзажное»: на 6-метровой кухне у Н. Я. стоит скала, и вокруг нее прыгает маленький рыцарь, как кузнецик такой. Это были Лев Гумилев, который прыгал вокруг о. Александра и с разных сторон в него бросал имена, идеи – стрелы своих знаний. И каждый выпад встречало знание, понимание, сочувствие о. Александра. Летели искры – это было как фейерверк! Когда разговор заканчивался, Лева сказал: «Я никогда ничего не видел подобного и никогда не мог ожидать, что мне когда-нибудь встретится такой человек, тем более священник, который до такой степени погружен в знание культуры, в знание науки». Отец Александр ему улыбнулся, и тогда Лева сказал: «Ну и Вы, наверное, не ожидали встретить такого человека прекрасного, как я». Н. Я. любила обоих, но, конечно, была здесь Дамой о. Александра. В этом турнире трудно говорить о победе (особенно мне), но про о. Александра, можно сказать, что он-то был готов ко всему и ожидал *Встречу*.

Если мы верим, что Христос воскрес, то мы можем ожидать, что встретим Его однажды. Даже должны, наверное, хотеть его встретить.

Апокрифы Евангелия имеют тогда право на существование, как рассказы об отдельных случаях. «Перевод-

чик Штайн» – это о встрече с Христом. Улицкая его встретила и нам рассказала. Но если мы не встречаем Его и нам трудно в Него верить, и мы продолжаем спрашивать себя и других, не проявляем решимость, которой отличались о. Александр, и Надежда Яковлевна, а хотим, чтобы окружающие нам служили, нас настигает вопрос Антония Сурожского: «Бог мог бы сказать: “Ты, спрашивающий есть ли Я, и где Я, и почему Я не вмешиваюсь, сам-то ты где? Если ты в центре трагедии, то твое присутствие там и является Моим присутствием, а если тебя там нет, то твое отсутствие заслоняет Мое живое присутствие в мире”»...

Вот сейчас мне кажется, что мне удается сформулировать, что дало мне знакомство с Н. Я. и о. Александром – глядя на них, я видел, что они находятся в этом «центре трагедии», я чувствую существование «центра», как реальность. И вот, тогда, когда отец Александр был убит, этим утром воскресным, это было то самое место, где я заслонял живое присутствие Бога... Тут нечем оправдаться, ни тем, что мне хотелось спать, ни тем, что были обстоятельства... Я мог быть там.

Но чудо состоит в том, что когда я думаю об этом с отчаянием, я чувствую, что есть непостижимое, незаслуженное прощение...

Москва
Март 2020

Священник Владимир Зелинский

СТРАНИЦА ВОСПОМИНАНИЙ

*Отец Сергий Желудков,
Надежда Яковлевна Мандельштам,
отец Александр Мень*

...В августе 1972 года, прогулявшись по Валдаю, а затем по Литве, мы с Михаилом Аксёновым-Меерсоном, будущим о. Михаилом, отправились во Псков.

Я любил Псков, бывал потом там много раз, помню, в те годы он всегда начинался с роскошной лужи во всю ширину привокзальной площади. Вспоминаю о ней ностальгически. Это был плотный день; после литургии в соборе мы с Мишой прошлись по реке Великой, съездили во Псково-Печерский монастырь, осмотрели Печоры, а вечером оказались в доме о. Сергея Желудкова, жившего на самой окраине Пскова, в пригороде по имени Любятово.

Любятово – историческое место. Его по преданию посетил Иван Грозный, шедший из уже разоренного им Новгорода утопить в крови и Псков. Царь был отменно благочестив, прежде чем начать резню, долго молился перед иконой Богоматери, которая получила имя Любятовской. Будто бы Она велела ему притупить мечи его (иродовым) воинам и Псков пощадить. Сейчас в этом храме, скорее в том, что стоял на его месте, уже много-много лет подряд служит давний мой добрый знакомый о. Владимир Попов.

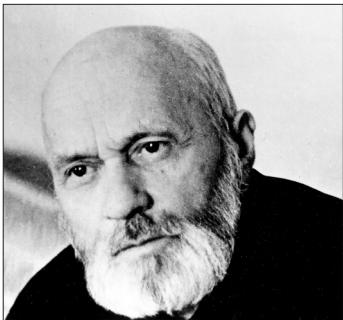
Отца Сергея не надо было предупреждать о визите. К тому же, у него, кажется, тогда не было и телефона. И он не удивлялся, а только радовался нежданным

визитам. Когда мы вошли, отец Сергий как раз принимал гостей. Справа от него сидела Надежда Яковлевна Мандельштам, которую до того ни Миша, ни я никогда не видели, но узнали сразу. Напротив нее сидел высокий прямой старик, в котором, хоть и был он в советском поношенном пиджаке, сразу угадывалось не просто духовное сословие, но и что-то незаурядное. Наше появление не прервало их беседы. Старик, как выяснилось, был дьяконом из Сибири. Не просто дьяконом, а *непоминающим*, катакомбным. В тот момент он рассказывал, как после 1927 года, узнав о Декларации митр. Сергия, община отрядила его в Москву на встречу с митрополитом, чьи покои располагались тогда в небольшой тесной квартирке. Хотя и затравленный, согнутый властями, но все же князь Церкви, он, как ни странно, сразу же принял сибирского посланца. Тот от лица общины попросил показать ему Декларацию и потребовал (!) от владыки разъяснений. Владыка покорно подчинился, покопался у себя в конторке и вынес ему мятую слеповатую копию: «Вот, ее вы можете взять». И что-то еще устно прибавил. Отец Сергий Желудков, хотя сам был из вольномыслящих и диссидентствующих, испытывал непрятворную симпатию к митрополиту Сергию и еще раз умилился его тогда смирению. Но дьякон, кажется, умилению не поддался, бумажку принял, а Декларацию, как таковую, нет, заплатив потом за свое непримиримое стояние, как поголовно почти все *непоминающие*, многими годами каторги.

Надежда Яковлевна, как я заметил, просто любовалась им, а это, как все знали, было ей далеко не свойственно. Он был совсем не ее круга, что ей, скорее,

нравилось. «Бывает же и достойная старость», – сказала она тихо отцу Сергию, кивнув на дьякона. Тот ничего не знал ни о ней, ни о ее муже. На его прямой вопрос, кто она, чеканно ответила: «Я – вдова великого русского поэта. Мальчишки, – кивок в нашу сторону, хотя ни одного из нас она никогда не видела, – расскажут вам, какой это был громадный поэт. Его взяли в 1938 году, а через несколько месяцев бросили в общую яму с биркой на ноге».

Мы молча кивнули, сидя поодаль и внимая почтильно. Но в какой-то момент Миша вломился в разговор буквально напролом, с той смелостью, с какой человек ввязывается в дело заведомо рискованное. Мы оба знали, что язык Надежды Яковлевны и всегда остр, порой ядовит, уж тем более по отношению к этим «московским мальчишкам», коих она привыкла, всерьез ли, в шутку, хлестать как крапивой. Я тогда не проронил ни слова, удивляясь Мишиной храбрости. Совсем недавно мы, каждый порознь, прочли первую книгу ее *Воспоминаний*, и, хотя в общем хорошо представляли себе опыт ее поколения, были потрясены. Она сумела передать то ощущение жизни на волне, из которой был выкачен воздух и было нечем дышать. Вот об этом мой друг и решил ей рассказать при молчаливом моем одобрении. И по сей день я считаю ее книги классикой о советском времени.

Священник
Сергий Желудков
(1909–1984)

Лишних спальных мест в доме о. Сергия, конечно, не было, но был сеновал, и, переночевав там, мы вернулись в Москву. Через три месяца, в декабре, мы провожали Мишу в Вену.

Это была первая встреча с о. Сергием, за которой последовало множество других. Он часто приезжал в Москву, вообще был очень динамичен, и главной деятельностью его в ту пору была заведенная им переписка о поиске смысла жизни и смысла веры. Она называлась *Христианство и атеизм*. В этот диалог он хотел вовлечь «героических агностиков», всегда предоставляя им особо почитаемое место. В такой роли в рамках той переписки подвизался Кронид Любарский, человек талантливый не только как физик, но и полемист, недавний «узник совести», отбывший пять лет в лагере, за что безмерно о. Сергию уважавшийся. Кронид даже отвергал для себя честь называться агнотиком и отстаивал право просто быть атеистом.

Консервативный, т.е. на самом деле, скорее традиционный, голос принадлежал о. Павлу Адельгейму, служившему тогда во Пскове, с ним как раз о. Сергий любил спорить, был там и строго православный, горячо неуемный социалист А. Э. Краснов-Левитин. Уверенным, убедительным, как всегда, деликатным и доказательным, был голос о. Александра Меня; не могу вспомнить, увы, какой он там буквой обозначался, но узнать его голос легко. Ибо собственных имен там не было, только буквы, их там было немало. Он, кстати, с его мягкой трезвостью убеждал о. Сергия не записывать Кронида Любарского в «канонимные христиане» (о. Сергий, прослушав об этой идее Карла Ранера, тогда очень ею увлекся), оставив ему то место, которое

он хотел занимать. Сейчас, когда труды о. Александра широко издаются, не уверен, что кто-то заинтересовался этой давней, 70-х годов перепиской. Между тем, помню, что письма его, пусть немногие, были довольно пространными, написанными щедро (принимая во внимание непостижимую занятость автора), но так и оставшиеся анонимной, но великолепной апологетикой. И по сей день актуальной.

Они не просто были привязаны друг к другу, но и очень друг друга ценили, несмотря на то, что явная, хоть и вдумчивая, традиционность о. Александра не очень вмешалась в безбрежную широту о. Сергия, а некоторая его «богемность» была никак не в меневском стиле. Но о. Александр говорил лично мне и, вероятно, повторял и другим, что из писателей, именно писателей, не богословов, не специалистов по духовным вопросам, лучшим он считает о. Сергия Желудкова. Отец Сергий был одарен какой-то почти розановской открытостью, таким спонтанным талантом быть искренним, который почти всякого читателя, если он ему явно не враг, умеет сразу же понимающим другом, доверительным собеседником. В разговоре о вере у него был дар мгновенного преодоления дистанций. Редко у кого такой есть.

В Интернете я нашел о нем такую цитату из о. Александра:

«В 58-м году (я еще был начинающий служитель Церкви) мне попалась книжка, самиздатская, которая называлась “Литургические заметки”. Я стал читать — и был поражен! Блестящий стиль, свежая мысль, смелый подход к проблемам, с которыми я в алтаре уже столкнулся давно, ибо с 50-го года уже находился в

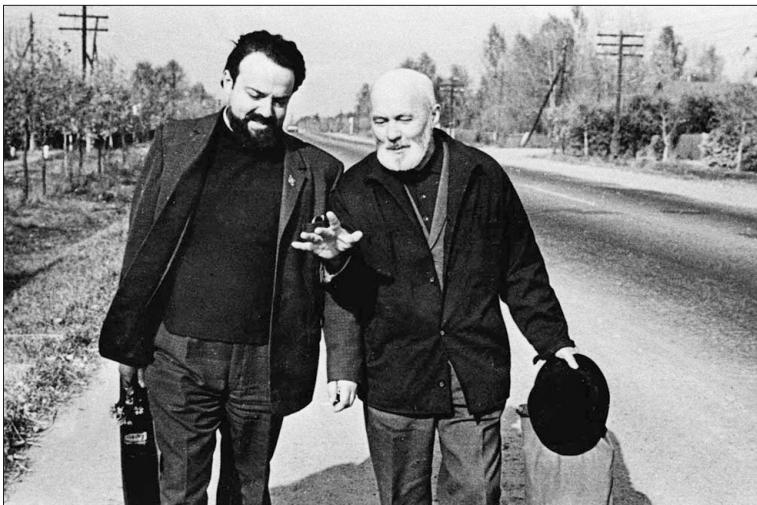

*Отец Александр Мень и отец Сергий Желудков
на Новодеревенском кладбище (1976 г.)*

алтаре и невольно думал об этих церковных проблемах. И вдруг я нахожу человека, который говорит об этом смело, и как он это говорит! И там стояло: “С. Желудков”. Кто бы это был? — я понятия не имел об этом человеке, у нас в Москве о нем никто не слышал. Я понимал, что это выдающийся стилист, человек яркой мысли! Откуда он взялся?..

В этом же году я поехал в Ленинград, и в Ленинградской духовной семинарии увидел на стенде фотографии выпускников; среди них была фотография человека, священника, какого-то кавказского типа, с черной, иссиня-черной бородой, лысоватого, с глубокими такими глазами. И я подумал: вот, оказывается, какой этот Желудков».

В те годы о. Сергий был уже заштатным священником, не служил и редко бывал в Новой Деревне. Я

*Отец Александр Мень и отец Сергий Желудков
(Новая Деревня, 1976 г.)*

слышал частые упоминания друг о друге обоих отцов, но увидеть их вместе мне довелось лишь на отпевании о. Сергия. Оно происходило в левом приделе патриаршего Елоховского собора, и попасть туда, даже на собственное отпевание, очень было непросто. Татьяна Гавриловна Дроздова¹, преданный друг, можно сказать,

¹ «Татьяна Гавриловна Дроздова, прихожанка Любятовской церкви (г. Псков), узнав о бедственном положении отца Сергия (1960 г.), переписала принадлежавший ей в с. Любятове домик на Сергея Алексеевича Желудкова, и создала ему условия, при которых он смог жить, принимать людей и творчески трудиться. Лишь через несколько лет удалось выхлопотать отцу Сергию небольшую пенсию. В этом доме о. Сергий прожил до конца своих дней. На стене – фотографии любимых людей: Андрей Сахаров, священники Глеб Якунин и Александр Мень, Солженицын, Надежда Мандельштам пьет чай на деревенской кухне, Сергей

отца Сергия, говорила: «А я вот привезу гроб с телом в Елоховский, пусть они попробуют меня вытолкнуть». Отец Сергий во всех отношениях был не в чести у властей. И как диссидент гражданский, и как диссидент церковный, каковым до сих пор остается, и вообще, кем он был? Заштатный иерей из Пскова, служивший когда-то на Урале и в Киржаче, пусть и умер в Москве, но если начать всех таких отпевать в главном храме страны... Но «они» и не попробовали его выталкивать, Татьяна Гавриловна умела на своем настоять, отпели в Елоховском. На отпевание успел тогда и отец Александр. Он не служил, просто постоял рядом, безмолвно молясь над гробом.

Это был единственный раз, когда я видел его не святымся, не лучезарным. Он был в светском, в 12 часов дня, как я потом узнал, у него был назначен допрос в КГБ, тогда и его судьба решалась. Он ушел, может быть, даже на несколько минут раньше, чем кончилась служба, ни с кем не поговорив. И было видно, ему не хотелось особенно разговаривать. Стоял конец января 1984 года, время было холодным во всех смыслах, ничего доброго не обещающим. Отец Сергий, хоть он часто говорил об «опыте смерти», в который ему скоро предстоит войти, умирать на самом деле не собирался и после операции надеялся выйти из больницы. Его смерть от рака всем нам, любившим его, показалась тогда неожиданной. Я не запомнил его облика в гробу, но хорошо помню сосредоточенное, насупленное лицо

Довлатов приехал попросить благословения и попрощаться перед эмиграцией...»

Цит. по: *Памяти отца Сергия Желудкова*. // Христианос-II. Рига: ФИАМ, 1993. С. 57. (Прим. ред.)

о. Александра над гробом, словно на нем уже лежала тень его собственной гибели.

А самого отца Александра в последний раз я видел в мае 1990 года в Брюсселе и имел радость провести с ним целый день, побродить по городу. Он был весел, от будущего ожидал добра, но об этом я уже писал в «Христианосе» лет 20 назад.

*Италия, Брешия
Апрель 2020*

Константин Сигов

Константин Борисович Сигов, философ, директор издательства «Дух і літера» и Центра европейских гуманитарных исследований Национального университета «Киево-Могилянская академия». Живет в Киеве.

РЕЖИМ БЕЗВРЕМЕНЬЯ И СТОЛЕТИЕ ВСТРЕЧИ ОСИПА И НАДЕЖДЫ МАНДЕЛЬШТАМ*

Варлам Шаламов и Надежда Мандельштам

Мир открыл Надежду Мандельштам вскоре после подавления советскими танками «Пражской весны» в 1968-м году. На Западе была опубликована её ошеломительная книга *Воспоминаний* о ленинском и сталинском терроре, который обрушился на поколение ее мужа – гениального поэта Осипа Мандельштама¹.

Варлам Шаламов писал о книге Надежды Мандельштам: «В историю русской интеллигенции, русской литературы, русской общественной жизни входит новый

---

* Статья развивает текст доклада, прочтенного в Италии на конференции «Uomini liberi. La cultura del samizdat risponde all'oggi» (12–15 ottobre 2018: Seriate, Italia).

¹ Английский перевод книги Н. Мандельштам *Hope against hope* вышел в США в 1970 и стал бестселлером. Франция зачитывалась книгой Н. Мандельштам *Contre toute espoir*. Итальянский перевод – *L'erosa e i lupi. Memorie* (Mondadori). Русский оригинал «Н. Я. Мандельштам. Воспоминания» впервые был опубликован в 1970 г. в Нью-Йорке в изд-ве им. Чехова; а в Москве – в изд-ве «Книга» в 1989 г.

*Надежда
Мандельштам.
Фотография ателье
М. Фельглендер.
Ялта, 1926 г.*

*Осип Мандельштам.
Снимок штатного
фотографа
журнала «Огонёк».
Москва, 1923 г.*

большой человек. Суть оказалась не в том, что это вдова Мандельштама, свято хранившая, доносившая к нам заветы поэта, его затаённые думы, рассказавшая нам горькую правду о его страшной судьбе. Нет, главное не в этом и даже совсем не в этом, хотя и эти задачи выполнены, конечно. В историю нашей общественности входит не подруга Мандельштама, а строгий судья времени, женщина, совершившая и совершающая нравственной подвиг необычайной трудности...»

Шаламов первым за деревьями частных споров увидел «лес» большой книги о кругах советского ада. Перед нами – подчеркнул Шаламов, – «оригинальное, свежее

произведение. Расположение глав необычайно удачное. Хронологическая канва, переплетенная то с историко-философскими экскурсами, то с бытовыми картинками, то с пронзительными, отчетливыми и верными портретами, – в которых нет ни тени личной обиды». Шаламов заключает: «*Ею создан документ... своей внутренней честностью превосходящий всё, что я знаю на русском языке. Польза его огромна*»². Глубину этой Шаламовской мысли помогает понять статья Ричарда Певаара, сопоставляющая необыкновенную структуру *Воспоминаний* с «Илиадой» Гомера³.

«Большинство мемуаров организованы хронологически, а мемуары Надежды Мандельштам структурированы как “Илиада”. [...]»

Мемуары Надежды Мандельштам начинаются с яростного жеста: “Дав пощечину Алексею Толстому, О. М. немедленно вернулся в Москву”. Этот жест имел предысторию. Фактически это был кульминационный момент, который, в свою очередь, запустил в ход объединяющее действие книги. Действие это – не просто рассказ о жизни Мандельштама. Аристотель прав, когда он говорит в “Поэтике”, что единство действия не достигается тем, что оно вращается вокруг одного человека. Спустя несколько дней после пощечины Алексею Толстому последовал первый арест Мандельштама. Это было в мае 1934 года. Книга начинается этим первым арестом и заканчивается смертью поэта

---

² Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений в 2 т. – Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества), 2014. Т. 1. С. 42–43.

³ Richard Pevear. On the Memoirs of Nadezhda Mandelstam // The Hudson Review, Vol. 24, No. 3 (Autumn, 1971), pp. 427–440.

или слухами о его смерти в пересыльном лагере под Владивостоком в 1938 году. Действие длится четыре года. Но книга длится более пятидесяти лет, примерно с 1912 по 1964 год или позднее. Надежда Мандельштам ведет свой рассказ искусно, по-гомеровски, с отступлениями, комментариями, предвосхищениями, втягивая в повествование людей, события и истории, не заботясь о хронологии, а используя ассоциативный и сравнительный методы гомеровского эпоса. Ее книга воплощает одно единое действие, но в то же время она воссоздает мир, историческую эпоху, в которую это действие включено.

...Надежда Мандельштам помещает в центр книги рассказ о преследованиях и смерти мужа, а также о его бунте и отстаивании себя: именно в свете судьбы поэта она рассматривает и судит историческую эпоху⁴.

В 1968 году Надежда Мандельштам отважно предложила свою рукопись журналу «Новый мир». Главный редактор Твардовский написал ей восхищенное письмо о книге и развел руками о сроках ее публикации...

Все три книги Н. Мандельштам были опубликованы в «тамиздате» на Западе и попадали контрабандой в СССР.

Читатели нонконформисты находили у Надежды Мандельштам мастерский антропологический анализ коммунистического эксперимента. В советском человеке были отмечены черты, упрямо не желающие и сегодня уходить в прошлое: «...Желание просить разрешения у высшего начальства по всякому поводу. Это и

⁴ Певеар Ричард. Поэзию нельзя похоронить. Пер. с англ. Лариса Волохонская-Певеар. Цит. по: Альманах «Дары». – М., 2019 г. № 5. С. 31–32.

тот конформизм, именуемый “моральным единством” или “высшей дисциплинированностью общества”. Это и желание написать донос раньше, чем написан на тебя; это и стремление каждого быть каким-то начальником, ощутить себя человеком, причастным государственный силе. Это и желание распоряжаться чужой волей, чужой жизнью. И главное всего – трусость, трусость, трусость...»⁵.

При этом читателя калибра Шаламова поражал в тексте Н. Мандельштам ее лейтмотив: «...Но велика и сила сопротивления – и это сила сопротивления, душевная и духовная, чувствуется на каждой странице»⁶.

Новая Антигона

Надежда Мандельштам исследует эпидемическое действие вируса, который она называет «гэпэушным презрением к людям»⁷.

Многие страницы ее анализа «вождизма» перекликаются с трактатом Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма», расширяя историю болезни на три поколения подсоветских людей.

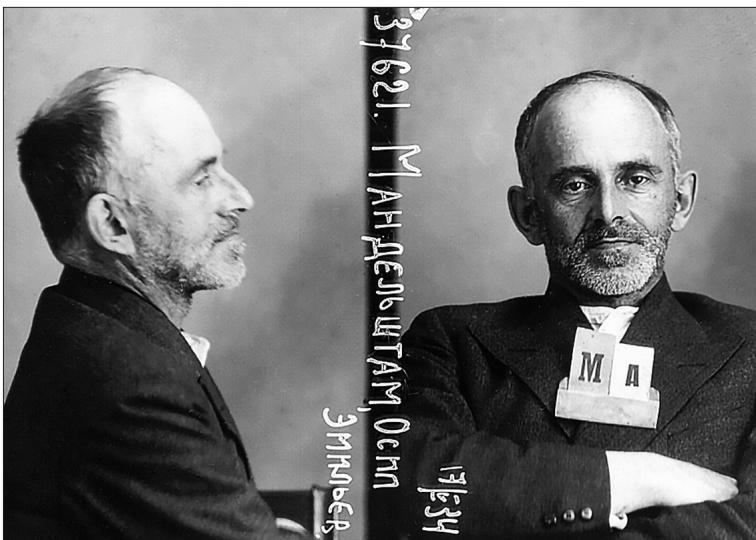
Отличает ее книгу оголённый нерв свидетельства о расправе советского режима над ее мужем – поэтом

---

⁵ Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений в 2 т. – Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 44.

⁶ Там же. Т. 1. С. 44. Эти слова из письма Шаламова к Надежде Мандельштам цитирует П. Нерлер в предисловии «Свидетельница поэзии».

⁷ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – М.: Книга, 1989. С. 255.

Осип Мандельштам.
Тюремная фотография из его следственного дела.
17 мая 1934 г.

Осипом Мандельштамом, уничтоженном голосе целой эпохи⁸. Пауль Целан – конгениальный переводчик стихов Осипа Мандельштама – называл его книгу *Tristia* лучшим поэтическим сборником XX века. Сегодня поэт и критик Томас Венцлова подтверждает, что в этой оценке нет преувеличения.

⁸ См.: Аверинцев С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Соч. в 2 т. – М., 1990. Т. 1. С. 5–64; Седакова О. Прощальные стихи Мандельштама // Осип Мандельштам и XXI век. Материалы международного симпозиума. – М., 2016 г. С. 23–50; Глазова Е., Глазова М. Подсказано Дантом. О поэтике и поэзии Мандельштама. – К.: Дух і літера, 2011. С. 724; Пучков А. «Киев» Осипа Мандельштама в интонациях, пояснениях, картинках. – К.: Дух і літера, 2018. С. 216.

Отец Александр Шмеман уловил суть трагедии, отличающей свидетельство Надежды Мандельштам: «При всеобщем молчании и равнодушии гибнет не только великий поэт, но поэт, чья поэзия – в этом тезис Н. Я. – является в последнем счете единственным “антидотом” бесовщины, завладевшей Россией. Задача Н. Я. не только защитить память о муже, поведать о нем и сохранить его литературное наследство, но и в том еще, чтобы показать всю глубину этой трагедии, т.е. т^{<ак>} ск^{<азать>}, именно не случайность гибели именно Мандельштама и именно такой гибелью. В этом контексте отношение к нему и его гибели “литераторов” и “литературы” приобретает решающее значение. Права или неправа Н. Я. в своей грандиозной схеме, это уже другой вопрос, но невозможно в чем бы то ни было “упрощать”, мне кажется, ее аргументацию. В каком-то смысле ее личные “нападки” поднимают тех, на кого она нападает, возносят их на уровень той трагедии, уразумение которой одно может, употребляя выражение Н. Я., привести к “катарсису”»⁹.

Осипа Мандельштама убили в советском ГУЛАГе зимой в 1938-м году. Место на Дальнем Востоке, где было брошено в яму его тело, предано забвению. Все созданное поэтом сталинский режим также обрекал смерти и забвению. Запрет на память – *damnatio memoriae* – был тем государственным насилием, с которым всю жизнь вела одинокую борьбу вдова поэта. Она заучила наизусть не только стихи Осипа Мандельштама, но также его прозу и статьи, чтобы спасти их от уничтожения.

---

⁹ «Посмотрим, кто кого переупрямит...» Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. / сост. Нерлер П. М. – М.: АСТ, 2015. С. 433.

Ей говорили в глаза: «Надька на ногах не держится... Ну, ничего: у Антигон выходных дней не бывает...»¹⁰.

Надежда Мандельштам стала голосом миллионов бесправных и безголосых советских вдов. Она писала: «Миллионы неосуществившихся Антигон прятались по углам, заполняли анкеты, ходили на службу и не сме-ли не то что похоронить, но даже оплакать своих мертв-вцев. Плачущая женщина немедленно потеряла бы службу и сдохла с голоду. Медленно подыхать с голоду гораздо труднее, чем быть казнённой»¹¹.

Надежда Мандельштам всю жизнь, день и ночь ждала ареста вплоть до самой смерти в Москве в конце 1980 года. Её всё-таки арестовали после смерти, но не-надолго. Накануне нового 1981 года в её однокомнатную квартиру в Черёмушках, где друзья скорбели и молились вокруг ее гроба, пришли гэбешники с мили-ционерами и насильно отвезли ее тело в морг. Но 1-го января друзья увезли Н. Я. из морга в церковь, где на следующий день было отпевание.

В ограде её могилы появился первый на земле памят-ный знак: «Светлой памяти Осипа Эмильевича Ман-дельштама».

После 1991 г. памятные знаки стали появляться в Москве, Ленинграде, Воронеже. В 1993-м году в Па-риже мы пришли с Никитой Струве открывать доску на доме, где жил Осип Мандельштам возле Сорbonны (12, rue de la Sorbonne).

В 2018 г. 5 июля в центре Киева была открыта замеча-тельная памятная доска Осипу и Надежде Мандельштам.

¹⁰ Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений в 2 т. – Ека-теринбург, 2014. Т. 2. С. 164.

¹¹ Там же. С. 165.

По инициативе издательства «Дух и литература» и украинского ПЕН-клуба доску поместили на том доме возле Крещатика, где Мандельштамы жили в Киеве в 1920-е годы (ул. Марии Заньковецкой, 3/1).

100-летие встречи Осипа и Надежды Мандельштам

Они впервые встретились 1 мая 1919 года в Киеве, родном городе Нади Хазиной (её девичья фамилия). Детство и юность Нади прошли в Киеве. Она много болела, и родители вывозили ее лечиться в Швейцарию, Германию, Францию и Италию в 1905–1914 годах. Благодаря этим поездкам и лучшей киевской гимназии Надежда овладела французским, английским и немецким языками. Далее Надежда входит в круг киевских авангардных художников, открывающих новые горизонты творчества вместе с Казимиром Малевичем и Александрой Экстер.

Но не счастливое довоенное детство назовёт Надежда настоящим началом своей жизни, а встречу с Осипом Мандельштамом.

«Жизнь моя начинается со встречи с Мандельштамом. Первый период – совместная жизнь. Второй период я называю загробной жизнью и именно так ее ощущаю, но не в вечности, а в невероятном мире могильного ужаса, в котором я провела пятнадцать лет

(1938–1953), а в целом – двадцать лет непрерывного ожидания (1938–1958). ...Меня мучительно преследовало ощущение разрыва между первым и вторым периодом – два не связанных между собой куска, один – полный смысла и событий, второй – лишенный всего, даже продолжительности, длительности. ...Единственной реальностью в эти годы были встречи с Ахматовой, но только наедине, с глазу на глаз.

Третий период – с конца пятидесятых годов, когда я получила право называть свое имя, объяснять, кто я и о чем думаю. Почти сразу обе части моей жизни – первая и третья – воссоединились... Жизнь снова стала целостной и единой. Еще большую целостность она приобрела, когда я написала в первой книге о том, что с нами было»¹².

Отец Александр Мень был другом и духовником Надежды Мандельштам, и помог ей найти слова для её свидетельства о вере: «Если бы не вера в будущую встречу, я бы не могла прожить эти десятки одиноких лет. Я смеюсь над собой, я не смею верить, но вера не покидает меня. Встреча будет, и разлуки нет. Так обещано, и в этом моя вера»¹³.

Осипа Мандельштама арестовали в 1938-м году в ночь с 1 на 2 мая.

Надежда вспоминала: «Ночью в часы любви я ловила себя на мысли – вдруг сейчас войдут и прервут? Так и случилось 1 мая 1938 г., оставив после себя своеобразный след – смесь двух воспоминаний»¹⁴.

¹² Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений в 2 т. – Екатеринбург, 2014. Т. 2. С. 381.

¹³ Там же. С. 274.

¹⁴ Мандельштам Н. Я. Об Ахматовой. – М.: Три квадрата, 2008. С. 111.

*Надежда Мандельштам.
Москва, 1925–1927 гг.*

День их первой встречи 1 мая 1919 г. Осип и Надежда праздновали, вспоминали и часто к нему возвращались. Например, в 1926 году Осип Мандельштам писал: «Надюшок, 1 мая мы опять будем вместе в Киеве и пойдём на ту днепровскую гору тогдашнюю...»¹⁵.

Столетний юбилей может стимулировать новое прочтение книг Осипа и Надежды Мандельштам – многое в них сегодня звучит так, как будто написано прямо на злобу дня. И дело не только в реванше неосталинистов и иже с ними. Проблема в сокрушительных результатах невнимания к продолжению советской антропологической катастрофы. Политические последствия нигилистического обнуления культуры сегодня вновь угрожают «меньшинству» вменяемых читателей¹⁶.

Мир знает и продолжает читать Ханну Арендт и Симону Вейль, и это справедливо. Несправедливо, что даже люди, которые читают этих великих женщин XX века, еще по-настоящему не прочитали воспоминания Н. Я. Мандельштам. Надежда Мандельштам – великий

¹⁵ Мандельштам Осип. Собрание сочинений. Письма. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. Т. 4. С. 68.

¹⁶ Подробнее об этом в статье «Против “террористической гипотезы” о человеке: лейтмотив философии Ханны Арендт».

свидетель того, что происходило на «кровавых землях», которые описал Тимоти Снайдер. Задолго до появления исторического исследования Тимоти Снайдера «Кровавые земли» (2010)¹⁷ Надежда Мандельштам подчеркивала в своих *Воспоминаниях*: «В “Четвертой Прозе” О. М. назвал нашу землю кровавой»¹⁸.

В 1928-м году свою последнюю книгу «Стихотворения» Мандельштам, ради защиты от расстрела ни в чем невиновных людей, подарил одному из лидеров большевиков Николаю Бухарину с надписью: «Каждая строчка этих стихотворений говорит против того, что вы намереваетесь сделать»¹⁹.

Корни нынешней дискуссии по поводу «постправды» восходят к исторической ситуации, о которой Надежда Мандельштам пишет: «Сфабриковать документы не так трудно, люди в застенках подписывали черт знает какой бред, напугать старуху стукачами и провокаторами ничего не стоит... Но как будут историки восстанавливать истину, если всюду и везде на крупицу правды наслоились груды чудовищной лжи? Не предрассудков, не ошибок времени, а сознательной и обдуманной лжи?»²⁰.

Но ради своей «крупицы правды» новая Антигона пошла по ту сторону отчаяния и страха.

---

¹⁷ Тимоти Снайдер. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. – Киев: Дуліби, 2015. – 584 с.

¹⁸ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – М.: Книга, 1989. С. 166.

¹⁹ Там же. С. 106.

²⁰ Там же. С. 22.

Прощай, Европа?..

«Изолировать, но сохранить»: эта формула о ссылке поэта в 1934 году означала, что уничтожение его временно отложено. Жене разрешили сопровождать мужа к месту ссылки. Зловещее действие «изоляции» она ощутила на московском вокзале. Надежду Мандельштам провожали на вокзал Анна Ахматова и родные. Она вошла в вагон, где в самом дальнем купе три конвоира охраняли Осипа Мандельштама. За окном на перроне стояли его родной брат и брат Надежды. Поэт пытался открыть окно, но конвоир запретил: «Не положено». Мандельштам не отходил от окна и пытался что-то сказать, но стекло не пропускало звуков. «Слух был бессилен, а смысл жестов неясен. Между нами и тем миром образовалась перегородка. Еще стеклянная, еще прозрачная, но уже непроницаемая. И поезд ушел на Свердловск»²¹.

В поезде под конвоем Мандельштамы переступают роковую черту гражданской смерти и утраты какой-либо связи со своей прежней жизнью, «так как появилась абсолютная уверенность, что все мы вступили на колею бесповоротной гибели»²². Обреченность отсекает их от самых близких друзей, от самой сути их жизни, которую неожиданно для нас Надежда Мандельштам называет «Европой»: «Конец всему – близким, друзьям, Европе, матери... Я говорю именно о Европе, потому что в “новом”, куда я попала, не существовало всего того европейского комплекса мыслей, чувств и

---

²¹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – М.: Книга, 1989. С. 37.

²² Там же. С. 38.

представлений, которыми я до сих пор жила. Другие понятия, другие меры, другие счеты...»²³.

Надежда Мандельштам описывает «сдвиг сознания» людей, чей радикальный опыт обреченности выталкивает их из зоны тревоги и страха – к полному безразличию. О каком сопротивлении может говорить человек, оказавшийся в этой области небытия? «Перед лицом обреченности даже страха не бывает. Страх – это просвет, это воля к жизни, это самоутверждение. Это глубоко европейское чувство. Оно воспитано самоуважением, сознанием собственной ценности, своих прав, нужд, потребностей и желаний. Человек держится за свое и боится его потерять. Страх и надежда взаимосвязаны. Потеряв надежду, мы теряем и страх – не за что бояться»²⁴.

Когда человек теряет все, даже отчаяние, на него наваливается гнетущее, физически ощутимое безразличие «весом почти в пуд». Ключевой характеристикой этого состояния ступора оказывается полная утрата времени: «И тут оказалось, что времени больше нет, а есть только сроки до осуществления этого бесповоротного, которое подстерегает всех нас с нашей Европой, с нашей горсточкой последних мыслей и чувств»²⁵.

Нигилистический запрет на «европейское чувство» обрекает свои жертвы на заключение в зону опыта уничтожения «Европы» в конкретном месте, поезде или лагере, городе или стране. Учет этого опыта сегодня существенно меняет параметры вопроса о том, принадлежит ли данная страна к Европе или нет. Это больше не

---

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

вопрос из учебников политической и культурной географии. Это вопрос памяти в конкретном месте о той Европе, которая тут жила когда-то, но была изгнана и уничтожена.

Поезд на восток, в котором по решению Кремля и Лубянки под конвоем увозят поэта и его жену, – реальная деталь сталинской эпохи. Мандельштамовское описание гибельной колеи этого поезда подводит черту всей предшествующей истории споров на тему «Европа и Россия» вплоть до Бердяева, Булгакова и Зеньковского²⁶.

Будущее и режим безвременья

Поезд становится символом неумолимой и непреодолимой силы, которая увлекает массы людей иррациональной неизбежностью – «возврата нет». Техника «железной необходимости» исторического детерминизма лишает людей воли и свободного суждения. Циничное разоблачение всей истории твердит о том, что всюду и всегда, явно или скрыто всё решают насилие и произвол. Готовые формулы из газет люди повторяют другим, доказывая, что «теперь все иначе» и этим оправдывают все, что угодно.

Надежда Мандельштам сравнивает силу воздействия этой идеологии детерминизма с гипнотическим сном: «Нам действительно внущили, что мы вошли в

---

²⁶ См. историю этих споров и библиографию, например, в книге Василия Зеньковского «Русские мыслители и Европа» (Париж: YMCA-PRESS, 1926. – 291 с.). Переиздание: Зеньковский Василий. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005. – 368 с. См. также Konstantin Sigov. La «Cometa senza legge» della filosofia russa e il criterio del diritto // Archivio Storico Edizioni Scientifiche Italiane, № 2 2015, Napoli.

новую эру и нам остается только подчиниться исторической необходимости»²⁷. Даже те, кто только слышал о терроре, принимали неизбежность насилия и распространяли этот вирус обреченности как «психологическую чуму». Надежда Мандельштам подробно описывает круги ада, по которым сами шли и увлекали за собой других отказавшиеся от последних остатков «европейских чувств». Персоналии этих дантовских кругов, слуги государства и деятели культуры торопят отказаться от прежнего мира человечности и поскорее сдаваться в плен режиму, не терпящему альтернатив. Идолу этого режима приносят любые жертвы, – близких, друзей, все, чем жили прежде.

Режим бывременъя требует абсолютного подчинения «настоящему моменту». Он отменяет все права прошлого и узурпирует абсолютный контроль над будущим. Но в этой слепой точке таится его уязвимость. «Все виды убийц, провокаторов, стукачей имели одну общую черту – они не представляли себе, что их жертвы когда-нибудь воскреснут и обретут язык. Им тоже казалось, что время застыло и остановилось, а это главный симптом описываемой болезни»²⁸.

В тексте «Мое завещание» Надежда Мандельштам возвращается к этой мысли: «Есть замечательный закон: убийца всегда недооценивает силы своей жертвы, для него растоптанный и убиваемый – это “горсточка лагерной пыли”, дрожащая тень Бабьего Яра ... Кто поверит, что они могут воскреснуть и заговорить?..»²⁹.

²⁷ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – М.: Книга, 1989. С. 40.

²⁸ Там же. С. 43–44.

²⁹ Мандельштам Н. Я. Книга третья. – Париж: YMCA-PRESS, 1987. С. 10–11.

Новое начало Европы после Второй мировой войны отталкивалось от опыта лагерей и встречи со свидетелями «теней», которые воскресли и заговорили. Надежда Мандельштам пережила сталинское безвременье и вынесла ему свой вердикт. Публикация на Западе сохранившихся ею стихов и прозы Осипа Мандельштама стала знаком преодоления власти сталинизма.

Сопротивление брежневской версии режима безвременья мы находим в книгах воспоминаний Надежды Мандельштам. Конец этого режима и эпоха гласности сделали возможным их публикацию не только на Западе, но и в СССР в конце 1980-х. В своем завещании вдова поэта апеллирует к Будущему – «то есть пока издаются книги и есть читатели этих стихов»³⁰. Свои права на наследство – права Антигоны – она категорически отказывается передавать государству: «Столкнувшись с этим ассирийским чудовищем – государством – в его чистейшей форме, я навсегда прониклась ужасом перед всеми его видами, и поэтому, какое бы оно ни было в том Будущем, к которому я обращаюсь, демократическое или олигархия, тоталитарное или народное, законопослушное или нарушающее законы, пусть оно поступится своими сомнительными правами и оставит это наследство в руках у частных лиц»³¹.

Рецидив безвременья похож на действие парализующего яда. Ход мысли Надежды Мандельштам ведёт к противоядию и освобождению, к переосмыслению вновь актуальных идей:

---

³⁰ Мандельштам Н. Я. Книга третья. – Париж: YMCA-PRESS, 1987. С. 14.

³¹ Там же. С. 13–14.

1. Сопротивление преступному режиму в большом и в малом заостряет внимание на конкретных поступках отвержения зла или актах соучастия в нем. Не все исчезает без следа в «лагерном пепле».

2. Отвержение аксиомы об отсутствии выбора исключает миф о единой колее и неодолимом «поезде», который по воле машиниста уносит всех в одном направлении. Открыт выход из «поезда» безальтернативной диктатуры и свидетельства о возможности альтернативы и выбора для каждого³².

3. Сопротивление детерминизму и узурпации будущего – философия свободы Надежды Мандельштам, воплощенная всем корпусом ее текстов. Речь об уникальном синтезе реального опыта сопротивления конкретных людей, об их внутренней свободе и осуществлении антитоталитарных принципов на практике. Более того: их начала и аксиомы воплотились в деле их жизни, деле, о котором Осип Мандельштам сказал:

*Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать³³.*

4. «Веер времен» (слова О. Мандельштама) разворачивает настоящий текст культуры, оживляемый «сразу дыханием всех веков»³⁴. Подобно тому, как Симона

---

³² См. <https://duh-i-litera.com/bookstore/novi-vidannja/ukrainska-nich-istorija-revoljutsii-zblizka>

³³ Мандельштам Осип. Век мой, зверь мой (сборник). – Эксмо-Пресс, 2002. С. 43.

³⁴ Мандельштам О. О природе слова. // Мандельштам О. Слово и культура. – М., 1987. С. 55–67.

Вейль через «Илиаду, или поэму о силе»³⁵ анализировала тоталитарный опыт XX века, предстоит перечитать три книги Надежды Мандельштам и ее «одиссею». Она выводит читателя из «советского времени» в то «большое время», о котором писал ее современник М. М. Бахтин: «Замыкание в эпохе не позволяет понять и будущей жизни произведения в последующих веках, эта жизнь представляется каким-то парадоксом. Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности»³⁶.

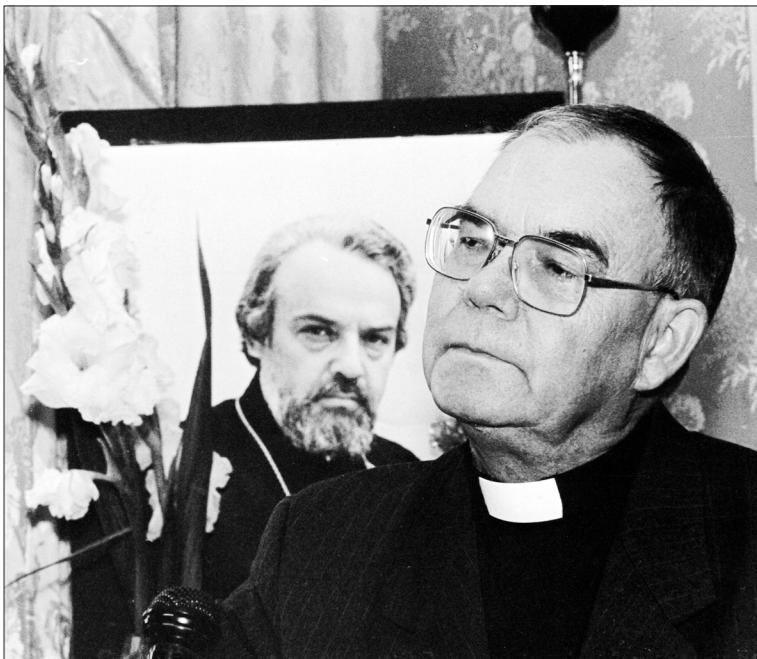
Киев
Март 2020

---

³⁵ Simone Weil's. The Iliad, or, The poem of force: a critical edition. // New York: Peter Lang Publishing, [2008] – 130 p.

³⁶ Бахтин М. М. Собрание сочинений, т. 6. – М., 2002. С. 454. См. также Ахутин А. «Европа – форум мира». – К.: Дух і літера, 2015. С. 76–82.

**ПАМЯТИ СВЯЩЕННИКА
РЕНЕ МАРИШАЛЯ
(14.06.1929 – 06.04.2020)**

*Отец Рене Маришаль в Риге,
в Фонде им. Александра Меня.
20 сентября 1993 г.
(Фото Мариса Земгалитиса)*

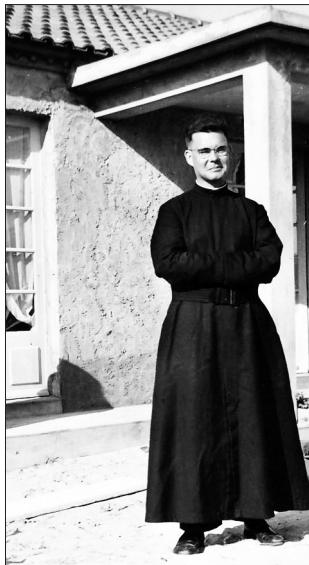
От редакции

Рене Маришаль родился 14 июня 1929 г. под Парижем. Осенью 1938 г. поступил в школу отцов-иезуитов. В октябре 1947 г. был принят в новициат Общества Иисуса. По окончании новициата летом 1950 г. стал изучать русский язык; посещал в Сорbonne лекции известного слависта Пьера Паскаля и сдал экзамен по русскому языку; занимался в Парижской Славянской библиотеке, основанной в 1856 г. князем Иваном Сергеевичем Гагариным – отцом Иоанном; часто бывал в интернате св. Георгия в Медоне, под Парижем.

В 1970 г. назначен директором Славянской библиотеки (Медон) и 3 года спустя – настоятелем общинны Центра по изучению русского языка и культуры им. св. Георгия в Медоне.

Там уже 25 лет проводились курсы по изучению русского языка. Начиная с осени 1974 г. Центр организовывал каждый год две четырехмесячные сессии, в которых участвовали студенты разных европейских стран, изучающих русский язык, русскую культуру и историю.

В эти годы медонская община занималась и публикацией журнала русской и мировой христианской культуры «Символ», первый выпуск которого вышел в свет в 1979 г.

*Рене Маришаль
во время новициата.
Конец 1940-х гг.
(Фото из личного архива
о. Рене Маришала)*

*Отец Рене после литургии в храме
св. Иринея Лионского в Лионе. 4 февраля 2018 г.
(Фото Василия Минченко)*

Отец Рене участвовал в различных экуменических мероприятиях; был членом французского православно-католического богословского комитета по вопросам воссоединения христиан.

Опубликовал в 1966 г. под названием «Первые христиане в России» антологию документов, относящихся к «Крещению Руси» в переводе с древнерусского языка на французский, переизданную в 1988 г. – в год тысячелетия основополагающего события.

Перевел на французский язык книги А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом»; прот. Александра Меня «Истоки религии», «Домашние беседы». В сотрудничестве с Жаклин Лафон перевел «И возвращается ветер» Владимира Буковского; участвовал в переводе «Дневников» прот. Александра Шмемана и сборника «Русская философия. Словарь», составленного М. А. Маслиным.

С 2002 г. жил в Лионе и работал в Европейском Институте Восток-Запад при Ecole Normale supérieure de Lettres et sciences humaines, куда была переведена Славянская библиотека.

Последние годы о. Рене жил в Старческом доме иезуитов под Лионом, по воскресеньям принимая участие в богослужении церкви Восточного обряда св. Иринея Лионского (Лион).

Еще осенью 2019 г. работал над переводами на французский язык «Бесед» о. Александра Меня.

Скончался отец Рене Маришаль 6-го апреля 2020 года на 91-м году жизни.

Протоиерей Михаил Аксёнов-Меерсон

**РЕНЕ МАРИШАЛЬ, АЛЕКСАНДР МЕНЬ И
ЖУРНАЛ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
*СИМВОЛ***

Отошел к Господу иеромонах Рене Маришаль, основатель и издатель журнала христианской культуры «Символ». Именно он осуществил проект, который возник в кругу отца Александра Меня и в котором я участвовал с самого начала. В этой статье-некрологе расскажу о его косвенном сотрудничестве с о. Александром Менем, юбилею и годовщине мученичества которого посвящается этот выпуск альманаха.

Отец Рене был настоятелем общины иезуитов St. George, Центра изучения русского языка, литературы и культуры в Медоне под Парижем. Там же он был директором, учителем, переводчиком и издателем, и десятилетиями устраивал, поддерживал, обеспечивал духовный, житейский, интеллектуальный приют для нескольких поколений русской, нищей, бесприютной и беспомощной эмигрантской интеллигенции, да и для многих других. С ним связаны несколько лет «сопротивления», тайных встреч в подсоветском христианском подполье, наведения мостов, и религиозных и умственных, через границу между российской молодой православной интеллигенцией и французской католической интеллигенцией. Мозгом и волей этого начинания, а именно формирования плюралистической христианской культуры в подсоветской России был отец Александр Мень. Делал это он разносторонне, используя

разные каналы и методы. Одним из них было сотрудничество с издательством «Жизнь с Богом» в Брюсселе и с о. Рене – при моем посредничестве в течение ряда лет.

Но с о. Рене меня лично связывают первые годы моей эмиграции и первые шаги на свободе во Франции, в которых был он для меня в роли поводыря. Косвенно, повлиял он и на мою женитьбу, так как в 1976 году выхлопотал мне католическую стипендию на год слушания лекций в Израиле в доминиканском библейском институте «L'ecole Biblique de Jerusalem». Без этой стипендии я не смог бы прожить год в Иерусалиме, где познакомился со своей будущей женой – Ольгой Шнитке. В нем же я нашел верного друга, несмотря на различие в культуре, конфессии, возрасте, да и положении. В нем же встретил я и узнал католическую надежную и нелицеприятную поддержку, твердое, но умеренное, ограниченное самим по-человечески необходимым, страннопримство. Потом вспоминаю отрывочное и все ослабевающее (не по его, а по моей вине) сотрудничество уже через океан из Америки, где я оказался и сам поглощен собственными пастырскими и семейными обязанностями, правозащитной деятельностью, специфически американскими заботами, и где прошлое стало отходить на задний план. Но в памяти сохранилось, как были мы с ним «соратники» по религиозному просвещению на русском языке, когда этим в России, кроме о. Александра, мало кто занимался. И верности отца Рене как товарища и соратника я посвящаю этот некролог.

Сотрудничеству с Маришалем предшествовали несколько встреч в маленькой каморке в Успенском переулке в Москве, которую я снимал. Полуподвальная

каморка находилась во флигеле, выходящем на заснеженный двор, ибо дело было зимой. Каморка не была постоянной квартирой, я менял часто места жительства, снимая то одну, то другую, что подешевле, чтобы не жить с родителями и развязать руки для деятельности. А деятельностью были самиздатское религиозное изда-тельство и организация подпольных семинаров по фи-лософии и богословию. То, что называю громким име-нем «издательство», образовалось несколько лет назад само собой, чтобы помочь о. Александру Меню пус-кать в самиздат его собственные писания. Но потом ассортимент этих машинописных изданий сам собой начал расширяться, включая иммигрантских филосо-фов, великие имена которых, вроде Бердяева, Булгако-ва, Франка, Лосского и т.д. сегодня знают все, а тогда знали очень немногие, но и те, кто знал, не имели до-ступа к их книгам, изданным заграницей. Но даже и их книги, недоступные тогда, принадлежали уже про-шлому. Мир же менялся быстро, и нужна была дина-мическая религиозная мысль, которая бы поспевала за этими переменами, а такая христианская мысль могла процветать только в условиях свободы, т.е. на Западе. Отец Александр, сам воспитанный на русской религи-озной мысли, остро чувствовал православное церков-ное отставание от нашего времени по всем статьям, и как мог сам его исправлял своим творчеством и па-стырским служением, при этом настаивая на необхо-димости включения в наш обиход и современного за-падного богословия.

В 60-е годы появились некоторые ростки обращения интеллигенции к религии вообще и к Православной Церкви. Но последняя была бессловесна и вразуми-

тельно объяснить как свою веру, так и практику, сложившуюся еще в средневековье, не могла. Кроме одного о. Александра Меня обратиться за разъяснениями было не к кому. Насколько мне известно, о. Александр был тогда и там единственным православным священником, осознавшим эту немоту церкви не только как ее вынужденное временное положение, но и как застаревшую болезнь, передававшуюся от века к веку. Он считал своим главным долгом озвучить православие, заговорить от его лица на современном и каждому понятном языке. Вокруг него и стал собираться кругдумающих людей с разнообразнейшими вопросами и интеллектуальными потребностями специфически советской интеллигенции. Эта была интеллигенция, воспитанная в совершенно секулярной среде, в которой как бы даже и не могла возникнуть религиозная потребность, потому что, возникая, она сразу же направлялась в другое русло. Однако раз осознанная, эта потребность искала для себя канал, который не мог оставаться бездумным. Ибо невозможно обратиться к традиции, которая, с одной стороны, непонятна и ничего тебе не говорит, а с другой, сама задавлена и гонима, еле-еле терпится режимом, а стоит тебе перейти в нее из советского социума, как ты автоматически делаешься изгоем в лучшем случае, сумасшедшим или зэком – в худшем. Вокруг же был не просто духовный вакuum, а царила агрессивно тоталитарная пропагандистская атмосфера, с одной стороны, утверждающая человеческую самодостаточность с поношением любой религии, с другой – попирающая человеческие права при отсутствии нормальных человеческих условий. При этом и она вдохновлялась идеалами гуманизма, которые в

первую очередь и несла именно интеллигенция. Она оставалась носительницей как русской, так и европейской традиции секулярной культуры, уже ставшей той умственной средой, которой жило все общество. Шагнуть же в православие, полностью сложившееся и оформившееся в докуманистическую эпоху, насилию удерживаемое в ней как изнутри собственной практики и традиции, так и извне, под надзором режима, было практически невозможно. До какой степени Церковь, лишенная современного ей языка, продолжающая опираться на понятиями ушедшей эпохи и исчезнувшей субкультуры, и связанная докуманистической антропологией, сама превращается в объект для анекдотов, прекрасно показано в книжке Майи Кучерской «Современный патерик».

Просматривая номера журнала «Символ», я наткнулся на примечательное высказывание Тейяра де Шарденна: «Религия, которую считут низшей по сравнению с гуманистическими идеалами, какими бы чудесами она себя не обставляла, есть религия *обреченная*¹». Это сознавал о. Александр Мень, кстати очень ценивший Тейяра. Со своей исключительной разносторонностью и отзывчивостью о. Александр стал одновременно магнитом, притягивающим свободомыслящих людей, и генератором, их порождающим. Кроме личной харизмы, о. Александр притягивал к себе тем, что в нем органически срослись православная вера, в которой он был с детства воспитан – причем в очень ригористической монашеской традиции, с гуманистической культурой современности. Он говорил на ее языке, шутил ее шутками, и умел само православие озвучить на этом языке.

---

¹ «Символ» – Париж, июнь 1990. № 23. С. 48.

Переведенное на этот язык (я имею в виду не перевод церковно-славянского богослужения на русский, а озвучивание его верований на языке гуманистической культуры) православие оказалось вдруг родным, понятным и осмысленным. Своей собственной личностью о. Александр производил вокруг себя некое живое облако православной, а лучше даже сказать, христианской культуры. Ему не надо было для этого далекоходить, она уже присутствовала и в русской классической литературе, и в языке Серебряного века, и в русских переводах европейской классики, расцветших буйно в советское время. Нужно было лишь дать Евангелию заговорить на этом языке, и в о. Александре оно на нем и заговорило.

Вдохновленный им, возник религиозно-философский семинар, организатором которого я стал, проводя его на разных квартирах и на разные темы. Сегодня, в век интернета, когда с нажатием кнопки любой текст, песня, изображение, видео летят во мгновение ока в любой конец света через любые границы, и можно заказать любую книгу на любом языке, невозможно представить закрытое общество, власть которого полностью контролировало бы все источники информации и ее характер, каким оставался Советский Союз в 60-е и 70-е годы. Естественно для нас, запертых в нем, было самим раздобывать информацию, разыскивая ее повсюду, но особенно уповая на свободный мир, на его Церкви, на Католическую, в первую очередь, поскольку она никогда не выпускала культуру из своих рук, и стремилась не отставать от человечества в его интеллектуальных полетах. В ней на первом месте, казалось, стояли иезуиты, «Рота Иисусова», всегда державшие

руку на пульсе современности, ее науки и философии. Конечно, искали мы и православных контактов и самой близкой представлялась традиция Свято-Сергиевского института в Париже, где продолжали свою деятельность мыслители, начавшие ее еще в дореволюционной России и в ней опубликовавшие свои первые труды, тем самым нам все же доступные. Именно эта традиция оставляла открытой дверь к современной культуре и представляла Церковь в диалоге с ней. Правда, и она уже иссякала и единственным человеком, который старался на русском языке не дать ей совершенно угаснуть, был Никита Струве, редактор Вестника РСХД в Париже. Но в интеллигентной русской эмигрантской среде Никита оставался почти «одним в поле воином». С большим трудом удавалось ему издавать свой тонюсенький журнальчик, выходивший пару, тройку раз в год в виде тетрадочки из коротких статей, которые он собирал с еще пишущих по-русски и мыслящих по-современному православных авторов со всего русского рассеяния. Тогда-то у нас, тесного круга вокруг о. Александра, и участников подпольного семинара, возникло, в первую очередь по инициативе Евгения Барабанова, предложение к Никите Струве снабжать его материалами из России, из того, что творилось в самиздате, чтобы эти материалы возвращались уже в изданном виде в форме толстого культурного журнала вроде *Русской Мысли*, которую в начале века издавал в России его дед Петр Струве. Так постепенно, заботами Е. Барабанова, которому я всячески помогал, «Вестник РСХД» начал преображаться в толстый журнал. Но у Струве были свои приоритеты, из которых первым было даже не богословие, а русская культурная, в основном, литератур-

ная традиция, и православие Свято-Сергиевского направления. Он не мог один уследить за современным ему развитием западной религиозно-философской и богословской мысли и обзором ее, и естественно, не мог один ее охватить в своем православном журнале. Но Россия – страна европейская, и ее интеллигенция, становясь христианской, нуждалась в умственном общении с большой христианской Европой, или даже с миром, а не только с маленькой и уже заглохшей русской богословской традицией в эмиграции. Так как я был один из этого круга, озабоченный поиском «христианского окна в Европу», я и открыл для себя явление ордена иезуитов, который всегда старался быть в ногу с современностью. Произошло это через встречу с духовными упражнениями Игнатия Лойолы, которые меня поразили своим евангельским христоцентризмом. Игнатий обращается к силе воображения и развивает духовную методику его использования и дисциплинарного контроля над ним. Одна из форм контроля это держать воображение направленным на евангельские события с Иисусом в центре их, а себя – участником этих событий, развивая в этом воображении работу чувств: зрения, слуха, обоняния и осязания, буквально воображая то, с чего начинает свое первое послание евангелист Иоанн: «...о том... что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши... и мы... свидетельствуем, и возвещаем вам». (1 Ин 1:1-2).

Такая духовная практика противоречила, казалось бы, главному направлению православной без-образной молитвы. Эту традицию без-образной молитвы ввел, как известно патрологам, Евагрий Понтийский (~ 345–399), назвавший ее «умной», «ноэтической» от греческого

слова *νοις*. Молящийся ею должен избегать всех образов, поскольку Бог непостижим и трансцендентен всему тварному миру, якобы не имея в нем подобия Своему образу. Евагрий понимал эту молитву как «*μετα-νοια*», не столько в смысле «изменения мыслей и покаяния», а tolкуя ее буквально как «за-умь», выход за пределы ума с его способностью воображения. Все это было бы хорошо, если бы последователи Евагрия вплоть до нашего времени не настаивали на исключительной православности только такой «за-умной» молитвы. Однако, именно в своей исключительности она и не может быть православной, поскольку центром православия, как и христианства в целом, стоит Бог воплотившийся, Един от Святые Троицы, «в Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Кол 2:9), Который на просьбу Филиппа: «...покажи нам Отца и довольно для нас» (Ин 14:8), ответил: «Видевший Меня видел Отца» (Ин 14:9). Бог трансцендентный явил себя в Боге-для-нас, в Эммануиле, в «С-нами-Бог» (Мф 1:23). Поэтому мы вполне можем воображать себе лик Христа, что и делает каждый иконописец. Потому Церковь и отвергла учение Евагрия. Святым он, несмотря на свое влияние в монашеских кругах, признан не был, а в VI-м веке был прямо осужден церковным Собором. Не случайно, что это осуждение было вынесено именно тогда, когда появились первые вспышки иконооборчества. Ведь назвав человеческую способность воображения греховной, закрываешь все пути к христианскому искусству, ибо невозможно из-образить то, что непозволительно вообразить. Церковное же осуждение этого дара воображения перекрывало бы возможности человеческой культуры, которая вся стоит на творчестве, питающимся

воображением. Поскольку эта способность всечеловеческая, т.е. данная от Бога, и человек всякий, а особенно творческий, отказаться от нее не может, то он будет творить и воображать за пределами церкви и Библии, бесконечно разыгрывая и переигрывая языческую мифологию.

Конечно, это не был путь всей Церкви, даже и Восточной, создавшей удивительную культуру иконописи и церковного зодчества. В Западной же христианской традиции, именно католической, она во-образила и изобразила в тысячах разных форм мир Библии, который ведь был средой богочеловеческой, если мы употребим русский религиозно-философский термин, введенный Вл. Соловьевым и ставший ключевым для богословского развития именно православия в XX веке. Так вот духовная практика Игнатия поставила на службу Церкви именно эту способность во-ображения, правда, подчинив ее железному контролю орденского начальства. В какой степени эта духовная практика применялась и православными, никто не исследовал. Однако русская традиция духовничества с подробной исповедью мириян, появившаяся с конца XIX-го века, очень напоминает проверку совести перед исповедью монаха-иезуита. Скажу только, что среди книг, которые я нашел в храме Христа Спасителя в Нью-Йорке, куда я был поставлен в 1978 году, была и “*Manresa, the Spiritual Exercises of St. Ignatius*,” с круглой печатью храма на обеих сторонах: «Библиотека имени митрополита Платона при Храме Христа Спасителя в Нью-Йорке».

В Москве же хрущевских 60-х годов никакую «Манрезу: духовных упражнений св. Игнатия» найти было нельзя. В отсутствие реальных иезуитов я увлекся их

историей, перевел на русский и пустил в самиздат конституцию Лойолы. Ася Дурова, сотрудница французского посольства и наша связная с Никитой Струве, про слышав о моих новых увлечениях, тут же отозвалась. Она и организовала мою встречу с орденом иезуитов в лице о. Алексея Стричека, который тогда подвизался в Москве со своими научными изысканиями. Он первый и посетил меня в моей каморке в Успенском переулке, с которой все и началось. Помню многочасовую беседу с глазу на глаз, когда я рисовал картины созидаемых культурно-религиозных мостов. Мы по эту сторону организуем религиозно-философское издательство в традиции русской мысли и Соловьёва, будем со своей стороны готовить журнал, представляющий живую христианскую мысль в подсоветской верующей среде. Они же, иезуиты, создадут свое периодическое издание на русском языке, делающее для нас доступным бурлящую религиозную жизнь и мысль на свободном католическом Западе, но и предоставляющее возможность выразиться и русскому религиозному сознанию. Это будет диалог двух христианских культур. Подчеркивался экуменизм. Но не официозный, разрешенный в строгих дипломатических рамках, для нас бесполезный, да и недоступный, а подлинный общенародный, общехристианский, в духе Второго Ватиканского собора, с сотрудничеством всех христиан в противостоянии агрессивному атеизму, с библейскими исследованиями, религиозной философией, богословскими инновациями, общим православно-католическим делом, обращенным прежде всего, к подсоветской интеллигенции, нуждающейся в разумной вере. Короче, это было видение à la Исаия – лев пасется с ягненком и малое дитя водит их на водопой,

осмотрительно прячась от недремлющего ока КГБ. Мы со Стричеком размечтались в этой каморке о том, как иезуиты будут приезжать к нам и проводить тайно свои сессии духовных упражнений, читать лекции, создавать свою образовательную сеть. Через какое-то время Стричек привел своего начальника, иезуита-немца, который произвел на меня большое впечатление знанием русских обстоятельств и нужд, а также и деловитостью по организации всего предприятия. Энергичный, здоровый – под два метра – коротко стриженный священник, интеллигентный и естественный, с безупречным русским языком. Просто какое-то откровение на фоне православия в той форме, с какой тогда мы только и были знакомы. В той же каморке встретился я впервые с о. Франсуа Руло, директором Славянской библиотеки в Париже, иезуитом, занимавшимся русской философией и особенно Чаадаевым. Отца Александра я информировал, но старался не вмешивать в свои предприятия с подробностями, боясь подвергать опасностям. Я тогда и не знал, что сам он уже несколько лет как сотрудничал с бельгийским издательством *Жизнь с Богом*, где начал печатать свои книги под псевдонимами, те, которые ходили у нас в самиздате, и что готовил вместе с ними научное издание Библии на русском, по модели Библии Иерусалимской, подготовленной доминиканцами, только что вышедшей на нескольких языках и наделавшей шуму по всему цивилизованному миру².

Здесь надо, конечно, рассказать об этом издательстве, и его основательнице и директрисе Ирине Михайловне

---

² Аксёнов-Меерсон Михаил, свящ. Отец Александр Мень и возрождение русской библеистики. // Альманах «Христианос-XIX». – Рига: ФиАМ, 2010. С. 194–224.

Посновой. Дочь историка Церкви, профессора Киевской духовной академии Михаила Поснова, Ирина девочкой оказалась в эмиграции, вероятно училась в католической школе и стала католичкой, благодаря церковной стипендии закончила Лувенский университет по кафедре классической филологии, но в годы войны посвятила себя заботе о советских военнопленных, трудящихся в бельгийских шахтах. На базе этой деятельности сразу после войны в Брюсселе возник благотворительный центр «Очаг Восточных Христиан» (*Foyer Oriental Chretien*), а при нем и русское католическое издательство «Жизнь с Богом», издававшее журналчик «Россия и вселенская Церковь», обращенный к русским эмигрантам католикам. Кажется, по благословению папы Пия XII и заботами кардинала Тиссерана был основан и фонд в его поддержку, давший этому центру возможность вести свою благотворительную и издательскую деятельность. К тому времени они издали на русском Новый Завет с комментариями, замечательным научным аппаратом, симфонией, полезными таблицами. И сегодня это издание, многократно перепечатывающееся, остается самым удобным для чтения и пастырских нужд. Переиздали они к тому времени и полное Собрание сочинений Владимира Соловьёва.

Поскольку это было единственное католическое издательство на русском языке, о. Алексей Стричек, с энтузиазмом переваривший наши московские инструкции и пожелания, отправился домой их осуществлять, и поручил издание этого будущего журнала «Жизни с Богом», с учетом того, что редактировать и собирать материалы будут иезуиты-русисты, живущие в Медоне. И вот через какое-то время оттуда явился новый вестник,

а именно отец Рене Маришаль. Рассказ об этой встрече я хочу передать его собственными словами.

«Впервые я встретился с о. Александром в Москве летом 1970 года у Миши Аксёнова-Меерсона³. Прежде мне рассказывал о нем мой собрат-иезуит из Медонского Центра Святого Георгия (под Парижем) о. Алексей Стричек, который познакомился с о. Александром тоже в Москве, в конце 60-х годов в подпольном христианском “семинаре”, когда писал свою диссертацию о Денисе Фонвизине. На этих плодотворных вечерах, участники которых рассматривали самые жизненные вопросы веры, без априорных суждений выслушивали замечательных католических, православных, протестантских свидетелей и думали, как вынести свои находки за пределы круга приобщенных, – на этих вечерах созрела мысль поручить о. Алексею, по возвращению во Францию, заботу о выпуске этих материалов, распространявшихся в самиздате. Конкретнее, ему поручалось создать на Западе журнал, посвященный тогдашней России. Нет не орган «тамиздата» (шутливое наименование из тех времен), не литература *ad usum delphini* (облегченная), предназначенная для недоразвитых интеллектуалов и церковных людей за железным занавесом. А журнал, продуманный, спланированный в Москве, стремящийся ответить на вопросы и истинные нужды определенной аудитории в ситуации полного духовного оскудения. Журнал предполагалось публиковать на Западе и ввозить в Россию всеми

---

³ Это не была каморка, откуда я уже съехал и поселился в какой-то другой. Это была квартира моих родителей в самом центре, в Мерзляковском переулке, легко доступная. Родители летом жили на даче, что и давало мне возможности устраивать там «официальные встречи».

мыслимыми способами. В Мишиной квартире нас было человек десять: Ася Дурова, организовавшая эту встречу, а также Ив Аман, о. Мирис Гэдон, будущий епископ Кагорский, о. Франсуа Руло и я – с французской стороны, а из русских – о. Александр (чья фамилия ни разу не прозвучала) и двое его близких друзей. Почти сразу же разговор зашел о реальных вопросах христианской жизни в условиях тогдашних притеснений. В словах о. Александра мы почувствовали спокойную силу мужественного человека, прекрасно осознающего, что христианская Церковь загнана в узкие рамки...

Тем же вечером, немного позднее, я объявил собравшимся о том, что в Париже готов к выходу первый номер “Логоса” – такое название дали в Москве журналу, вверенному отцу Алексею Стричеку так, как бутылку с посланием вверяют океану. Отец Александр и Михаил Аксёнов, не сговариваясь, встали и увели меня в соседнюю комнату. “Отец Рене, не стоит оповещать об этом замысле тех, кому не нужно о нем знать”. А я-то воображал, что нахожусь в кругу, где можно говорить все... Хороший урок для наивного западноевропейца.

В течение последующих 18-ти лет, вплоть до весны 1988 года, с ее тысячелетним юбилеем, я не хотел приезжать в СССР. В Париже мы сначала ежеквартально выпускали 64-страничные номера “Логоса”, а затем, когда Михаил Аксёнов покинул свою родину, мы затянули с ним, при медонском Центре русских исследований, журнал “Символ”, первый номер которого вышел летом 1979 года⁴.

---

⁴ *Маришаль Рене, иеромонах. Отец Александр Мень: взгляд из Франции. // Альманах «Христианос-XIX». – Рига: ФиАМ, 2010. С. 174–175.*

Подтверждением тому, что отец Рене видел эту работу не как форму прозелитизма, а как братскую христианскую руку помощи бессловесным православным собратьям, служит и его дальнейшая оценка миссии самого о. Александра. «Надо сказать, что особенно привлекательно для западных людей в учении о. Александра то, что оно было естественным образом экуменично. Под этой формулировкой я понимаю вот что: для о. Александра слово Божие и хранящее его Евангелие не было собственностью православия, которому, впрочем, он принадлежал без остатка. Отец Александр был выше конфессиональных ограничений, и, несомненно, именно это привлекало к нему столь широкую аудиторию в его стране: вспомним хотя бы лекцию, прочитанную им по предложению баптистской общины на московском стадионе “Олимпийский” на Пасху 1990 года перед 15000 слушателей»⁵.

Однако вернемся к загадочным словам отца Рене о том, что издание журнала было вверено о. Алексею «как бутылку с посланием вверяют океану». Ведь океан не иезуит, а проект журнала был вынесен с помощью самого о. Стричека, который взялся за него с большим энтузиазмом. Это сравнение начало проясняться, когда я, вынужденный разными обстоятельствами, и личными и политическими – за мой усилилась слежка – выехал заграницу в конце 1972 г. и поселился в Париже в перспективе сотрудничества как с Никитой Струве в издании «Вестника», так и с медонцами в издании «Логоса». Мое поселение во Франции было спланировано, и москвичи видели меня как бы своим легатом. Однако меня сразу поразило то, что о. Алексей стал

---

⁵ Там же. С. 177.

меня избегать. От всяких попыток заговорить о наших московских обсуждениях и о совместных проектах он уклонялся, тут же переводя разговор на другие темы. «Логос», который начал издаваться брюссельцами, оказался совсем не тем журналом, который мы планировали: он давал обзор маргинальных сторон католической жизни, мало интересных советскому читателю. Общий менталитет сотрудников издательства был сформирован в узко конфессиональном дособорном католицизме. Героем этого «Очага» оставался Пий XII. Духовным символом: посвящение России Пресвятой Деве в форме ее католического почитания, как будто в русском православии Богородица недостаточно почиталась. Кому как ни Ей воссыпал молитвы православный народ, не имущий «ни иные помохи, ни иные надежды, токмо Тебе, о, Богомати».

Подвалчик же издательства был набит апологетическими брошюрами и памфлетами. Были они довольно примитивны и обращались к малограмотной среде из русской эмиграции военного и сразу же послевоенного времени. После Второго Ватиканского собора они выглядели неуместной и беспросветно устаревшей пропагандой. Но это то, во что верили сотрудники издательства и в чем они видели свою миссию. Правда, брошюры эти продавать было некому, издательство не самоокупалось и существовало на дотации. Ему надо было отчитываться в эффективности, от него требовали живой связи с Россией и отзывов оттуда. Русская эмиграция в Европе уже истощилась, новые волны пока не поступали, русские, ставшие католиками после революции в начале эмиграции, те которые разочаровались в крушении государственного православия

вместе с русской монархией и обратились к монолиту папской церкви, уже давно ассимилировались в среде других языков и культур, и растворились в них. Нужны были новые силы и контакты, и Ася Дурова связала издательство с о. Александром. Началось печатание его книг, а затем и сотрудничество в подготовке к изданию на русском языке новой Библии, на манер Иерусалимской. Это влило в брюсельское издательство новую кровь, дало новые надежды и повернуло к большей открытости. Фигура о. Александра оказалась и здесь провиденциальной. Трое сотрудников Очага и издательства, Ирина Михайловна и двое священников, отец Антоний Ильц и отец Кирилл Козина – из Словении – хотя и были католиками старой закалки, относившиеся к экуменизму как политическому маневру, тем не менее оценили широту, желание сотрудничать и фантастическую работоспособность о. Александра. Они понимали, что именно он и направление, которое он указывает в их ситуации единственно перспективное, что без него они вскоре останутся не у дел. Он же умело и тактично направлял эту издательскую ладью из своего Семхоза, наполняя их деятельность новым содержанием. Подчеркивалось братское сотрудничество поверх границ как политических, так и конфессиональных, с постоянным напоминанием, что они оказывают незаменимую христианскую помощь России, задавленной атеистическим гнетом, что от них ожидается приток современной христианской мысли на русском языке.

Хотя издательство «Жизнь с Богом» и старалось выполнять эту задачу, журнал «Логос» выходил мало удовлетворительным. Передав его брюссельцам, отец Алексей сам от этого дела уклонился. Спустя некоторое

время выяснился и секрет такого охлаждения. В это время началась, так называемая, «Восточная политика» Ватикана по отношению к Советскому Союзу и всему блоку. Договориться с Ватиканом удалось митр. Никодиму, тогдашнему председателю Отдела внешних церковных сношений МП. Митр. Никодим провел блестящий ход, представлявшийся, по-видимому, частичным восстановлением евхаристического общения между Католической Церковью и РПЦ. Ватикан мог понять его, и не без основания, как первый и решительный шаг к восстановлению евхаристического общения с православием, которого Рим добивался еще с Лионского собора. Было договорено, что Русская Православная Церковь будет допускать к причастию католиков-туристов, посещающих Советский Союз в тех городах, в которых нет католических церквей, т.е. в большинстве. В ответ Католическая Церковь обязывалась прекратить попытки прозелитизма, который советская сторона понимала очень широко, включая и поддержку верующих в коммунистическом блоке и попытки христианского проповедования советского населения из-за рубежа. При этом само сближение было весьма односторонним, право православных причащаться у католиков (каковое право было понято Католической Церковью со своей стороны как логическое проведение в жизнь решений Второго Ватиканского собора) РПЦ не признавала, да и не оговаривала, на том основании, что советские граждане, отправляющиеся в заграничные поездки, как правило атеисты, ну а если они, каким-то образом, православные, – что естественно было бы допустить в дипломатических переговорах – то могут и переждать до возвращения домой, поскольку частое причастие не практи-.

тикуется Православными Церквами и потому у верующих не в привычке. Кроме того, на Западе существовали представительства МП.

Этот первый шаг к совместному причастию, даже столь робкий и ограниченный, дальше никуда не повел, да и сам после смерти митр. Никодима сошел на нет. Но он означал признание Православной Церковью западных католиков братьями и сестрами, в принципе, православными, поскольку она допускала их «по икономии» к православной Чаще. По существу, это и теоретически и практически открывало путь к общению в таинствах между двумя Церквами. Так это и понял Ватикан. Митр. Никодим умер от инфаркта в Риме на аудиенции у папы Иоанна Павла I, пославшего на его похороны в Ленинграде кардинала Виллебранса, который «высоко оценил усилия митрополита Никодима, направленные на то, чтобы все христиане уяснили идею вселенского единства Церкви, а также все сделанное им для сближения Православной и Католической Церквей и улучшения взаимопонимания между ними»⁶.

Однако, для верующих в СССР, сближение с Западом, как бы провозглашенное на «высшем уровне», ощутимых перемен не принесло. Договор, легший в основу новой «Восточной политики» Ватикана, оказался достаточно действенным в том смысле, что всякая деятельность в поддержку верующих в СССР, которую всегда можно было бы представить как прозелитизм, была заморожена. Орден иезуитов, известный своей железной дисциплиной, должен был подчиниться, что и произошло с о. Алексеем Стричеком и, очевидно, с

---

⁶ «Хроника: о трех последних папах». // «Символ» – Париж, январь 1979. № 1. С. 119.

его начальником-немцем, который произвел на меня такое сильное впечатление своей многообещающей готовностью и решимостью в моей московской каморке, и которого на свободе, ни во Франции, ни в Бельгии, ни в Германии, я более не встречал нигде. Единственным иезуитом, оставшимся верным взятыму на себя обязательству, оказался о. Рене, бывший настоятелем Медонской общины, и как понятно, также связанный железной военной дисциплиной своего ордена, во главе которого, не будем забывать, стоит «генерал». Как удавалось о. Рене при этом оставаться единственным «в поле воином» со стороны иезуитов в нашем российском движении христианского просвещения, сказать не могу. Но он им непоколебимо оставался, причем явно не нарушая дисциплины своего ордена, не выступая из тени, как бы исполняя скромную благотворительную функцию, продолжал дело, спланированное в Москве. Но делал это он поначалу со мной.

Ив Аман, старый друг еще по московским связям, который уже после моего отъезда стал культурным атташе во французском посольстве в еще относительно либеральные годы, нашел мне комнатку в Париже, которую я снимал у знакомых его жены. В этой комнатке я и сидел как-то весной 1973 года, разбирая одно свое французское интервью с магнитофона и переводя его на русский в перспективе публикации, когда зазвонил телефон. Подняв трубку, я, к своему полному изумлению, услышал голос своего ближайшего друга Евгения Барабанова. Не входя в сентиментальности, Барабанов напряженным тоном сказал, что он звонит мне с московского главного телеграфа, чтобы сделать заявление для Западной прессы, и спросил, могу ли я

его записать. Был ли это случай, или провидение, пусть читатель решает сам. Я не часто бывал дома, проводя время либо в Медоне, либо в Имка-пресс, либо в институте, да и в Париже было на что посмотреть. Но тут я оказался дома в нужном месте с включенным магнитофоном и в нужное время звонка с московского телеграфа. Несколько ломающимся от волнения голосом он зачитал свое заявление, в котором говорил, что ему предъявлена статья по обвинению в антисоветской деятельности и предательству родины за передачу на Запад многих неопубликованных произведений антисоветских авторов, включая воспоминания Надежды Мандельштам и произведений Солженицына. Евгений Барабанов не признает законности такового обвинения. Он считает себя не изменником родины, а наоборот – русским патриотом, поскольку спасает произведения великих русских писателей для потомства, для русских читателей, равно как и для мировой общественности, ценящей классику русской литературы, в том числе, и советского периода. Не является его деятельность и антисоветской пропагандой, поскольку Надежда Яковлевна Мандельштам – вдова великого русского поэта, павшего жертвой культа личности Сталина и посмертно реабилитированного. Именно она и сохранила великое наследие своего мужа, описав события тех лет культа личности, осужденного партией и советским правительством и т.д. Что же касается Солженицына, он также был осужден незаконно в годы культа личности, реабилитирован и стал уважаемым советским писателем, известным далеко за пределами родины.

Заявление Барабанова по телефону продолжалось 45 минут, пока шла запись на мой магнитофон на столе.

Каждую минуту я боялся, что звонок перервут и его уведут прямо из телеграфа на Лубянку. Но вероятно какой-то ангел-хранитель диссидентов был приставлен к этому разговору, и как только он сказал свое последнее слово, звонок резко оборвался и его голос исчез. Он не успел ни попрощаться, ни дать указание, что он хочет, чтобы я сделал с этим заявлением. Но мне было это и самому ясно. Сам диссидент, подписавший два открытых обращения, одно в защиту Гинзбурга в 1968 году, другое (в защиту уже забыл кого) в 1972, я и был отчасти вынужден эмигрировать из-за этого и знал, что обычно делается с такого рода посланиями на свободу. Всю ночь я печатал заявление с магнитофона, предварительно позвонив Никите Струве, сказав о происшедшем и попросив завтра с утра дать этому ход в русской прессе. Наутро Никита получил текст, а через пару часов его уже переводил на французский отец Рене.

Надо сказать, что быстрота реакции была сногшибательная. Никита опубликовал его сразу в Парижской газете «Русская Мысль» и послал о. А. Шемману в Нью-Йорк. Отец Александр, дав это перевести своему сыну Сергею, который впоследствии стал особым корреспондентом «Нью-Йорк Таймс'а» в Москве, а в это время издавал какой-то православный журнал, ознакомил с обращением своего друга, епископального священника Джемса Мортона, настоятеля главного Нью-Йоркского епископального собора Иоанна Богослова, а тот передал текст мэру гор. Нью-Йорка Джону Линдсую, который сделал заявление в поддержку Евгения Барабанова, передав его обращение в прессу.

Тем временем о. Рене собирал подписи французских интеллектуалов в защиту Барабанова, и передал его об-

ращение нашим итальянским друзьям в «Russia Cristiana», которые его тоже быстро перевели и добились его обсуждения в итальянской прессе и чуть ли не в парламенте. Через «Очаг» в Брюсселе о. Рене устроил выступление в поддержку Барабанова и в Бельгии. Все это произошло буквально в течение нескольких суток. Советские органы такой энергичной, мгновенной международной реакции не ожидали и от Барабанова отступились, дело его закрыв. Он отделался тем, что его вышибли с работы, и в течение нескольких лет ему приходилось зарабатывать внештатным учителем рисования в школах. В те годы возникла практика помощи советским диссидентам в форме приглашения от каких-либо западных университетов или именитых деятелей. Эта мысль запала и о. Рене, который нашел одного кандидата, чтобы послать такое приглашение, конечно же фиктивное, но дающее либо возможность выехать из страны, либо продемонстрировать перед советскими властями наличие «крыши» в свободном мире. Маришаль обратился за этим к Габриэлю Марселя, который был католиком, устроив нам с ним аудиенцию у Марселя по поводу Барабанова. Христианский философ-экзистенциалист нас радушно принял. Был он уже стар, жил один вдовцом в небольшой квартире из двух комнат, уставленных книгами, что, конечно, для философа не удивительно. Он очень внимательно выслушал мой рассказ об этом деле, и вполне серьезно сказал, что готов принять Барабанова и даже повел нас к себе в кабинет показать, где тот сможет разместиться. Меня эта готовность принять незнакомца, да еще и иностранца, поразила до глубины души. Будучи человеком свободного мира, Марсель не мог понять, что

значит фиктивное приглашение, и зачем оно нужно: если уж приглашать человека, то по-настоящему. По ходу дела стал рассказывать о том, как много дала ему – именно как философу – русская литература. Воспользовавшись этим, я попросил его дать мне интервью, о чем мы и договорились. Уходя, спускаясь по лестнице, я с удивлением спросил о. Рене, почему так скромно живет всемирно известный философ, член Французской академии (*Le membre de l'Institut*), на что Маршаль ответил, что «от трудов праведных (особенно в области философии) не наживешь палат каменных». Через несколько дней я уже снова был у Марселя и взял у него интервью⁷, а через пару недель после этого он скончался, так и не успев оформить приглашение Евгению Барабанову, которого с такой охотой планировал поселить у себя в кабинете.

Тем временем, шло накопление материалов в принципе для «Логоса», но как оказалось, – для будущего «Символа». В Медон я наезжал регулярно, и мы там подолгу просиживали с о. Рене, готовя номера журнала вместе; нередко оставался ужинать в их теплой компании и иногда ночевал, если засиживались с о. Рене за редактурой чуть не за полночь. Утром как-то зашел на их литургию, служили трое: отец Рене, отец Андрей и отец Игорь. Так как служили они по византийскому обряду, то это была знакомая литургия свт. Иоанна Златоуста на славянском. Хора не было, и отцы служили и пели сами. Из прихожан был лишь я один. В конце службы, когда отцы причастились, о. Рене предложил причаститься и мне. Я с болью извинившись, отказался.

---

⁷ Интервью с Габриэлем Марселеем // «Вестник РСХД» – Париж-Нью-Йорк. № 108-109-110 (II-III-IV), 1973. С. 144.

Потом мне о. Рене говорил: «Вы, Миша, не представляете, как мучительно служить ни для кого, для самих себя, и так из года в год». Действительно, из многих русских наследников, переводчиков, преподавателей или гостей Медона большинство были бывшие советские люди, вообще не церковные, о вере их не принято было спрашивать. А те, кто оказывался церковными, ходили в соседнюю православную церковь, кажется, синодальную. Тем более было больно не причащаться вместе, когда все остальное, и вера, и упование, и общее дело соединяли, когда с людьми делишь работу, застолье, задушевные разговоры за стаканом вина, шутки, анекдоты. И ты и они христиане, верующие в Евхаристию, и вот все природно-человеческое нас объединяет, а Христос и вера в Его Плоть и Кровь, пребывающие в Чаше, несмотря на общую веру в Него, разъединяет.

Но мне запретил мой духовник причащаться и у православных и у католиков, заставив сделать выбор к какой Церкви я принадлежу. Выбор, собственно говоря, был предрешен. В то же время я был студентом Свято-Сергиевского института, посещал лекции его профессоров, с большинством из которых близко сошелся. Ведь большинство были русскими, или же достаточно обрусевшими, а связи с молодой христианской, а не советско-атеистической Россией, не было никакой. Я тогда оказался единственным студентом, способным слушать их лекции по-русски, на языке, на котором они разговаривали между собой, но лекций уже давно не читали. Например, ректор института о. Алексей Князев так обрадовался заметить в моем лице русского слушателя, что каждую фразу своих лекций по Ветхому Завету стал

повторять на двух языках – по-французски, обращаясь кажется к двум сербам и одному греку, а потом разворачиваясь в мою сторону на четком грассирующем русском мне лично, хотя в этом особой надобности не было. Так как он вообще говорил медленно, делая ударение на каждой фразе, как бы вворачивая ее нам в мозги как шуруп, то его лекции, произнесенные на двух языках, до сих пор сидят у меня в памяти. Мы так с ним сдружились, что написав статью о Шестидесятилетнем юбилее Свято-Сергиевского института (1984), о. Алексей предпочел печатать ее не в русско-французской прессе, а прислал ее мне для издаваемого мною в Нью-Йорке в 1980-х годах православного альманаха «Путь». Слушал я лекции по истории Церкви и о. Ильи Мелия, который был, между прочим, специалистом по истории средневекового папства, что не мешало ему поддерживать теплые отношения с медонской общиной. По нравственному богословию читал урожденный француз Оливье Клеман, блестящий «causeur», с каким-то французским смаком рассказывающий о православии, в котором он крестился, и не сказавший ни одного худого слова о католицизме. Отец Борис Бобринский читал догматику с постоянными ссылками на о. Сергея Булгакова, все богословие которого было выявлением подлинности и прямой преемственности с Новым Заветом именно православной традиции. Был я знаком и с Константином Андрониковым, который перевел почти все главные произведения о. Сергия на французский. Правил он и мою статью для печати об о. Сергии, которую я переделал из своего доклада о Булгакове на французской юбилейной конференции, посвященной его памяти. При этом все они были свя-

заны и в разной степени дружили с отцами Медонской общины, ведь сам Свято-Сергиевский институт был колыбелью православного богословия экуменизма, равно как и инициатором участия в нем со стороны Православных Церквей.

Сами медонские отцы смирились с тем, что их верующие сотрудники и друзья из русских практикуют, что называется, свою веру исключительно в православных церквях. Когда венчался будущий главный редактор «Символа» Александр Мосин со своей гражданской женой Алёной, все медонские отцы отправились вместе с ними в маленькую синодальную церквушку неподалеку, чтобы потом после венчания отпраздновать эту свадьбу у себя в медонском доме, где тогда Алёна и Александр проживали у них в гостях.

Это, впрочем, не значит, что у о. Рене не было своих прямых пастырских обязанностей, с одной из которых мне выдалось познакомиться. В числе этих обязанностей было окормление какой-то молодежной общины, на одно из собраний которой он как-то пригласил и меня. Так как мне все было внове в этом западном христианском мире, о котором я писал в своих журналистских обзорах, то я охотно принял его приглашение. Собрание проходило в каком-то центре, специально религиозно не обустроенным. Собралось около 30 человек молодых французов обоего пола, которые быстро превратили один из столов в алтарный престол, на котором о. Рене отслужил литургию по-французски. Потом они все причащались из одной Чаши, по-православному, после причастия устроили какое-то собрание с парой выступлений, а потом там же устроили танцы. Для меня все это было совершенно непривычно. Только что

они молились, потом дискутировали, и вот теперь весело танцевали в обнимку.

Что меня поразило при первом знакомстве с западным христианством, для которого окном и дверью служил мне о. Рене, это его духовная, интеллектуальная и социальная мобильность, его способность адаптироваться и переадаптироваться для разной среды и многообразных целей. В нем была та внутренняя свобода, которая позволяла преодолевать любые ограничения, идущие извне, будь то политическое или экономическое давление, культурное безразличие, секуляризм, да и сам атеизм. Отец Рене доверял моей способности показывать в западном христианстве те стороны, которые могут помочь и православию развить в себе способность к большей мобильности и приспособляемости к эпохе. Но сам-то я был беспомощен в западном мире на первых порах после советской клетки с ее ограниченным числом вариантов, притом, строго регламентированных. И отец Рене буквально стал моим Виргилием в прогулках по Парижу, показывал мне места, про которые я тогда ничего не знал, а узнал много позже, вроде аббатства св. Виктора, одного из средневековых интеллектуальных центров, из которых образовался Парижский университет, аббатство Клюни. Он устроил меня читателем библиотеки и вольнослушателем Католического университета. Убедил меня написать статью о христианском возрождении в СССР для ученого журнала иезуитов «*Études*»⁸, сам перевел ее на французский и познакомил с главным редактором. Зная про мой интерес к духовным упражнениям Игнатия Лойолы, договорился, чтобы меня допустили на трехднев-

---

⁸ “L'Eglise en URSS”, *Études*, juin 1973.

ный цикл этих упражнений под названием «Манреза», т.е. того монастыря, где Игнатий их составил и начал проводить. Причем, это было мое собственное желание, он сам ни на чем не настаивал, и даже тактично удостоверялся в том, не раздумал ли я. «Манреза» произвела на меня сильное впечатление, я записал, что мог на магнитофон, перевел на русский и послал друзьям в Москву в нескольких письмах. Впоследствии один из них рассказывал, что их тоже перепечатали и пустили в самиздат, хотя, конечно, это была очень любительская презентация «духовных упражнений».

С подачи о. Рене я ездил по разным – для бывшего советского человека – экзотическим местам вроде трапистского монастыря, где, по его рекомендации, мог провести несколько дней, просиживал дни в библиотеках, прочитывая груды католических журналов от фундаментальных штудий доминиканцев до обзорной и бодрой миссионерской публицистики иезуитов. Целью было выуживание того, что мне казалось было бы интересно для подсоветского читателя. Уговорил он и брюссельцев откомандировать меня на съезд молодежи в экуменическую общину Тезэ, тогда еще мало известную за пределами Западной Европы. Я побывал там и написал обзор, который «Логос» опубликовал⁹ по настоянию о. Рене, хотя эта тема и выходила за рамки интересов брюссельцев. Когда зашел у нас разговор о подобных молодежных мероприятиях в Католической Церкви, он посоветовал мне познакомиться с движением «Фоколарини», а потом написать о нем опять же для «Логоса». Я посетил их съезд под названием «Мариаполис»,

---

⁹ Пасха в церкви примирения. // «Логос» – Париж-Брюссель, 1973. № 1–2 (9–10). С. 64.

т.е. «Город Марии». Название отвечало цели движения: свидетельствовать о единстве человечества как единой семьи, а не множества разделенных и враждующих наций и групп. По их убеждению, Божья Матерь, Которой Господь в лице Своего любимого ученика усынил все человечество, способна по нашей вере и через наше участие пробудить в людях сознание всемирной семьи. «Фоколари», – как я писал в этом обзоре, – объединяют людей всех возрастов, от мальчиков и девочек до глубоких стариков». Это харизматическое движение мирян вносит демократизм в самосознание Церкви. Хотя в него входит много духовенства и монахов, иерархизм не вытягивается, все друг с другом на «ты», друг другу никто рук не целует. Фестиваль, начинается с молитвы, переходит в свидетельство и отчеты о сделанной работе, вечерами собираются на концерты «самодеятельности». Иначе не назвать эти любительские сочинения стихов и даже псалмов, исполняемых самими бардами, эти театральные и музыкальные постановки, не профессиональные, но захватывающие. Кажется, что музы затесались среди участников, и снуют по сцене, или сидят возле костра. Движение Фоколарини, основанное мирянкой Кьярой Любич, создает постоянные «Мариаполисы». «Один из них был основан в Италии, в местечке Лоппиано, неподалеку от Флоренции, тридцатью молодыми людьми в 1965 году». Здесь действуют двухгодичные курсы по религии и социологии. Занятия проходят утром, после обеда все трудятся. Это творческое объединение христиан. Городок Лоппиано целиком построен руками фоколарини. Я побывал на съезде во Франции. Но в том же 1973 году в Лоппиано проходил впервые международный фестиваль молоде-

жи, приехавшей из 43 стран. С того времени туда ежегодно на 1 мая съезжаются более десяти тысяч молодых людей со всего света¹⁰.

На этом движении, конечно же, лежала печать послесоборной новизны и о. Рене всячески меня поощрял в поисках подобного материала, хотя главной задачей было представить богословское и философское развитие на христианском Западе и в послесоборном католицизме. Правда, значительная часть переводов и обзоров, подготовленных нами для публикации, в брюссельский «Логос» не попадала. Ирина Михайловна тактично, но и твердо их отвергала. Ни она, ни два ее сотрудника не были специалистами в философии и богословии и ими не интересовались. Не имели они и тех разносторонних интеллектуальных ресурсов, которыми обладали иезуиты. Но брюссельцы не были связаны и военной дисциплиной ордена. Они были славянами, бежавшими из коммунистических стран и нашедшими свою миссию в христианской работе среди жертв атеистических режимов. Задним числом оцениваю и их верность взятой на себя задаче, их терпимость и терпеливость со своими новыми сотрудниками, бывшими советскими людьми, сохранившими все свои особенности; их благотворительность и готовность помочь при очень скромных возможностях. Также вспоминаю удивительную гибкость и терпение в работе с ними и со мной о. Рене, которому был крайне чужд их консервативно-католический настрой, называвшийся в медонской общине «интегризмом». Сам термин предполагал противоположность плюрализму, т.е. готовности сотрудничать

---

¹⁰ Мариаполис: Съезд движения Фоколарини. // «Логос» – Париж-Брюссель, 1974. № 1–2 (13–14).

со всеми христианскими исповеданиями, и даже другими религиями, провозглашенной Католической Церковью на Втором Ватиканском соборе. Иезуиты стали авангардом этой готовности. Впрочем, она включала в себя и способность сотрудничества с интегристами. Во всяком случае, о. Рене ею отличался, равно как и практическим сознанием того, что если он хочет держаться сработанной нами вместе в Москве программы строительства христианских мостов с Русской Православной Церковью, именно с ее интеллигенцией, то другого существующего канала, кроме «Очага Восточных Христиан» у него, точнее у нас, нет. Здесь он думал за нас двоих, так как в этом проекте мы с ним остались одни, но я всех этих дипломатических тонкостей тогда не понимал.

Однако, с приходом на Римскую кафедру краковского кардинала Войтылы, – Иоанна Павла II, прекратилась и «Восточная политика». У католиков, включая и иезуитов, снова оказались развязаны руки. И отец Рене, не удовлетворенный, как и я, «Логосом» поспешил начать журнал, который мы планировали и для которого постепенно собирали материалы. Именно этот новый журнал под названием «Символ», основанный в 1979, с начала 80-х превратился в толстый журнал христианской мысли и пастырства, объединив в своей редакционной коллегии ведущих католических богословов, а с началом Перестройки и после раз渲ла СССР, и ведущих российских ученых, философов и даже церковных деятелей, и ставший действительно международным и почти межконфессиональным очень квалифицированным журналом «христианской культуры».

Журнал христианской культуры

В проекте нашего межконфессионального журнала, который выработался на базе нашей московской встречи во главе с о. Александром и с французскими иезуитами, выражения «журнал христианской культуры» не было. Планировался журнал богословского и практического свободного диалога двух Церквей, не официального, а именно идущего снизу, отражающего интересы, запросы и поиски российской христианской интеллигенции. Изначально полагали, что таковым сможет стать «Логос». Термин «христианская культура» не возникал, поскольку трудно было его определить. Мы знаем понятие православной культуры, католической, культуры протестантизма, где в основе заложена Библия. Не требует ли само понятие «христианской культуры» некой «метанойи», не в смысле лишь нравственного покаяния, а в изначальном смысле греческого выражения, как выхода за пределы своего ограниченного мышления. Оно предполагает не только узнавание Лика Христа и действие Божьего Духа в культурных выражениях других исповеданий – здесь, конечно, как культурные люди мы научились узнавать это присутствие в мессах, кантатах и т.д. лютеранина Себастьяна Баха, в византийских и древнерусских иконах и мозаиках, в раннеренессансной и возрожденческой западной живописи и т.д. Оно предполагает еще и поиск явлений этого Лика в действиях Логоса в разных сферах умственной и творческой деятельности человечества.

Такое узнавание образа Христа в культуре было той задачей, которая могла бы всех нас объединить, и, не называя этого в том кратком разговоре, именно это

почувствовали тогда два священника – отец Александр Мень и отец Рене Маришаль, – к культуре открытых и в ней способных Лик Христа искать и показывать другим. Но это не само собой разумеющаяся задача. Конечно, Католическая Церковь всегда была к культуре внимательна, а иезуиты особенно. Провиденциально, что этот проект зародился у нас именно с ними. Оказалось, что они в лице о. Рене смогли его организовать и выносить. Но нельзя сказать, что это было лишь изобретением иезуитов. Превращение «Символа» в журнал христианской культуры было постепенным. Десять лет спустя основания журнала, в 1989 году о. Рене, в качестве ответственного издателя, в Введении от редакции к № 21, сослался на небольшую статью о. Павла Флоренского «Записка о христианстве и культуре», где о. Павел призывает все исповедания вместо оборонительной апологетики раскрыть и разъяснить смысл своих собственных упований и постараться признать и дело Христа и присутствие Его образа в уповании и практике других. Именно в этом проявится подлинное исповедание той истины, которая животворит всех христиан. Цитируя о. Павла, отец Рене указывает, что «от начала своего существования “Символ” стремился стать тем “перекрестком”, где две традиции – восточная и западная – могли бы раскрыть и разъяснить смысл своих упований, доверяя способности сторон выслушивать друг друга»¹¹. Сам он продемонстрировал способность не только выслушать точную и прямолинейную критику всего этоса и дела своего ордена, но и опубликовать ее в номере своего журнала, а именно

---

¹¹ От Редакции. // «Символ» – Париж, июль 1989. № 21. С. 3–4.

саму статью о. Павла, в которой есть и такие слова: «Научная и культурная деятельность иезуитов может заслуживать глубокого уважения по своему замыслу – дать христианству христианскую культуру. Но она глубоко ошибочна, ибо это не настоящие строения, а выставочные павильоны и скалы из штука¹²: такую лжекультуру можно строить лишь для ошеломления невдумчивых новичков, но отнюдь не для собственно-го употребления. Современному человечеству нужна христианская культура, не бутафорная, а серьезная, действительно по Христу и действительно культура»¹³.

Не входя здесь в разбор, насколько суждение о. Павла справедливо, хочу подчеркнуть лишь смиление иезуита о. Рене, который опубликовал эту критику, не вступая с ней в полемику. Очевидно его впечатлила идея единства христианской культуры, выдвинутая Флоренским, который размышлял о связи культуры с религиозным культом. «Культура, как показывает и эти-мология слова *cultura* от *cultus*, ядром своим и корнем имеет культ», – писал он приблизительно в то же время, как и эту статью. – «*Cultura* как причастие будущего времени, подобно *natura* указывает на нечто развивающеся. *Natura* – то, что рождается присно, *cultura* – что от культа присно отщепляется, – как бы прорастание культа, побеги его, боковые стебли его»¹⁴. Его подход

---

¹² Смесь извести и толченого мрамора, используемая для архитектурных деталей и рельефов. (Прим. ред.)

¹³ Флоренский П. А. Христианство и культура. // «Символ» – Париж, июль 1989. № 21. С. 73. (Печатается по самиздатской рукописи.)

¹⁴ Флоренский Павел, свящ. Из богословского наследия. // «Богословские труды» – М.: Издательство Московской Патриархии, 1977. № 17. С. 117.

кажется более ригористичным, сводящим, казалось бы, понятие христианской культуры к богослужению. В той же работе он указывает на Евхаристию как средоточие культа. Но Евхаристия представляет вершину и католической мессы: «Се Агнец Божий, вземлющий грех мира» – произносит священник, вознося Гостию. Сила Евхаристии вбирать в себя всю культуру поверх конфессиональных барьеров нашла отражение в медитации иезуита Тейяра де Шардена. Незадолго до своей смерти он представил мир со всем зданием человеческой культуры преображающимися в огромную Гостину Тела Христова.

Но если в богословии подчеркиваются различные понимания таинства Евхаристии у католиков, православных и протестантов, то в культурном его обрамлении эти различия могут отходить на задний план. Так католики используют музыку лютеранина Баха, писавшего свои мессы и Страсты для собственной церкви, или Реквием Моцарта. С мистическим благоговением слушает их и православный. Здесь открывается та общая «Божественная Среда», о которой писал Тейяр. Христиане теряют ее из вида, замыкаясь в своей автономности. Эту самоизоляцию о. Павел стал считать основной греховной болезнью не только человечества, но и христианства. «Христианский мир полон взаимной подозрительности, недоброжелательных чувств и вражды», – пишет он в той же статье, опубликованной в «Символе». – «Он гнил в самой основе своей, ибо не имеет активности Христа и вместе не имеет мужества и чистосердечия признать гнилость своей веры. Охотно обсуждают частности, тонкости и скрупулезные точности доктринальных формул, церковного обряда,

канонического строя, обсуждают без конца и никак не могут дойти до соглашения ни в ту, ни в другую сторону. Не оттого ли безуспешность всех этих переговоров, что к вопросам веры подходят не изнутри как верующие, а извне, как археологи, и, теряя чувство духовной реальности, как слепые, не могут охватить целого»¹⁵.

Эти слова, написанные в начале 1920-х годов, кажутся весьма строгим приговором. Но не забудем, что только что отгремела Первая мировая война, закончившаяся полным обескровливанием Европы и русской революцией. И связана она была именно европейскими христианскими государствами, многие из которых управлялись одной и той же разветвленной христианской династией.

Какое же глубокое впечатление должна была произвести эта статья о. Павла на о. Рене, если он решил опубликовать ее в своем журнале¹⁶. Сам факт этой публикации свидетельствует о подлинном намерении создать форум, на котором две церковные традиции в своих самых высоких и аутентичных проявлениях могли бы встретиться в подлинном диалоге. Но это не пришло само собой, и конечно же о. Рене не мог бы самостоятельно этого достичь и держаться этого уровня в издании журнала на русском языке и для России. Когда мы начинали с ним работать, то я мыслил этот журнал, тогда еще выходивший как «Логос», как дайджест и обзор западной, в основном, католической мысли в

---

¹⁵ Флоренский П. А. Христианство и культура. // «Символ» – Париж, июль 1989. № 21. С. 72, 74.

¹⁶ В России эта статья была опубликована в четырехтомном собрании сочинений П. А. Флоренского, вышедшем в 1996 г.

современном мире. Материалы, мною отобранные, часто никуда не шли, а собирались впрок. Впоследствии некоторые пригодились. Однако на них одних журнал-мост христианской культуры было не построить. Подлинным создателем этого моста стал редактор «Символа» Александр Мосин. И здесь нельзя не увидеть руку промысла, который все это устроил поверх наших голов.

Осенью 1977 года кончалось мое пребывание в Израиле: была истрачена полученная стипендия. Я уже был женат, а на то, чтобы содержать семью у меня средств не оставалось, равно как и возможности при моем христианстве заработать их в Израиле. Не оставалось денег и на два билета в Америку. Я списался с о. Рене, объявил, что женился, и спросил, не будет ли у меня возможности подработка у него во Франции и места пожить за это время в Медоне с женой. Отец Рене ответил, что таковая возможность есть, так как он замыслил новый проект. На два билета до Франции денег хватило, и мы прибыли в Медон. Среди обычной компании из иезуитов и их светских сотрудников по преподаванию русского, было несколько гостей и еще новая, нашедшая временный приют в медонской общине чета питерских интеллигентов, Алёны и Александра Мосиных. Алёна была художницей, а Саша – музыкант, исполнявший старинную музыку на блокфлейте. Мы сошлись с ними сразу, обнаружив много общего, учитывая и то, что сама Оля играла на скрипке. Они сыгравались вместе, а на свадьбе Мосиных, которую устроили в самой медонской усадьбе, Оля и Саша выступили с программой старинной музыки для блокфлейты и скрипки. В те дни нашего проживания в Медоне мы много времени проводили вместе. Мосины оказались верующей парой.

По их рассказам, само их прибытие во Францию произошло не без чуда. Выехав по израильской визе, они проходили свой карантин в Италии пока оформлялись их визы в Америку, куда они, чувствуя себя насквозь европейцами, ехать не хотели: «Мы не могли себе представить, что будем делать в этих маленьких спящих американских городках». В Израиле, эта насквозь русская чета, тоже не могла себе придумать занятия. Сели наобум в поезд, идущий в Париж, без всяких документов, кроме своей ОВИРской визы на выезд из Союза. На коленях держали завернутую в полотенце икону св. Николая, как знаем, также покровителя и путешественников. На границе вцепились в нее в четыре руки с просьбой провезти их. Святой Николай провез. Итальянские пограничники, проходя из купе в купе, просили показать паспорта, пассажиры вытащили из карманов и помахали ими, а Саша принялся копаться в чемодане. Пограничники ждать не стали и пошли в следующий. Но вот и французская граница, где порядки более строгие. Французские полицейские вошли и стали проверять паспорта у всех, проверяя даты виз (ведь это не был еще Европейский союз). Но посмотрев на Сашу и Алёну, окаменевших от страха и из глубины вспивших к св. Николаю, почему-то отвели от них свои пограничные взоры, и наша чета оказалась на территории Галлии, отирая пот от пережитого страха. Но вот они в Париже без языка, документов и денег, и вос требованной профессии. Все их состояние – коллекция блокфлейт, вывезенная Сашей с родины. Прослышав о Медонском центре, отправились туда и попросились погостить. Медонская община братьев так долго имела дело с русскими и Россией, что сама обруслена и ее като-

лическая забота о бездомных приобрела черты русского гостеприимства, где приживальщики становились членами семьи. Однако Мосины, прожившие уже несколько недель в Медоне понимали, что продолжаться это вечно не может, а идти им было абсолютно некуда. Алёна проводила дни в рисовании, а Саша играл на блокфлейте у себя в комнате.

Мы же с о. Рене занимались составлением имеющего родиться журнала, которому о. Рене уже подыскал и соответствующее предназначению название. Сейчас, проглядывая его первый номер, узнаю собранные мною и переведенные статьи, тематически посвященные семье, главу из переведенного мною в содружестве с другими переводчиками из окружения о. Александра, Голландского катехизиса. Перевод я привез из России, но издателя на Западе мне так и не удалось найти. «Жизнь с Богом» отказалась сразу, сославшись на его явный либерализм. Но одной главе мы с о. Рене нашли применение. Уже в первом номере от редакции, была заявлена и миссия журнала: «*Символ* мыслится нами как бы неким перекрестком, где две христианские традиции, две культуры, черпающие из одного источника, но на протяжении столетий шедшие параллельными путями, могли бы встречаться для того, чтобы постепенно осознать сущность своей взаимодополняемости. Журнал ставит себе целью ознакомление читателей с многогранной деятельностью западного христианства как в области богословской мысли, так и в плане ежедневной практической жизни христианских общин». Обещался выпуск тематических номеров, была также заявлена и историко-архивная тема: культурных связей между православными и католиками, в первую очередь, на ос-

нове документов, хранящихся в Славянской библиотеке в Париже¹⁷.

Обсуждая будущее наше сотрудничество через океан – о. Рене подчеркивал, что без русского редактора со знанием советских реалий, он не справится – и понимая все его сложности, мы перебирали дополнительных кандидатов на эту роль. Тут я и предложил ему взять Александра Мосина своим помощником по редактированию и изданию журнала. На недоумение о. Рене, как ему может помочь в редактировании флейтист, я объяснил, что Мосин – питерский интеллигент с огромной начитанностью, разносторонними талантами и интересами, христианин, кроме того с живыми интеллектуальными связями с родиной, хорошо знакомый с самиздатом и в нем ориентирующийся. Отец Рене, насквозь западный человек, был мало знаком с таким явлением как «русский интеллигент», мастер на все руки идейной деятельности. Но так как мы с ним уже вполне сработались за несколько лет, он доверился моему суждению и взял А. Мосина на работу.

Через некоторое время после нашего с Олей отъезда, о. Рене в переписке и отчете об издательских успехах, рассказал, как быстро и легко Мосин стал правой рукой издателя. По ходу дела, эта правая рука так набила руку на редактуре, что сделалась главным редактором, постепенно развивая и меняя характер журнала. Из дайджеста и обзора католического богословия и практики, журнал разворачивался к русской церковно-богословской, и историко-культурной тематике. Все больше появлялось трудов русских православных богословов и мыслителей, новых чрезвычайно ценных публикаций.

---

¹⁷ *Символ*. // «Символ» – Париж, январь 1979. № 1. С. 2–3.

Мосин на этой работе расцвел, изыскивая по западным архивам материалы для публикации из русской религиозно-философской классики. Но он также освещал и совершенно до того замолчанный аспект, а именно диалог русской философской и богословской мысли с западной, и историю культурного взаимовлияния двух Церквей. Печатал он и труды русских мыслителей, которые он выуживал из самиздата.

Через несколько лет он мне рассказывал, что ему приходилось выдерживать атаки со стороны Никиты Струве, который считал, что Мосин заступает на его территорию, публикуя русских православных мыслителей в католическом журнале. При этом сам Струве не имел возможности собирать и публиковать материалы, которые находил и подбирал Мосин для «Символа». Мосин же стал проводить систематическую программу культурного связывания этих двух христианских миров. Причем это была не искусственная, а естественная программа, поскольку такие связи существовали все века русской культуры, только в ней не афишировались и даже замалчивались, но в последний век послереволюционной эмиграцией превратились из исключений в правило. Ведь русская интеллигенция, выброшенная за рубеж, не попала в вакуум, она встретилась с интеллигенцией западной, и русские философы и богословы вступили в личные контакты со своими западными, в том числе, и католическими коллегами. К примеру, Николай Бердяев оказал сильное влияние на Эммануила Мунье, редактора французского журнала «L'Esprit», а католический философ-томист Этьен Жильсон повлиял на такого выразителя православной традиции как Владимир Лосский.

На свободе и при полной поддержке о. Рене, А. Морин раскрыл в себе недюжинные таланты исследователя, историка, богослова, культуролога и журналиста. Он стал находить и получать ценнейшие рукописи русских мыслителей, до того не видевшие свет. Напечатал никогда не публиковавшуюся вторую часть трактата Льва Карсавина «О началах» с послесловием Сергея Хоружего¹⁸, а также интереснейшую в философском отношении переписку по-немецки Карсавина с иезуитом Густавом-Андреем Веттером, профессором истории русской философии в Папском Восточном институте. Переписка была опубликована на двух языках – в оригинале и в переводе на русский. Стал регулярно публиковать работы Флоренского, никогда еще не видевшие свет, в частности и ту статью о христианской культуре, которая помогла о. Рене наконец-то сформулировать направление своего журнала.

Конечно, по мере возможности продолжалось и мое участие из Америки. № 30 «Символа» напечатал полный перевод исследования об Апокалипсисе моего профессора в Фордамском университете, тоже иезуита Чарльза Гиблина, под названием «Открытая книга пророчеств». Перевод сделала моя жена, тогда уже профессор славистики, с моим предисловием. Но я не мог найти ему издателя в России. Россия советская уже распадалась, свободная и экономически самостоятельная еще не родилась, да и книга для русских любителей Апокалипсиса казалась слишком академической, слишком занудно выверенным структурно-филологическим анализом, лишавшим ее загадочного ореола, позволявшего, как казалось, каждому толковать ее на

---

¹⁸ «Символ» № 31.

свой манер. «Символ» не только взялся опубликовать ее целиком в номере, но затем даже издал ее отдельной книгой под своей маркой.

Уже к концу 80-х годов «Символ» превратился в уникальный журнал христианской культуры, надконфессиональный, публикующий ведущих католических, протестантских, и православных богословов, мыслителей, ученых и религиозных деятелей, по-западному корректный и академически диалогичный. В его почетную редколлегию вошли известные католические богословы, кардинал Анри де Любак, доминиканец Ив Конгар, а также и знаменитые русские ученые: С. С. Аверинцев, В. В. Иванов – всемирно известный лингвист, русско-американский историк из Беркли Н. Рязановский, проф. З. Темпест, Н. Эйдельман из Москвы. Он представлял интеллектуальное лицо христианства в такой степени, что печататься в нем стало престижно. Даже митрополит Смоленский Кирилл, председатель отдела Внешних церковных сношений МП, будущий Святейший патриарх Московский, напечатал в нем две своих статьи: «Церковь еще не стала говорить в полный голос» (№ 20) и «К экологии духа» (№ 22). Напечатал в нем свою статью по патристической герменевтике и нынешний председатель этого отдела митрополит Иларион Алфеев еще в бытность свою иеромонахом: «Экзегетический метод преподобного Симеона Нового Богослова» (№ 26). Достаточно посмотреть обзор материалов за годы издания, чтобы оценить охват журнала и его международных сотрудников, из которых все большую часть составляли русские ученые и богословы.

Изменение сознания, безусловно, происходит медленно. Но надежная многосторонняя информативность

журнала, действительно дающая представление о единой христианской культуре поверх конфессиональных барьеров, сделала и продолжает делать свою работу: выводить христианское сознание из узких рамок исторического и конфессионального провинциализма к кафолическому, соборному видению действия Христа и Духа Святого в мире через Его церкви, и как мы можем прозревать это действие в культуре, которая нас окружает и которой мы дышим.

Все эти годы за журналом стояла фигура о. Рене, его основателя и издателя, один раз встретившегося с о. Александром Менем, и понявшим его с немногих слов, но так верно, что казалось, что журнал издают они вместе, хотя Александр Мосин, реальный его редактор о. Александра не знал, а я, его знавший, отошел от этого проекта, после того, как его твердо взял в свои руки А. Мосин. Эта верная, смиренная, многолетняя деятельность о. Рене, стоявшего за А. Мосиным, его поддерживающая и направляющая в духе раз взятого на себя обязательства перед своими российскими православными собратьями, являет тайну личности Рене Маришала и успех его огромного дела. Ведь ему удалось построить интеллектуальный мост между двумя нашими Церквами, по существу до того не существовавший, мост христианской культуры, который теперь уже разрушить невозможно. И не только потому, что «Символ» с 2006 года продолжает издаваться в России, но и потому, что сам этот мост уже выстроен в сознании русской христианской интелигенции и образованного духовенства, уже не мыслящих себя в отрыве от Европы и Мира, и от общехристианской культуры. «Символ» сделал очевидным, что мы есть части одного целого.

В это время, когда отошел к Господу о. Рене Маршаль, и мы отмечаем тридцатилетнюю годовщину мученической кончины о. Александра Меня, мне все очевиднее, что журнал христианской культуры «Символ» стоит памятником их сотрудничества неведомыми духовными путями христианского единомыслия.

*Нью-Йорк
May 2020*

ПОСВЯЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРУ МЕНЮ

Евгений Рашковский

Статья доктора исторических наук Евгения Борисовича Рашковского касается наследия выдающегося современника Вл. Соловьёва – ученого-бibleиста Александра Павловича Лопухина (1852–1904). Один из центральных моментов творчества Лопухина касается его богословской и философской трактовки самой общей проблематики права, во многом вытекающей из анализа Моисеева Декалога и Заповедей блаженства. Библейские исследования Лопухина акцентируют некое сложное, отчасти даже трагическое противоречие (иными словами – антитонию) транс-исторических принципов Права, с одной стороны, а с другой – принципов формальной законности, во многом обусловленных обстоятельствами конкретной истории.

Эта, выработанная в ходе тщательных трудов по исследованию и комментированию Библии, позиция Лопухина во многомозвучна идеям (особенно – в поздний период творчества) Владимира Соловьёва, 120 лет со дня кончины которого отмечается в 2020 году.

*Памяти о. Александра Меня,
в чьей жизни и творчестве
библейское наследие,
идеи свободы и права
были неразрывны.*

**ПРАВО, ИСТОРИЯ, СВОБОДА:
К ОСМЫСЛЕНИЮ
БИБЛИОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
А. П. ЛОПУХИНА**

Александр Павлович Лопухин прожил жизнь, по нынешним меркам, недолгую: всего неполных 52 года (1852–1904). Но тем значительнее его доселе не оцененный жизненный подвиг: бесчисленное множество книг, статей и рецензий, посвященных по преимуществу библиологическим сюжетам¹. То была жизнь, если вспомнить стихи А. К. Толстого, «против течения». Против господствовавших в то время тенденций атеизации, правового нигилизма, национализма и необузданных имперских притязаний, против попыток разрешить все основные болевые проблемы человеческой жизни на путях индивидуального, а вслед за ним – группового и казенного террора. Отчасти даже против устарелоконсервативных аспектов своих же собственных политических воззрений...

Одним из важнейших жизненных и творческих стремлений А. П. Лопухина было стремление – на примере собственных исследований, собственных текстов –

---

¹ Неполную, но притом весьма обширную библиографию трудов А. П. Лопухина см.: Лопухин, Александр Павлович – https://ru.wikipedia.org/wiki/Лопухин_Александр_Павлович [1] Доступ: 22.07.2019.

приучить российское общество к *осмысленному чтению* Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, к чтению современному, когда к древним текстам читатель приступает, не забывая о современном опыте, современных познаниях, исходя из проблематики и запросов текущей жизни. И притом – соблюдая принцип историзма. В основе такого чтения, согласно религиозно-философским интенциям Лопухина, должны лежать не буквализм, не зубрежка, не слепое поклонение древним прецедентам, не авторитарное назидание, но нечто иное. Это *иное* – редкое, но во все времена насущное человеческое стремление, *собеседуя* со священным текстом, собеседуя с самой Вечностью, погрузиться в поиски тех вселенских ценностей и смыслов, которыми, собственно, и жив человек. Ценностей и смыслов – если вспомнить Пастернака – «поверх барьеров» времен, культур, конкретных социальных отношений. Эти ценности и смыслы, как правило, не аннигилируют специфические черты прошлого и современного культурного и мыслительного опыта, однако возводят их к более высоким порядкам мышления и самогó вечно динамичного Бытия.

У нас в России задача такого собеседования оказалась и по сей день оказывается тем более трудной, что в отношении библейских познаний и библейских изданий страна наша (и в ее интеллигенции, и в ее управленческом слое, и в ее народных толщах, и даже среди большинства духовенства) оставалась, говоря нынешним языком, страной, в некотором смысле *слаборазвитой*. И на этом вопросе мы вынуждены будем остановиться особо.

* * *

Не вдаваясь в более раннюю, а также в более подробную историю библейских переводов и изданий в России и в Русском зарубежье (труды И. А. Чистовича, М. И. Рижского, А. А. Руденко, игумена Иннокентия (Павлова), отчасти даже и автора этих строк и др.), скажу, что основной русский перевод Библейского Канона – Синодальная Библия – был подготовлен лишь к 1875 году².

Синодальный текст, вобравший в себя труды нескольких поколений отечественных библеистов (от 10-х до 70-х годов XIX столетия) и поныне остается основным русским библейским текстом. Труды создателей перевода («Филаретовой дружины») заслуживают преклонения. Они вошли в каждого из нас.

Однако, как замечал еще в начале XX века выдающийся библеист Иван Евсеевич Евсеев (1868–1921), язык Синодального перевода изначально страдал существенным анахронизмом, ибо оказался – при всех его достоинствах – всё же во многих отношениях языком книжным, нарочито архаизированным, соответствующим уровню и стилистике русской литературы допушкинских – точнее даже державинских – времен³. И в

---

² Ныне созданы и распространяются в России и республиках Ближнего зарубежья и переводы Российского Библейского общества и Института перевода Библии при Закокской духовной академии. Мне самому посчастливилось принять некоторое участие в подготовке обоих изданий. Однако основным базовым русским текстом всё же остается текст именно Синодального перевода.

³ См.: Евсеев И. Е. Столетняя годовщина русского перевода Библии (1816–1916). – Пг. 1916. С. 16. [2]

этой связи вспомним: время публикации Синодальной Библии было временем расцвета прозы Достоевского и Льва Толстого⁴ и поэзии Фета, временем, когда уже не было в живых Тютчева и подходил к концу жизненный путь Некрасова. Сам русский язык уже существовал в это время в обновленной системе социокультурных и духовных координат. Весь этот комплекс обстоятельств заставляет лишний раз поразмыслить об одной из трагических проблем Санкт-Петербургского периода русской истории – о разрыве, о расколе между христианской культурной традицией и запросами светской мысли, между Церковью и интеллигенцией.

В этой связи позволю себе одну справку для любителей фундаментальных проблем российской истории.

Эрзац-канон революционного «писания» («Что делать?» Чернышевского, «Исторические письма» Лаврова, «Что такое прогресс» Михайловского, первый том «Капитала» Маркса) сложился в России и был освоен широкой публикой ранее, чем страна невозбранно получила Библию на своем родном языке...

Говорить о «романе» Чернышевского в нашем контексте – неинтересно. Труды же Лаврова, Михайловского, Маркса, разумеется, были для своего времени глубокой и своеобразной, хотя и небесспорной эвристикой социального знания. Но весь ужас положения заключался в том, что эти заведомо конвенциональные, обращенные к критическому, рефлексивному мышлению обществоведческие тексты воспринимались как

---

⁴ Отмечу: в заключительных разделах завершенного в 1899 г. романа «Воскресение» (часть 3, глава XXVIII) Толстой приводит обширные выписки из 18 главы Евангелия от Матфея именно в Синодальном переводе.

канон откровенного и абсолютного знания⁵. Воспринимались с тем накалом сектантского фидеизма, который едва ли был свойствен просвещенному верующему человеку XIX или XX века в подходе к его собственному Канону.

Срок свободной циркуляции русской Библии в русском обществе оказался крайне непродолжительным: всего четыре десятка лет. И тем трагичнее было положение, что с Библейским Каноном отожествлял свои амбиции отживший сословно-теократический строй. Сам ход русской истории оказался в эти и последующие десятилетия узурпирован радикальной и насильственной атеистической псевдореформацией...

Когда-то у политиков и эстетов вызывали умиление строки Николая Клюева:

*Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто причины разруш
Он ищет в «Поморских ответах...»*

Л. Д. Троцкий, один из лидеров Октября, усматривал в этих строках чуть ли не поэтическое откровение нашего особого пути – через отсталость к роли вселенского авангарда – и нашего особого права предписывать утопические проекты самим себе и всем прочим народам

---

⁵ Ю. М. Лотман отмечал, что фидеистический подход к атеистическим или, в лучшем случае, деистическим сочинениям французских просветителей был характерен еще для части российских дворянских вольнодумцев конца XVIII в. (см.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Азбука, 2016. С. 217–223). [3]

и странам⁶. Однако поэзия многозначна. Мгновенные и нестойкие настроения поэтов, в частности, и автора будущей «Погорельчины», не властны над областью поэтических содержаний. Апология одержимости самоправотой таила в себе беспощадную правду...

Итак, констатируем болезненный парадокс нашей истории: печально запоздалое вхождение Библейского Канона в *современную* русскую языковую и интеллектуальную сферу.

* * *

А. П. Лопухин подошел к своей задаче библейского исследователя и духовного просветителя русского общества, имея за душой огромный запас библиологических знаний, причем – на глубокой основе знаний богословских, общефилософских, исторических, правовых, филологических и востоковедных. Годы пребывания в Соединенных Штатах (1879–1882)⁷ и постоянное общение с тамошним духовенством и ученым міром позволили Лопухину наблюдать и мощную библейскую

---

⁶ См.: Троцкий Л. Д. Ленин как национальный тип. – М.: ГИЗ, 1924. [4]

⁷ Nota bene. На мой взгляд, значение трехлетнего пребывания Лопухина в США невозможно переоценить. Ведь Штаты были (как отчасти и поныне остаются) не только социо-экономическим, правовым и технологическим авангардом тогдашнего міра, но и самой «библейской» страной: страной, где чтение, толкование и осмыслиение библейских текстов были достоянием не только культурной элиты и церковных кругов, но и широких народных масс. И американский опыт, несомненно, наложил отпечаток на міровоззрение ученого. – См.: Мень А., прот. Библиологический словарь. – М.: Фонд им. А. Меня, 2002. Т. 2. С. 145. [5]

преемственность в литургике, жизни и мышлении как разных ветвей христианства, так и иудаизма. Важно при этом отметить, что, служа в Нью-Йорке псаломщиком тамошнего православного храма, Лопухин, выходец из среды сельского духовенства провинциальной России, не отрывался и от родной ему православно-российской традиции восприятия библейского наследия в литургии, в годовом богослужебном круге, иконописи и гимнографии.

Вообще, как мне думается, опыт православного церковнослужения в Соединенных Штатах (в этой, если можно так выразиться, стране победившего протестантизма⁸) подсказывал Лопухину мысль о важности и насущности многовековых духовных эстафет и социокультурных сдвигов в этом непрерывно меняющемся мире⁹.

Именно в Соединенных Штатах и начал Лопухин свою работу по углубленным и систематическим толкованиям библейского наследия – толкованиям, обращенным именно к современному читателю.

---

⁸ Хотя в своих трудах Лопухин неоднократно обращал внимание на возрастающую роль католических меньшинств в духовной и общественной жизни США. В настоящее же время римо-католицизм стал самой многочисленной среди деноминаций этой страны.

⁹ На особую интеллектуальную отзывчивость Лопухина, в частности, к наболевшим проблемам тогдашней российской жизни и к проблемам межконфессионального взаимопонимания указывает и его биограф. – См.: Сухова Н. Ю. Лопухин, Александр Павлович // Православная энциклопедия. Т. 41. – М., 2016. С. 460. [6]

* * *

Сложный и неоднозначный характер взаимосвязи между Правом как таковым и конкретными законодательными нормативами – проблема, в той или иной мере разработанная и в правоведческой, и в философской литературе, и в историографии¹⁰. Принципы права, в конечном счете, сверх-историчны и общечеловечны, тогда как законодательные нормативы во многом определяются текущими состояниями социальности, религий и культуры¹¹: на них – если вспомнить стихи Хомякова – ложится «пыль земли». Принципы права более всего связаны с родовым человеческим тяготением к состояниям нравственности и свободы; законодательные же нормы во многом обусловливаются (и отчасти сами обусловливают) область преходящих исторических обстоятельств. Иными словами, как мне кажется, Право и Законность суть универсалии любой развитой и осмысленной человеческой жизни. Они неотъемлемо связаны и – исторически – взаимно порож-

---

¹⁰ Что касается последней, то среди отечественной литературы хотелось бы упомянуть прежде всего так называемые «типологические курсы» Николая Ивановича Кареева (1850–1931), во многом вдохновленные трудами германского правоведа Георга Еллинека (1851–1911). Что же касается литературы философской, то о некотором параллелизме правовых идей Еллинека и Вл. Соловьёва см.: *Прибыткова Е. А. Несвоевременный современник: Философия права* В. С. Соловьёва. – М.: М. Колеров, 2011. [7]

¹¹ См.: *Гусейнов А. А. Законодательство Моисея: единство морали и права // Баренбойм П. Д. и др.* Моисей. Первый философ права. Человек, который видел Бога. – М.: ЛУМ, 2017. С. 5–47. [8]

дают друг друга. Однако – несут в себе существенную разницу в акцентах и потому могут быть и конфликты. Первое акцентирует нашу свободу, тогда как вторая – круг обязанностей и области нашего подчинения. Но, повторяю, всерьез они не даны друг без друга.

Некоторую корреляцию этому кругу идей можно найти и в трудах А. П. Лопухина. По его мысли, подлинный опыт веры, принимая на себя принципы Законности и Познания (а ведь Познание – как-никак! – коррелят Свободы и Права), призван избегать крайностей юридического формализма и – одновременно – трактовки духовных материй как загадок, головоломок по преимуществу чисто интеллектуального плана. Ибо в первом случае речь заходит о фетишизации феномена государственности и власти, а во втором – многозначного феномена науки¹².

С точки зрения Лопухина, именно с оскудением библейской памяти во многом связаны черты культурного упадка тогдашней Европы и – отчасти – России. С гораздо большим оптимизмом он воспринимал возможные будущие судьбы народа Соединенных Штатов – вплоть до одобрения американской версии отделения Церкви от государства: в основе этой версии, как он

---

¹² См.: *Лопухин А. П. Современный Запад в религиозно-нравственном отношении. Публичные лекции, читанные Великим постом 1885 и 1886 гг. в «Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви» в пользу недостаточных студентов Санкт-Петербургской духовной академии // Лютардт Хр. Э. Апология христианства. – СПб.: И. Л. Тузов, 1892. С. 685. [9].* В этом суждении Лопухина явно угадывается влияние на его мысль философской методологии Вл. Соловьёва, обоснованной прежде всего в «Критике отвлеченных начал».

полагал, лежало уважение американского правотворчества к глубине и многообразию верований в те поры еще молодой нации¹³. Но этот факт американской правовой истории представлялся Лопухину едва ли не единственным исключением среди неутешительного зрелища тогдашнего состояния мира, раздираемого стихиями нигилизма, национализма, военных авантюров, этнической и классовой ненависти...

И всё же, с точки зрения Лопухина, в истории человеческой мысли есть единственный правоустанавливающий текст, который призван обусловливать живую связь идеи свободы¹⁴ и права с конкретикой законодательных установлений. Это – текст Моисеева Декалога в двух его редакциях: Исх 20:2-17 и несколько более пространная редакция – Втор 5:6-21¹⁵.

Текст Декалога – и в этом момент его исторической обусловленности, точнее, момент связи Божественной

---

¹³ См.: Там же. С. 732–741.

¹⁴ С точки зрения Лопухина, вообще предикат человеческой свободы чрезвычайно важен для понимания библейских текстов. В этом плане, последователями Лопухина представляют и наши российские современники-бibleисты: прот. Александр Мень и свящ. Георгий Чистяков.

¹⁵ Во второй редакции обнаруживается несколько более сильный акцент на утверждении человеческого достоинства тех, за кем архаические общества это достоинство, по существу, отрицали: иноплеменников и рабов. Вообще, Синайское законодательство содержит ряд принципов, заведомо смягчающих положение рабов – вплоть до правил вхождения в свободное сообщество «сынов Израилевых». – См.: Рашковский Е. Б. Власть, человек и мысль: из политологических наблюдений над библейскими текстами // Философия права Пяти книжия. – М.: ЛУМ, 2012. С. 83–100. [10].

воли с исторически обусловленным характером человеческого сознания – синкретичен. Но и в этом – его сила и смысл на все времена. Ибо самые общие богооткровенные правовые принципы, по словам Лопухина, «просты и общедоступны, но исполнены такого глубокого значения, что легли в основу всякой нравственности и всякого законодательства»¹⁶. Эти принципы, по словам Лопухина, являются собой «вековечную истину», открытую людям Живым, Единым и сострадающем человеку незримым Богом. Богом, Который вывел Свой народ из казенного рабства¹⁷.

* * *

Вообще, Лопухин – человек сам неоднозначный и противоречивый в своих исканиях – выделяет одну важнейшую творческую сложность в анализе, понимании и интерпретации библейских текстов и, в частности, Моисеева Десятизловия. Познание уникальных сторон истории, человека, его верований, институтов и культуры только тогда и является познанием в подлинном смысле этого слова, когда связуется с общим контекстом законосообразности Бытия (законосообразности не физикалистской, но человеческой, т.е. многофакторной – законосообразности психологической, культурной, социальной, духовной) и – одновременно – в контексте социально-исторической изменчивости человеческой

---

¹⁶ Лопухин А. П. Библейская история Ветхого Завета. Первое заграничное издание / Репринтное воспроизведение издания 1887 года. – Монреаль: Изд. Братства Иова Пощаевского, 1986. С. 118. [11]

¹⁷ Там же. С. 118–119.

жизни¹⁸. Но и здесь проявляется одна характерная черта православного мыслителя Лопухина: Божественное Провидение не навязывает Себя истории, не подчиняет Себе диктаторски историю, но, вступая с людьми в Священный договор (*ха-Брит*, Завет, *Testamentum*, *Covenant*), исподволь направляет и корректирует ее, открывая человеку новые горизонты предзаданной ему свободы: его «образа, как и подобия» Божия: *бэ-цальмену, ки дмутену* – Быт 1:26. Причем и сами акты Божественного Откровения – как и Десять Заповедей на скрижалях Завета – не только направляют, но и проблематизируют нашу жизнь, вводя в нее моменты самосознания, исторической памяти и ответственности¹⁹.

Причем, полагает Лопухин, если судить по текстам библейского нарратива, избрание человека Свыше, т.е. оправдание в нем «образа и подобия» – акт вовсе не сантиментальный, но требующий от человека нелегких трудов внутреннего очищения.

Так, за однократный обман слепого отца праотец Иаков как бы беспрчинно наказуется долголетними обманами со стороны своего тестя Лавана, за обидное отношение к кроткой Лии – долгим бесплодием любимой Рахили²⁰. Согласно Большим пророкам (Исаия, Иеремия, Иезекииль), за преднамеренные или же бездумные нарушения Синайского Договора Израиль платит неимоверную цену Вавилонского нашествия, Вавилоно-египетских войн, разрушения Иерусалима и Храма, цену

¹⁸ См.: Там же. С. 1–3. *Nota bene*. Здесь обращает на себя внимание параллель общетеоретических и общенаучных воззрений Лопухина с воззрениями великих мастеров российской исторической науки его времени: В. О. Ключевского, Н. И. Кареева, чуть позднее – М. О. Гершензона.

¹⁹ См.: Там же. С. 54–57.

²⁰ См.: Там же. С. 54–55.

иноzemного пленения. Савл (Шауль)-Павел, прежний яростный гонитель первохристианской общине, сам вынужден – уже обратившийся – переживать издевательства соплеменников, неистовство языческих толп, гонения римских властей и тюрьмы... Вплоть до казни.

Что же касается Синайского Откровения, с наибольшей глубиной открывшегося именно в Декалоге, то Лопухин рассматривает его как Откровение о сложностях самой человеческой свободы. В частности, глазами человека конца позапрошлого века, затронутого консервативными, либеральными и отчасти даже социалистическими влияниями современной ему жизни²¹, Лопухин настаивает на особой ценности одной антиномии, присущей в глубинных смыслах Декалога (именно как Откровения общественной свободы). Это – антиномия равенства людей перед Богом (как Гарантом их свободы) в общем круге правовых отношений и – святости собственности (запрет на кражу, предостережение от комплексов зависти)²².

---

²¹ И это – несмотря на резко отрицательное отношение Лопухина к современным ему социалистическим программам. Вообще, сложная проблема тернарной взаимной дополнительности идей трех основных школ европейской мысли – либерализма, консерватизма и социализма (с их опорами, соответственно, на принципы правоогражденной свободы, культурной преемственности и социальной справедливости) – всерьез выявила лишь на протяжении последних десятилетий XX века. Однако сама сложность этой проблемы с трудом даётся современному сознанию. Будь то сознанию массовому, будь то сознанию заискивающих перед массами политиков. Хотя проблема этой тернарной взаимосвязи была предугадана еще в трудах Н. И. Кареева и В. С. Соловьёва.

²² См.: *Лопухин А. П. Библейская история...* С. 119–120.

Вообще, с точки зрения наших нынешних обиходных понятий, Пятикнижие Моисеево сплошь наполнено антиномиями и парадоксами.

Один из таких внешних парадоксов касается статуса Израиля среди народов. Израиль, как настаивает библейский нарратив, «свят» и «отделен» от народов как особый «удел (*хéлек*)» Бога в общечеловеческой истории. Не случайно древнееврейское существительное «*кадóши*» означало и святость, и обособленность²³. Однако опыт (подчас самого драматического свойства) общения Израиля с окружающими народами – не тщетен.

Уроки египетского художественного и литургического мастерства становятся, но уже на качественно новой, строгого монотеистической основе, неотъемлемой частью древнеизраильского храмового действия²⁴; опыт частично породненных с Израилем кочевников-мадинитян помог израильтянам наладить институциональное оформление своей собственной кочевой свободы, включая и систему судопроизводства (Исх 18)²⁵.

Вообще, на взгляд Лопухина, весь Ветхозаветный период Священной истории насыщен творческими противоречиями и антиномиями. Горячечный этноцентризм великих Пророков оказывается прообразованием и предпосылкой чаемого всечеловеческого искупления и спасения (древнеевр.: *геула*); пришедшее на смену

²³ См.: *Brown Fr. e. a.* The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon / With an Appendix Containing the Biblical Aramaic. – Peabody, Mass.: Hendrickson, 2010. P. 871–874. [12].

²⁴ См.: *Лопухин А. П.* Библейская история... С. 159–163. Эта мысль Лопухина – уже многие годы спустя после его кончины – была блистательно подтверждена открытием и реставрацией сокровищ гробницы фараона Тутанхамона.

²⁵ См.: Там же. С. 115–116.

пророчеству строгое законничество раввинистов-фарисеев оказалось, при всех его исторически понятных изъянах, предпосылкой будущего оформления Вселенской Церкви. В числе таких предпосылок – постоянная забота о поддержании и глубине веры, умение приближать к вере иноплеменников, элементы синагогального богослужения²⁶, учебной и религиозно-общинной организации. Всё это – предпосылки будущей ойкономии Христианской Церкви²⁷...

Хотелось бы обратить внимание и на немалую историческую чуткость А. П. Лопухина в его подходе к текстам Писания, к их социально-критической силе.

В исторических и пророческих книгах Ветхого Завета ученый находит выявление связей имперской политики с процессами внутреннего развращения общества, с разгулом в нём низменных страстей, с ростом гнета и социальной напряженности, с закономерными явлениями распада и с чувствами протesta²⁸. Причем это обстоятельство касается истории не только архаических «империализмов» соседствовавших с Израилем египетских и месопотамских царств, но и царствований в самом Израиле – прежде всего Соломонова царствования²⁹...

---

²⁶ В православной традиции следы синагогальных богослужений наиболее четко прослеживаются в литургике Большого поста.

²⁷ См.: *Лопухин А. П. Библейская история...* С. 352–356.

²⁸ См.: Там же. С. 83–84, 261–262.

²⁹ Вообще следует отметить, что христианское отношение к Соломону как к мудрецу на троне и строителю Первого Храма более снисходительно, нежели в иудаизме. Более того, в «пророческом» ярусе русского «высокого иконостаса» среди святых Ветхого Завета находится место и

* * *

Для Лопухина – именно как для выдающегося христианского ученого и мыслителя – особо важна и значима идея многозначного и соотносительного единства (не побоюсь сказать: единства диалектического) Ветхого и Нового Заветов в христианском Библейском Каноне. И особенно важна и дорога для него общебиблейская идея правоогражденной (и посему провиденциально благодатной) человеческой свободы. Сложное и многозначное единство Заветов мыслится ученым как залог единства истории – «истории людей»³⁰.

Кратко остановимся на лопухинской трактовке этой проблематики в нарративах Нового Завета.

Вся история человеческого рода, пишет ученый, вращается вокруг двух величайших и основополагающий событий – грехопадения и Искупления. Преодоление исканий, ошибок и преступлений человечества – преодоление в свободе – как бы предздано на самом пороге его тео-космо-исторического пути. Не случайно же и Книга Бытия, и Пролог Иоаннова Евангелия открывается одними и теми же словами: «в начале (бэ-решиит, εν αρχῃ)»³¹. Трудности человеческого убожества, приниженности, болезней, возмужания Господь – судя по

для Соломона: он изображается со свитком Писания в руке. А в редких случаях – на отдельных иконах – и с моделью Храма в руке. Такова, напр., икона начала XVIII в. из Преображенского храма в Кижах. – Инф. ресурс: pravicon.com/image-13607. [13]. Доступ: 13.03.2020.

³⁰ Сама категория «история людей» восходит к Гердеру; позднее она была подхвачена Марксом.

³¹ См.: Лопухин А. П. Толковая Библия. Ветхий Завет и Новый Завет. – М.: Эксмо, 2014. С. 315–318. [14].

текстам обоих Заветов – в конечном счете Сам принимает на Себя³². Согласно новозаветным текстам, Иисус Мессия – галилейский «рабби» и знаток Писания – постоянно (начиная с первого Своего чуда на свадьбе в Кане Галилейской) приходит на помощь людям в их неловких положениях, болезнях, униженности, отверженности и даже в их смерти³³; Лопухин постоянно – уже предваряя богословов XX столетия – подчеркивает человечность Христа и вместе с Ним и через Него – и высшего Промысла. Причем – чаще всего – и вопреки людскому нечувствию и неблагодарности. И это – воистину сквозная библейская интуиция милосердия (*хэсед ве-рахамим*) и свободы. Божеской свободы, отчасти уделяемой и человеку.

Глубинная библейская интуиция примата не рода, не обряда, не запрета, но нравственного начала в человеке в полную силу раскрывается в Новозаветных текстах³⁴. Разумеется, Божеское обращение к духовно-нравственному началу в человеке, как оно дано в Заповедях блаженства Нагорной проповеди – в этом новозаветном Декалоге (условная Десятая заповедь – «Радуйтесь!...»), может показаться призывом к тому, что в конкретной жизни почти что не осуществимо. Но, по словам Лопухина, «...требуется активное усилие со стороны человеческой нравственной природы в деле умиротворения взаимных человеческих отношений»³⁵.

---

³² См.: Там же. С. 328–329.

³³ См.: Там же. С. 341–342.

³⁴ См.: Там же. С. 370–372.

³⁵ Там же. С. 376. Кстати сказать, отсюда же – и евангельское неприятие так называемых «мер физического воздействия» со стороны тех, кто выдает себя за «правоохранителей» (см.: Там же. С. 375).

И не случайно Христос, многократно одергивавший самовлюбленность и самоуверенность людей, переживает в Своем Гефсиманском борении особый «ужас перед тяжестью грехов человечества, которое теперь предстояло Ему поднять на Себя»³⁶...

По мысли А. П. Лопухина, вся эта сквозная библейская мистерия права, свободы и творческой самоотдачи – превыше всех наших интеллектуальных выкладок и манипуляций. И всё же, эта неохватная мистерия вечно открыта уму и сердцу человека.

* * *

А в заключение этого краткого очерка о *библейском собеседовании* русского мыслителя и ученого Александра Павловича Лопухина мне хотелось бы поделиться с читателем двумя следующими соображениями, навеянными работой с его наследием.

Соображение первое. Непреложное величие свободной человеческой мысли связано с ее умением воспринимать неотступные вопросы живой истории. Для нас, живущих в эпоху перманентных революций и контрреволюций, важно понимать и постулаты равенства и неприятия властного произвола, и акценты на культурно-историческую, духовную и правовую преемственность развития. И в обоих случаях – отрицать неистовства ожесточенных толп или ожесточенных властей.

Соображение второе. Сфера религиозных отношений – и внутри себя, и в контексте окружающего ее общества – всегда невольная заложница двух подчас противоборствующих, но взаимосвязанных принципов:

---

³⁶ Там же. С. 463.

– принципа всегда необходимого, но всегда недосказанного *права* и

– принципа формализованной законности.

Это противоречие уже прослеживается в афинской трагике (судьба Антигоны)³⁷, в Ветхозаветном Каноне (законодательство Моисея в его расширительном, в частности, «второзаконном», «жреческом» варианте, эпизоды с жертвоприношениями Авраама и Иеффая) и в Каноне Новозаветном (эпизоды Страстей в Четвероевангелии, преследования и судебные тяжбы апостола Павла)...

Это же противоречие – всегда мучительное, но исторически творческое – передалось и последующей культуре Европы, а через нее – и мировой культуре как таковой.

Список литературы

³⁷ На что обратил внимание Вл. Соловьёв в завершающем разделе третьей главки Пятой главы «Оправдания добра».

7. Прибыткова Е. А. Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьёва. – М.: М. М. Колеров, 2011. 480 с.
8. Гусейнов А. А. Законодательство Моисея: единство морали и права // Баренбойм П. Д. и др. Моисей. Первый философ права. Человек, который видел Бога. – М.: ЛУМ, 2017. С. 5–47.
9. Лопухин А. П. Современный Запад в религиозно-нравственном отношении. Публичные лекции, читанные Великим постом 1885 и 1886 гг. в «Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви» в пользу недостаточных студентов Санкт-Петербургской духовной академии // Лютардт Хр. Э. Апология христианства. – СПб.: И. Л. Тузов, 1892. С. 669–792.
10. Рашковский Е. Б. Власть, человек и мысль: из политологических наблюдений над библейскими текстами // Философия права Пятикнижия. – М.: ЛУМ, 2012. С. 83–100.
11. Лопухин А. П. Библейская история Ветхого Завета. Первое заграничное издание / Репринтное воспроизведение издания 1887 года. – Монреаль: Изд. Братства Иова Почаевского, 1986. XXIV, 401 с.
12. Brown Fr. e. a. The Brown – Driver – Briggs Hebrew and English Lexicon / With the Appendix of the Biblical Aramaic. – Peabody, Mass.: Hendrickson, M2010/ XXI, 1204 p.
13. Изображение иконы Соломон царь, пророк, прав # 13607 – <http://pravicon.com.image-13607> Доступ 13.03.2020
14. Лопухин А. П. Толковая Библия. Ветхий и Новый Завет. – М.: Эксмо, 2014. 640 с., илл.

References

1. Lopukhin Alexandre Pavlovich. – http://ru.wikipedia.org/wiki/Лопухин_Александр_Павлович Access 22.07.2019
2. Yevseyev, I. Ye. Stoletnyaya godovshchina russkogo pervoda Biblii (1816–1916) [The Centenary of Russian Bible Translation (1816–1916)] – Petrograd, 1916. 42 p.
3. Lotman, Yu. M. Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations on Russian Culture. Everyday Life and Traditions of Russian Nobility: 18th – Beginning of 19th Century]. – St. Petersburg: Azbuka, 2016. 544 p.
4. Trotsky, L. D. Lenin kak national'nyi tip [Lenin as the National Type]. – Moscow: GIZ, 1924. 8 p.
5. Menn, A. V., Archpriest. Bibliologicheskiy slovar' [Lexicon on Bible Studies]. Vol. 2. – Moscow: Alexander Menn Foundation, 2002. 560 p.
6. Sukhova, N. Yu. Lopukhin Alexandre Pavlovich // Pravoslavnaya Entsiklopedia. Vol. 41. – Moscow, 2016. P. 458–462.
7. Pribytkova, Ye. F. Nesvoyevremennyi sovremennik: Filosofiya prava V. S. Solovyeva [Inopportune Contemporary: V. S. Solovyev's Philosophy of Law]. – Moscow: M. V. Kolerov, 2011. 480 p.
8. Guseynov, A. A. Zakonodatel'stvo Moiseya: yedinstvo moral'i i prava [Moses' Law: The Unity of Morality and Right] // Barenboim H. D. e. a. Moisey. Pervyi filosof prava. Chelovek, kotoryi videl Boga. – Moscow: LOOM, 2017. P. 5–47.
9. Lopukhin, A. P. Sovremennyi Zapad v religiozno-nravstvennom otnoshenii... [Contemporary West: Religious and Morals' Profile...] // Lutardt Chr. E. Apologia Khristianstva. – St. Petersburg: I. L. Tuzov, 1892. P. 669–792.

10. Rashkovsky, E. B. *Vlast', chelovek i mysl': iz politologicheskikh nablyudeniy nad bibleyskimi tekstami* [Power, Man, and Thought: Some Political Scientist's Observations Concerning the Biblical Texts] // *Filosofia prava Pyatiknizhiya*. – Moscow: LOOM, 2012. P. 669–792.
11. Lopukhin, A. P. *Bibleyskaya istoria Vetkhogo Zaveta* [Old Testament History in Bible] / Copy of 1887 Ed. – Montreal: St. Job of Pochayev Brotherhood, 1986. XXIV, 401 p.
12. Brown, Fr. e. a. *The Brown – Driver – Briggs Hebrew and English Lexicon / With the Appendix of the Biblical Aramaic*. – Peabody, Mass.: Hendrickson, 2010. XXI, 1204 p.
13. Izobrazheniye ikony Solomon... [Solomon's Icon...] – <http://pravicon.com.image-13607> Access 13.03.2020
14. Lopukhin, A. P. *Tolkovaya Biblia. Vetkhiy i Novyi Zavet* [Interpreters' Bible: Old and New Testament]. – Moscow: Exmo, 2014. 640 p., ill.

Москва, 15.03.2020
Третья седмица Великого поста

СОДЕРЖАНИЕ

Служение продолжается 7

НАСЛЕДИЕ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ В СЕГОДНЯШНЕМ ОПЫТЕ РПЦ

Прот. Александр Борисов

Отец Александр Мень – учитель веры.

Пастырская педагогика о. Александра Меня 13

Прот. Евгений Горячев

Кредо о. А. Меня как предмет православной

гомилетики 35

Свящ. Владимир Лапшин

«Памятка начинающему священнику»

прот. Александра Меня как школа православного

пастырства 45

Свящ. Владимир Лапшин

Проповедь. О чтении Священного Писания 55

Прот. Лев Большаков

Опыт общения с о. А. Менем

в практике моего священнического служения 59

Иеромонах Иоанн Гуайта

Пример служения и личности

отца Александра Меня 62

Свящ. Павел Бочков

- К вопросу о почитании прот. Александра Меня
в неканонических православных юрисдикциях
и иконографии его изображений 70

**ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНОГО ОПЫТА
ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ****Владимир Илюшенко**

- В чем заключается духовное наследие
отца Александра Меня? 85

Наталья Большакова-Минченко

- Открытие реальности Духа.
Взгляд на эпистолярное наследие
прот. Александра Меня 98

Алла Калмыкова

- История неоконченного портрета.
Обзор книг об о. Александре Мене 174

**К 40-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ
НАДЕЖДЫ МАНДЕЛЬШТАМ****От редакции**

- Пролог 239

Никита Шкловский-Корди

- «Сам-то ты где?».
Надежда Мандельштам и отец Александр Мень 247

Свящ. Владимир Зелинский Страница воспоминаний. <i>Отец Сергий Желудков,</i> <i>Н. Я. Мандельштам, отец Александр Мень</i>	259
Константин Сигов Режим безвременя и столетие встречи Осипа и Надежды Мандельштам	268
ПАМЯТИ СВЯЩЕННИКА РЕНЕ МАРИШАЛЯ	
От редакции	289
Прот. Михаил Аксёнов-Меерсон Рене Маришаль, Александр Мень и журнал христианской культуры <i>Символ</i>	292
ПОСВЯЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРУ МЕНЮ	
Евгений Рашковский Право, история, свобода: к осмыслинию библиологического наследия А. П. Лопухина.....	341

SOMMAIRE

Son service pastoral continu 7

L'HÉRITAGE DE L'ARCHIPRÊTRE ALEXANDRE MEN DANS L'EXPÉRIENCE ACTUELLE DE L'ÉGLISE ORTHODOXE RUSSE

Archiprêtre Alexandre Borissov

Le père Alexandre Men comme enseignant de la foi.

La pédagogie pastorale du père Alexandre Men 13

Archiprêtre Eugène Goryatchev

Le « Credo » du père Alexandre Men comme objet de

l'homilétique orthodoxe 35

Prêtre Vladimir Lapchine

Le « Memorandum pour un prêtre débutant »

de l'archiprêtre Alexandre Men

comme école pastorale orthodoxe 45

Prêtre Vladimir Lapchine

Homélie. Sur la manière de lire la Bible 55

Archiprêtre Lev Bolchakov

L'expérience de mes rencontres avec le père

Alexandre Men comme guide dans ma pratique

pastorale 59

Hiéromoine Ioann [Giovanni] Guaita

L'exemple du service pastoral et de la personnalité

du père Alexandre Men 62

Prêtre Pavel Botchkov

- Sur la question de la vénération du père
Alexandre Men dans les juridictions orthodoxes non
canoniques et de sa représentation iconographique 70

**INTERPRÉTATION
DE L'EXPÉRIENCE SPIRITUELLE
DU PÈRE ALEXANDRE MEN**

Vladimir Iliouchenko

- En quoi consiste l'héritage spirituel du père
Alexandre Men ? 85

Natalia Bolchakova-Mintchenko

- La découverte de la réalité de l'Esprit.
*Un regard sur l'héritage épistolaire de l'archiprêtre
Alexandre Men* 98

Alla Kalmykova

- L'histoire d'un portrait inachevé.
Revue des livres sur le père Alexandre Men 174

**POUR LE 40e ANNIVERSAIRE
DE LA MORT DE NADEJDA MANDELSTAM**

Le mot de la rédaction

- Prologue 239

Nikita Chklovsky-Cordi

- « Et toi, où es-tu ? ».
Nadejda Mandelstam et le père Alexandre Men 247

Prêtre Vladimir Zelinsky

Une page de souvenirs.

*Le père Serge Jéloudkov,**Nadejda Mandelstam, le père Alexandre Men* ..... 259**Konstantin Sigov**

Le régime des temps de marasme, et le centenaire

de la rencontre d'Ossip et Nadejda Mandelstam 268

À LA MÉMOIRE DU PÈRE RENÉ MARICHAL**Le mot de la rédaction** ..... 289**Archiprêtre Michael Axionov-Meyerson**

René Marichal, Alexandre Men

et la revue *Simvol* de culture chrétienne ..... 292**DÉDICACE AU PÈRE ALEXANDRE MEN****Eugène Rachkovsky**

Le droit, l'histoire, la liberté :

interprétation l'héritage bibliologique

de A. P. Lopoukhine 341

CONTENT

Ministry is going on 7

ARCHPRIEST ALEXANDER MEN AND HIS HERITAGE IN THE CONTEMPORARY EXPERIENCE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

Archpriest Alexander Borisov

Father Alexander Men as a teacher of faith.

Pastoral pedagogy of father Alexander Men 13

Archpriest Eugene Goryachev

Father Alexander Men's Creed

as a subject of the Orthodox homiletics 35

Priest Vladimir Lapshin

Archpriest Alexander Men's

“Recommendations for the priests-beginners”

as a school of the Orthodox pastoral care 45

Priest Vladimir Lapshin

Sermon. On the reading of the Holy Bible 55

Archpriest Lev Bolshakov

The experience of fellowship with father A. Men

in the everyday practice of my ministry 59

Hieromonk Giovanni Guaita

Father Alexander Men's

exemplary ministry and personality 62

Priest Pavel Bochkov

- On the veneration of archpriest Alexander Men
in non-canonical Orthodox Churches
and the iconography of his images 70

**THE UNDERSTANDING
OF THE SPIRITUAL EXPERIENCE
OF FATHER ALEXANDER MEN**

Vladimir Ilushenko

- What is the spiritual legacy of father
Alexander Men? 85

Natalia Bolshakova-Minchenko

- Discovery of the reality of the Holy Spirit.
*Reflections on epistolary legacy
of archpriest Alexander Men* 98

Alla Kalmykova

- A history of unfinished portrait.
Review of books about father Alexander Men 174

**COMMEMORATION
OF THE 40TH ANNIVERSARY
OF NADEZHDA MANDELSTAM'S DEATH**

Editorial

- Prologue 239

Nikita Shklovsky-Kordi

- “Where are you now?”.
Nadezhda Mandelstam and father Alexander Men 247

Priest Vladimir Zelinsky

“A page of memories”.

Father Sergei Zheludkov,

N.Ya. Mandelstam, father Alexander Men 259

Konstantin Sigov

The Neverland time and the centennial of
the Osip and Nadezhda Mandelstams' first meeting.....268

**IN MEMORIAM
OF PRIEST RENÉ MARICHAL**

Editorial .....

Archpriest Mikhail Aksenov-Meerson

René Marichal, Alexander Men

and *Symbol*, a journal of Christian culture 292

DEDICATED TO ALEXANDER MEN**Eugene Rashkovsky**

Law, history and freedom:

to the interpretation of A.P. Lopukhin's biblical

studies heritage 341

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия)
изданы (1991–2020)**

**Альманах «Христианос» – выпуски I–XXIX
Альманах «Отчий Дом»**

Книги:

**Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»**

**«Апокалипсис» –
Комментарий протоиерея Александра Меня**

**«Крестный Путь». –
Молитvenные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея**

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

**Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)**

**Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов**

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(*«Relīģijas pirmsākumi»*) на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге
«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»
(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге
«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин
«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге
«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталия Большакова
«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
(Франция)

Священник Владимир Лапшин
«Читая апостола Павла:
Послания к Коринфянам,
Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послания к Фессалоникийцам,
Послание к Римлянам – Беседы»

Наталья Большаякова

«Жизнь и служение
епископа Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Филиппийцам,
Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,
Послание к Ефесянам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Титу,
Послания к Тимофею,
Послание к Евреям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Давайте задумаемся!»
Статьи. Проповеди. Беседы

Alexander Men' International Charity Society
Riga, Latvia
Phone: +371 29147350
E-mail: amenfond@gmail.com